ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46
2026
ЧАСТЬ X

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Рогов А. Д.
Правовое положение общества с ограниченной ответственностью: баланс корпоративной автономии и защиты интересов участников и кредиторов 657

Рындина В. А., Тихолаз З. А.
Изменение сроков оплаты жилищно-коммунальных услуг 660

Рязанов А. Э.
Предмет доказывания по делам о привлечении пользователя к договорной ответственности за нарушение обязательства о неконкуренции по договору коммерческой концессии 662

Саляхова И. И.
Обязательный претензионный порядок урегулирования спора как способ защиты прав кредитора при взыскании дебиторской задолженности: проблема формализации и пути её преодоления 666

Сибиханова Д. Н.
Инфраструктурные бюджетные кредиты: правовая природа и проблемы возвратности 669

Скокова Т. В.
Принципы состязательности и добросовестности в упрощенном производстве 672

Смазнов А. Д.
Адвокатское расследование: правовые возможности и пределы 674

Соболева М. В.
Проблемы применения законодательства об ответственности за совершение административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность 686

Соболева М. В.
Основные направления совершенствования действующего законодательства об ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность 688

Соболевская В. А.
Алиментные обязательства и бремя содержания доли несовершеннолетнего: коллизия семейного и жилищного законодательства 690

Соколов Д. П.
Особенности рассмотрения корпоративных споров об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью 692

Соломатин В. О.
Пределы применения статей 10 и 168 Гражданского кодекса РФ при оспаривании сделок должника в деле о банкротстве 696

Сосламбеков М. Б.
Трансформация презумпции добросовестности налогоплательщика в контексте статьи 54.1 НК РФ и института налоговой реконструкции 700

Старухина Д. Н.
Приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность признания, соблюдения и защиты как принцип государственной службы: современные научно-цифровые аспекты 702

Стафеев В. А.
Национальная платежная система: правовые основы функционирования и обеспечение платежного суверенитета 704

Сушкова В. И., Затулинсккая В. И.
Ответственность управляющих организаций за ненадлежащее содержание многоквартирных домов 706

Титова Е. А.
Пределы организационно-распорядительных полномочий председателя суда как условие независимости судей при рассмотрении дел с участием органов публичной власти 708

Торнопол Е. Р.
Передача государственных наград для хранения членами семьи погибшего награжденного: пробел правового регулирования и пути его преодоления 711

Трашкина С. Ю., Петрова В. Ю.
Комиссии по трудовым спорам в корпоративной среде 714

Трофимова С. А.
Защита прав человека в цифровом обществе: правовой анализ 716

Филина А. С.
Классические доктринальные подходы к правовой природе недействительных сделок и их отражение в современной судебной практике 719

Хаджимусова Д. А.
Особенности производства осмотра, выемки и обыска электронных носителей информации и интернет-ресурсов 723

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Правовое положение общества с ограниченной ответственностью: баланс корпоративной автономии и защиты интересов участников и кредиторов

Рогов Анатолий Дмитриевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматривается соотношение самостоятельности общества с ограниченной ответственностью и защиты лиц, зависящих от корпоративных решений. На основе законодательства, научных публикаций и Постановления Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 6-П предлагается оценивать уставные правила с учетом возможности проверить основания решения и восстановить нарушенное право. Анализируются изменения преимущественного права покупки доли, доступ участников к документам и разграничение предпринимательского риска и ответственности руководителя. На условных примерах показаны последствия персональных уставных ограничений и различий в документировании управленческих решений. Сформулированы предложения по согласованию устава, внутренних процедур и корпоративного договора.

Ключевые слова: *общество с ограниченной ответственностью, корпоративное право, доля в уставном капитале, участники ООО, устав, ответственность директора, субсидиарная ответственность, корпоративный договор.*

Введение

Корпоративный конфликт часто обнаруживает разрыв между наличием права и возможностью им воспользоваться. Участник вправе получать информацию, но не располагает документами для оценки сделки; кредитор имеет вступившее в силу решение суда, но не может установить причины утраты имущества должника. Поэтому исследование правового положения ООО требует ответа на практический вопрос: какие условия позволяют обществу самостоятельно вести дела, сохраняя для участников и кредиторов возможность защищать свои интересы?

Цель статьи — определить, какие процедурные гарантии следует учитывать при расширении корпоративной автономии. Исследование основано на формально-юридическом анализе норм, сопоставлении научных позиций и разборе постановления Конституционного Суда РФ. Дополнительно используются условные ситуации, которые иллюстрируют действие правовых механизмов и не представляют собой сведения о реальных судебных делах. Предлагаемый подход связывает качество уставного регулирования с проверяемостью решений: заинтересованное лицо должно понимать основания решения и иметь предусмотренный законом способ оспорить нарушение.

Имущественная обособленность и пределы ограниченного риска

Статья 87 ГК РФ и статья 2 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ закрепляют самостоятельность ООО как хозяйственного общества. Принадлежащее ему имущество образует имущественную основу его деятельности и ответственности. Наличие доли в уставном капитале не дает участнику права распоряжаться отдельными вещами общества как собственными: для этого требуются действия от имени юридического лица с соблюдением установленной компетенции [1; 11].

Разделение имущества одновременно распределяет последствия хозяйственных решений. Снижение стоимости доли вследствие неудачной деятельности относится к рискам участия. Причинение обществу убытков недобросовестными или неразумными действиями руководителя оценивается по самостоятельным основаниям ответственности. Таким образом, вопрос о том, кому принадлежит имущество, и вопрос о том, кто должен возместить причиненный вред, нельзя разрешать одним аргументом об ограниченной ответственности [1, ст. 53.1 ГК РФ].

Из этого разграничения следует предлагаемый в статье критерий оценки корпоративной автономии. Уставное правило необходимо проверять по его воздействию на

возможность установить, кем и на каком основании принято решение, получить необходимые документы и использовать доступный способ защиты. Например, расширение компетенции руководителя может сопровождаться обязанностью сохранять материалы об экономическом обосновании значимых операций. Такая обязанность не устраняет хозяйственный риск, но помогает впоследствии отличить обоснованное решение от произвольного распоряжения активами.

Доля и пределы уставного регулирования

Доля объединяет возможности участия в управлении и имущественные интересы ее обладателя, однако отдельные требования могут иметь собственный правовой режим. Н. А. Новокшонова и А. А. Чередник исследуют распоряжение обязательственными требованиями, возникающими из корпоративного права на участие в распределении прибыли [3]. Для рассматриваемой темы это разграничение означает, что передача имущественного требования сама по себе не должна отождествляться с передачей всей совокупности прав участника. В каждом случае требуется определить предмет распоряжения.

Аналогичной точности требует выбор между уставом и корпоративным договором. По статье 67.2 ГК РФ стороны договора могут согласовать голосование и действия с долями. При этом договор не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем, и непосредственно не определяет структуру органов общества и их компетенцию [1]. Следовательно, соглашение нескольких участников о совместном поведении нельзя использовать как универсальную замену уставным положениям. При подготовке документов следует отдельно устанавливать, кого связывает соответствующее правило.

Федеральный закон от 7 июля 2025 г. № 186-ФЗ расширил возможности настройки преимущественного права покупки доли. Статья 21 Закона об ООО допускает уставные условия о неприменении этого права или зависимости его осуществления от определенных обстоятельств. Для включения таких положений предусмотрено единогласное решение; закон устанавливает также требования к нотариальному подтверждению решения и состава присутствовавших участников. Особые правила могут относиться к прямо названным лицам либо к участникам, отвечающим указанным в уставе признакам [1; 10].

Рассмотрим условное ООО с участниками А и Б. В уставе прямо указан участник А, в отношении которого преимущественное право покупки не применяется. После перехода его доли к В соответствующее персональное условие не распространяется на В только вследствие перехода доли: это следует из статьи 21 Закона об ООО [1; 10]. Если же правило сформулировано через размер доли, при изменении состава общества нужно проверять наличие установленного признака. Следовательно, одинаковое намерение участников ограничить преимущественное право может требовать разных формулировок и приводить к разным последствиям для правопреемника.

При наследовании доли также необходимо разграничивать приобретение корпоративного статуса и продолжение договорных отношений. Т. М. Зайпулаева обосновывает позицию о невозможности автоматического перехода обязанностей по корпоративному договору к наследнику вследствие их персонального характера [4]. В. И. Харин рассматривает доверительное управление долей в сравнении законодательства России и отдельных стран СНГ [5]. Для практического согласования документов представляется полезным заранее определить, какие вопросы решаются уставом, какие — механизмом управления наследственным имуществом, а какие потребуют отдельного соглашения. Вывод о переходе всех прежних договорных обязанностей только из факта наследования доли недостаточен.

Управление обществом и защита прав участников

Распределение компетенции между общим собранием и исполнительным органом имеет значение лишь при соблюдении процедур принятия решений [1]. Возможность голосовать теряет практический смысл, если участник своевременно не получил сведения о вопросе, требующем решения. Поэтому при оценке качества управления следует проверять не только наличие компетентного органа, но и последовательность действий: извещение, предоставление материалов, фиксацию волеизъявления и сохранение итогового документа. Нарушения на разных этапах могут требовать разных способов защиты.

Н. В. Дьяконова рассматривает общие и специальные способы защиты прав участников ООО [6]. Развивая этот вопрос применительно к внутренним процедурам, предлагается фиксировать запросы документов таким образом, чтобы можно было установить их содержание, дату получения и результат рассмотрения. Участнику и обществу полезна определенность относительно того, какие материалы предоставлены, а какие отсутствуют и по какой причине. Внутренний порядок должен обеспечивать исполнение закона, а не вводить дополнительные препятствия для доступа к информации.

При сделках с заинтересованностью особое значение приобретает связь между влиянием на решение и получением выгоды. О. В. Нарайкин исследует проблемы правового положения контролирующего лица и выгодоприобретателя [7]. В качестве внутренней меры снижения конфликтов представляется обоснованным сохранять сведения о раскрытой заинтересованности, хозяйственной цели операции и доступных данных для оценки ее условий. Эти материалы не заменяют установленные законом процедуры. Их назначение состоит в том, чтобы последующая проверка опиралась на обстоятельства, известные при совершении сделки.

Е. В. Петровская предлагает усилить участие регистрирующего органа в проверке уставов и сохранении прото-

колов собраний [2, с. 108–110]. Такая постановка вопроса обращает внимание на риск подмены корпоративных документов. Вместе с тем всеобщая передача протоколов государственному органу потребовала бы отдельного обоснования объема контроля и административных затрат. Для внутренней организации ООО в рамках действующего регулирования предлагается закреплять порядок сохранения версий документов, подтверждения их направления и передачи архива при смене руководителя. Это ограниченная организационная мера, которая не предполагает предварительного государственного одобрения каждого решения.

Ответственность руководителя и защита кредитора

Требование общества о возмещении убытков руководителем и требование кредитора о субсидиарной ответственности решают разные задачи. В первом случае оценивается вред юридическому лицу по статье 53.1 ГК РФ. Во втором применяются специальные основания, в частности законодательство о банкротстве или пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО при исключении недействующего общества из ЕГРЮЛ [1; 8]. Поэтому одного указания на совпадение статуса директора и участника недостаточно: необходимо определить основание требования, юридически значимые обстоятельства и их связь с невозможностью исполнения обязательства.

В Постановлении от 7 февраля 2023 г. № 6-П Конституционный Суд РФ рассмотрел конкретное сочетание обстоятельств: требование предпринимателя-кредитора было удовлетворено судом, дело о банкротстве прекратилось до введения первой процедуры из-за отсутствия средств, а общество впоследствии исключили из ЕГРЮЛ. Суд связал распределение бремени доказывания с доступом кредитора к документам и процессуальным поведением сторон. При установленных в постановлении условиях недобросовестное поведение контролирующего лица в процессе позволяет возложить на него доказывание отсутствия оснований ответственности. Само исключение общества из реестра не признано неопровержимым доказательством вины [8].

Различие между хозяйственным риском и нарушением можно показать на условном примере. Руководитель приобрел оборудование после сопоставления предложений, но падение спроса сделало вложение невыгодным. В другой ситуации он передал оборудование связанной организации, скрыл свою заинтересованность и не сохранил обоснование условий сделки. Убыточный результат присутствует в обоих случаях, однако обстоятельства принятия решений различаются. Оценивать следует добросовестность, разумность и причинную связь, а не только итоговый убыток. Значение такого разграничения отмечает М. А. Дубов [9]; нормативную основу составляет статья 53.1 ГК РФ [1].

Практическое значение указанного подхода состоит в сохранении проверяемых оснований управленческого решения. Предложения контрагентов, расчеты, сведения о раскрытии заинтересованности и документы о принятых мерах способны иметь доказательственное значение. При этом наличие комплекта бумаг не гарантирует освобождения от ответственности: документы должны отражать реальные обстоятельства, а их содержание оценивается вместе с поведением соответствующего лица. Для кредитора важна возможность получить и исследовать такие сведения в установленном порядке.

Заключение

Правовое положение ООО целесообразно оценивать через связь самостоятельности общества и доступности правовой защиты. Предложенный критерий проверяемости решений позволяет конкретизировать эту связь: расширение усмотрения требует ясности относительно основания решения, доступных доказательств и способа восстановления нарушенного права. Критерий предназначен для оценки качества корпоративных документов и не заменяет предусмотренные законом условия действительности решений или наступления ответственности.

Рассмотренные ситуации показывают разные последствия неопределенности. При переходе доли требуется различать персональное уставное условие и правило, связанное с признаками участника; при корпоративном договоре — круг его сторон и действие устава; при взыскании убытков — результат операции и обстоятельства ее совершения. Такое разграничение помогает формулировать адресные положения документов вместо повторения общих требований о добросовестности и защите интересов.

Практическое предложение состоит в совместной проверке устава, внутренних процедур и корпоративного договора. Для каждого существенного правила следует указать его адресата, юридическое основание, порядок применения и документы, подтверждающие исполнение. Отдельной проверки требуют последствия смены участника или руководителя. Предполагаемый эффект такого подхода — уменьшение неопределенности при возникновении спора; его результативность в конкретных обществах может быть предметом последующего эмпирического исследования.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
2. Петровская Е. В. Гражданско-правовое положение общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. — 2023. — № 12 (459). — С. 108–110. — URL: https://moluch.ru/archive/459/100902 (дата обращения: 11.11.2026).

3. Новокшонова Н. А., Чередник А. А. Распоряжение правом на участие в распределении прибыли в обществах с ограниченной ответственностью // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 8. — № 3. — С. 14–22. — DOI: 10.47475/2618–8236–2023–8-3–14–22.
4. Зайпулаева Т. М. Применение корпоративного договора в наследственных правоотношениях: проблемы теории и практики // Теория и практика общественного развития. — 2024. — № 5. — С. 268–275. — DOI: 10.24158/tipor.2024.5.36.
5. Харин В. И. Сравнительно-правовой анализ доверительного управления долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью по законодательству отдельных стран СНГ и России // Евразийская адвокатура. — 2023. — № 6 (65). — DOI: 10.52068/2304–9839_2023_65_6_99.
6. Дьяконова Н. В. Защита прав участников общества с ограниченной ответственностью // Молодой ученый. — 2024. — № 46 (545). — С. 118–120. — URL: https://moluch.ru/archive/545/119217 (дата обращения: 11.11.2026).
7. Нарайкин О. В. Современное состояние правоотношений при совершении сделок с заинтересованностью и правовой статус контролирующего лица и выгодоприобретателя: проблемы и перспективы урегулирования // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 7 (235). — С. 387–390. — DOI: 10.47643/1815–1337_2024_7_387.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П по делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439423/ (дата обращения: 11.11.2026).
9. Дубов М. А. Двойственность правовой ответственности руководителя в обществе с ограниченной ответственностью // Молодой ученый. — 2024. — № 47 (546). — С. 170–172. — URL: https://moluch.ru/archive/546/119516 (дата обращения: 11.11.2026).
10. Федеральный закон от 07.07.2025 № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью”». — URL: https://base.garant.ru/412293192/ (дата обращения: 11.11.2026).
11. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ.

Изменение сроков оплаты жилищно-коммунальных услуг

Рындина Виктория Анатольевна, студент;
Тихолаз Злата Андреевна, студент
Научный руководитель: Пешкова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассмотрены изменения, которые были внесены Федеральным законом от 24.06.2025 № 177-ФЗ в статью 155 Жилищного кодекса РФ. Данные изменения касаются сроков внесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги, а также сроков направления платёжных документов. Исследуется проблема соотношения императивного установления сроков и договорной свободы участников жилищных отношений.

Ключевые слова: *жилищно-коммунальные услуги, срок оплаты, платёжный документ, договорная свобода, императивная норма, защита прав потребителей.*

С 1 марта 2026 года начал действовать Федеральный закон от 24.06.2025 № 177-ФЗ «О внесении изменений в статьи 155 и 171 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьи 6 и 7 Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»». Нормы федерального закона касаются внесения платы за жилищно-коммунальные услуги.

В соответствии со статьёй 1 Федерального закона № 177-ФЗ часть 1 статьи 155 ЖК РФ изложена в обновлённой редакции: «Плата за жилое помещение и коммунальные услуги вносится ежемесячно до пятнадцатого числа месяца, следующего за истекшим месяцем». Прежняя редакция предусматривала срок до десятого числа [1].

Минстрой России в письме от 20.02.2026 № 9202-ДН/04 разъяснил, что новые правила применяются уже при формировании платёжных документов за февраль 2026 года и последующие периоды [5]. При этом ведомство особо оговорило, что данное письмо не является нормативным правовым актом и содержит лишь позицию министерства по применению положений закона.

Одновременно изменён срок представления платёжных документов. В соответствии с новой редакцией пункта 1 части 2 статьи 155 ЖК РФ платёжные документы должны направляться потребителям не позднее пятого числа месяца, следующего за истёкшим. Ранее этот срок составлял первое число месяца. Так, у потребителей появ-

ляется дополнительное время для ознакомления с квитанцией до наступления срока оплаты [1].

Из пункта 1 части 2 статьи 155 ЖК РФ были исключены слова «если иной срок не установлен договором управления многоквартирным домом либо решением общего собрания членов товарищества собственников жилья, жилищного кооператива или иного специализированного потребительского кооператива». Это важное изменение, которое касается метода правового регулирования. Также исключение произведено в части 2 статьи 171 ЖК РФ, регулирующей порядок и условия внесения платы за капитальный ремонт [1].

На практике это значит, что новые сроки установлены императивно и не могут быть изменены ни договором управления многоквартирным домом, ни решением общего собрания собственников.

Статья 2 Федерального закона № 177-ФЗ вносит изменения в Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства» [2]. В частности, часть 1 статьи 6 дополнена пунктом 41.1, предусматривающим размещение в системе информации об исполнительных производствах, возбуждённых на основании исполнительных документов, содержащих требования о взыскании задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг. Также, статья 7 дополнена частями 27 и 28, которые определяют порядок размещения такой информации Федеральной службой судебных приставов и оператором единой информационной системы жилищного строительства.

Свобода договора, закреплённая в статье 421 ГК РФ, не является абсолютной. Она ограничена императивными нормами закона, и законодатель вправе устанавливать обязательные для сторон правила, если это необходимо для защиты публичных интересов или интересов слабой стороны [4]. В данном случае законодатель прямо исключил договорное усмотрение из регулирования сроков оплаты ЖКУ.

Сторонники унификации указывают на то, что единый срок создаёт правовую определённость и упрощает правоприменение и для потребителей, и для ресурсоснабжающих организаций и управляющих компаний, для них действует единое правило, которое не требует изучения локальных актов. Унификация также снижает риск злоупотреблений со стороны недобросовестных управляющих организаций.

Заявленная цель поправок — сделать оплату более удобной для граждан. Увеличение срока оплаты с 10-го до 15-го числа возможно предоставит потребителям дополнительное время и снижает риск просрочки так как у людей появляется запас в несколько дней для того, чтобы разобраться с квитанциями, дождаться зарплаты или просто не забыть о платеже в суете. На первый взгляд, мера выглядит как очевидный шаг навстречу гражданам, но с точки зрения прав потребителей ситуация не столь однозначна. Продление срока само по себе не решает более важных проблем, которые связаны с начислением и оплатой.

У нас также возник вопрос, как нововведение будет соотноситься с уже действующими правилами, например, не приведет ли перенос даты к путанице в расчетах, начислению пеней на стыке периодов или к тому, что управляющие организации и ресурсоснабжающие компании начнут возмещать потери за счет изменения порядка выставления счетов. Также дополнительное время может обернуться и дополнительным риском, например, у потребителя появляется иллюзия большего запаса, тогда как сроки обжалования неверных начислений, подачи заявлений о перерасчете или льготах остаются прежними. Поэтому оценивать поправки стоит не только по заявленной цели, но и по тому, как они встроятся в существующую практику и не создадут ли новых оснований для споров между потребителями и поставщиками услуг.

С одной стороны, увеличение срока оплаты достаточно позитивное изменение для большинства граждан.

С другой стороны, исключение права на договорное установление более позднего срока может ограничить возможности собственников, которые ранее договаривались с управляющей организацией о более комфортном графике платежей.

Если ранее общее собрание могло установить, например, срок до 20-го числа, то теперь такая возможность утрачена. Возникает вопрос: не является ли унификация избыточным патернализмом, ограничивающим автономию воли субъектов, способных самостоятельно определить удобные для них условия?

Для большинства обновлённые временные рамки объективно комфортнее, так как они лучше вписываются в их текущий распорядок и дают больше свободы в планировании. Для меньшинства, у которого были иные договорённости, это менее комфортно, поскольку потребует перестройки привычного графика или пересмотра ранее согласованных условий.

Также, необходимо учитывать, что исключение договорного регулирования затрагивает не только потребителей, но и управляющие организации.

Для поставщиков ресурсов и управляющих организаций унификация сроков означает предсказуемость денежных потоков. Ранее различающиеся сроки в разных домах и регионах создавали сложности в планировании. Единый срок до 15-го числа упрощает финансовое планирование и снижает административную нагрузку.

Также важно учесть, что сокращение срока направления квитанций, а он проходит с 1-го до 5-го числа, означает, что у управляющих организаций остаётся меньше времени на формирование и направление платёжных документов. Если ранее при сроке оплаты до 10-го числа и квитанции до 1-го числа у потребителя было примерно 9 дней, то теперь при сроке оплаты до 15-го и квитанции до 5-го — около 10 дней. Разница незначительна, но управляющие организации несут повышенную нагрузку по своевременному формированию и направлению платёжных документов.

Государство заинтересовано в бесперебойном финансировании жилищно-коммунального комплекса и даже в этом случае задолженность за ЖКУ остаётся значи-

тельной проблемой, а унификация сроков совместно с их увеличением может способствовать снижению просрочек.

Оценка данного регулирования должна производиться с учётом баланса интересов. Так, публичный интерес в стабильности ЖКХ и защита потребителей, как слабой стороны, перевесили интерес в сохранении договорной диспозитивности. Но все же, исключение возможности договорного установления иных сроков ограничивает автономию воли участников жилищных отношений и может рассматриваться как избыточное ограничение договорной свободы в тех случаях, когда стороны способны самостоятельно согласовать удобные условия.

В заключение хочется сказать, что реформа нацелена на унификацию и правовую определённость в жилищно-коммунальной сфере.

Единые сроки облегчают правоприменение, уменьшают административную нагрузку, повышают предсказуемость денежных потоков для управляющих и ресурсоснабжающих организаций и формируют дополнительные гарантии для потребителей.

В целом, унификация временных рамок упрощает применение норм на практике, снижает бюрократическое бремя, делает финансовые потоки более прогнозируемыми для управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций, а также создаёт дополнительные механизмы защиты прав потребителей. Для большинства граждан продление срока оплаты объективно удобнее и снижает риск просрочки. Более длительный период на внесение платежей психологически комфортнее и практически выгоднее, поскольку уменьшает вероятность возникновения задолженности.

Однако исключение договорного регулирования сужает автономию воли участников жилищных отношений. Это поднимает вопрос о балансе между публичным интересом в стабильности жилищно-коммунального комплекса и защитой потребителей, с одной стороны, и сохранением договорной свободы — с другой. Оценка регулирования должна осуществляться с учётом этого баланса интересов, а практика применения закона покажет, насколько выбранная модель себя оправдывает.

Литература:

1. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: Федер. закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ: (последняя редакция) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165810/ (дата обращения: 14.11.2026).
2. О внесении изменений в статьи 155 и 171 Жилищного кодекса Российской Федерации и статьи 6 и 7 Федерального закона «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»: Федер. закон от 24.06.2025 № 177-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508372/ (дата обращения: 14.11.2026).
3. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ: (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 14.11.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ: (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 14.11.2026).
5. О сроке предоставления платежных документов за жилое помещение и коммунальные услуги в связи со вступлением в силу Федерального закона от 24.06.2025 № 177-ФЗ, вносящего изменения в ЖК РФ: письмо Минстроя России от 20.02.2026 № 9202-ДН/04 // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_527162/ (дата обращения: 14.11.2026).

Предмет доказывания по делам о привлечении пользователя к договорной ответственности за нарушение обязательства о неконкуренции по договору коммерческой концессии

Рязанов Артём Эдуардович, студент магистратуры
Научный руководитель: Кузнецова Надежда Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Пунктом 1 статьи 1033 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность установления ограничений прав сторон договора коммерческой концессии. В частности, пользователь может принять обязательство не конкурировать с правообладателем на территории действия договора применительно к предпринимательской деятельности, осуществляемой с использованием предоставленных исключительных прав.

Согласование такого ограничения позволяет определить условия участия пользователя в деятельности франчайзинговой сети и пределы его самостоятельной предпринимательской деятельности [1].

Указанное регулирование необходимо рассматривать во взаимосвязи с законодательством о защите конкуренции. Часть 2 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» запрещает отдельные виды вертикальных соглашений, одновременно отсылая к исключениям, установленным статьёй 12 этого закона. Согласно части 1 названной статьи допускаются письменные вертикальные соглашения, являющиеся договорами коммерческой концессии, за исключением соглашений между финансовыми организациями. Вместе с тем такая допустимость не исключает проверки отдельных ограничительных условий: соответствующая возможность предусмотрена пунктом 3 статьи 1033 ГК РФ [1; 2].

В договорах коммерческой концессии встречаются условия, рассчитанные на применение как во время действия договора, так и после его прекращения. Сама статья 1033 ГК РФ прямо не устанавливает постдоговорного периода неконкуренции. Поэтому при разрешении спора необходимо определить содержание принятого пользователем обязательства и установить, сохранялось ли оно после прекращения договора с учётом пункта 2 статьи 453 ГК РФ [3].

Вопрос о пределах допустимых ограничений исследуется и в юридической литературе. Пределы ограничения прав сторон договора коммерческой концессии на примере оговорки о неконкуренции исследовала Е. Смирнова [4]. И. В. Акимова и И. Н. Кожевников обращают внимание на возможность использования конструкции коммерческой концессии для получения необоснованных преимуществ и обосновывают необходимость оценки действительного содержания отношений сторон [5, с. 63, 66–67]. Н. П. Бычкова рассматривает условие о неконкуренции как необходимый инструмент обеспечения интересов правообладателя, в том числе после прекращения договора коммерческой концессии [6, с. 81]. Обращение к этим исследованиям позволяет обозначить исходную проблему: признание допустимости ограничительного условия ещё не разрешает вопроса о наличии оснований ответственности, поскольку необходимо установить нарушение именно той обязанности, которую принял пользователь.

При рассмотрении таких споров возникает вопрос о предмете доказывания. Его состав зависит от содержания договорного запрета и заявленного требования. Для взыскания штрафа необходимо установить существование обеспеченного неустойкой обязательства, его действие в соответствующий период и совершение пользователем запрещённых действий. При этом освобождение правообладателя от доказывания причинения убытков, предусмотренное пунктом 1 статьи 330 ГК РФ, не означает освобождения от доказывания самого нарушения [3; 7].

Значение имеет не только первоначальный текст договора, но и последующие соглашения сторон. Так, в споре ООО «ДНКОМ» с ООО «Мосанализ» правообладатель потребовал взыскать штраф за сотрудничество бывшего пользователя с конкурирующей лабораторией. Однако Арбитражный суд Московского округа установил, что соглашение о расторжении прекратило все обязательства, кроме прямо перечисленных, а обязательство о неконкуренции среди сохранённых обязанностей отсутствовало. Апелляционное взыскание было отменено, отказ в иске оставлен в силе [8]. Следовательно, установление конкурирующей деятельности не восполняет отсутствие действующего договорного запрета.

Следующим обстоятельством является соответствие фактической деятельности содержанию ограничения. Одного совпадения общего направления бизнеса недостаточно для объяснения нарушения: необходимо сопоставить оказываемые услуги, выполняемые работы или реализуемые товары с предусмотренным договором перечнем запрещённых действий. В зависимости от формулировки условия юридическое значение может иметь непосредственное оказание аналогичных услуг, управление конкурирующим предприятием, консультирование либо иная форма участия.

При непосредственном осуществлении деятельности пользователем существенное значение приобретают документы, позволяющие определить исполнителя конкретной операции. Отчёт тайного покупателя в таком случае исследуется вместе с договором с клиентом, документами об оплате и сведениями о месте оказания услуги. Например, в споре ИП Мельниковой Е. М. с ИП Зиннатулиной Е. О. проверка и кассовый чек подтверждали продолжение оказания логопедических услуг после прекращения договора. Дополнительно учитывались сохранение прежней локации, интерьера и схожих шаблонов ценообразования. Признание действий нарушающими договор и взыскание неустойки были сохранены кассационной инстанцией [9].

Сходная доказательственная конструкция использовалась в деле ИП Мельниковой Е. М. против ИП Сушенцовой К. О. Пользователь оспаривал достоверность отчёта тайного покупателя и ссылался на непередачу ноу-хау. Суды установили продолжение конкурирующей деятельности, а при оценке доводов об исходном договоре учли его фактическое исполнение и отсутствие ранее заявленных претензий к составу переданной информации [10]. Вместе с тем обстоятельства исполнения первоначального договора и совершения последующего нарушения следует разграничивать: одно не заменяет другое.

В споре ООО «Кофе Лайк» с ИП Чистяковой Е. Ю. продолжение работы кофе-баров под собственным брендом подтверждалось скрытыми закупками. Суды признали нарушение постдоговорного запрета доказанным и взыскали предусмотренный договором штраф [11]. При этом смена вывески сама по себе не разрешает вопрос о неконкуренции. Если ограничение охватывает аналогичную деятельность без использования прежнего комплекса исключительных прав, прекращение использования товарного знака не исключает нарушения такого обязательства.

Факт запрещённого сотрудничества может подтверждаться и документами, отражающими исполнение заказа третьим лицом. В деле ООО «ДНКОМ» против ООО «Самсон» правообладатель представил договор с пациентом, заявку на исследования и результаты на бланке конкурирующей лаборатории с указанием пользователя как заказчика. Эти сведения позволяли установить конкретную хозяйственную операцию, а не только предложение аналогичных услуг. Основной спор при этом касался сохранения договоров после направленного пользователем уведомления об отказе [12].

Более сложная ситуация возникает, когда деятельность формально осуществляется другим предпринимателем. В таком случае необходимо разграничить факт конкуренции, отношения связанности между лицами и обстоятельства, позволяющие отнести деятельность третьего лица к нарушению обязательства пользователя. Согласно пункту 3 статьи 308 ГК РФ договор не создаёт обязанностей для лиц, не участвующих в нём в качестве сторон. Поэтому самостоятельная деятельность связанного предпринимателя ещё не объясняет, какие именно действия совершил пользователь и каким образом нарушил принятое обязательство [3].

Показательно дело ООО «Абаканская маркетинговая компания» против ИП Калюжной Е. А. После прекращения договора в прежнем помещении начал работать салон другого предпринимателя — ИП Трушковской Е. С. Правообладатель ссылался на отчёт тайного покупателя, переписку, совместное обучение предпринимателей, передачу паспортных данных и предполагаемое принятие сертификатов прежней сети. Однако Третий арбитражный апелляционный суд не признал доказанными аффилированность и участие пользователя в конкурирующем предприятии. Не были установлены владение, управление, заинтересованность, консультирование либо финансовые и иные отношения, связывающие пользователя с новым бизнесом [13].

Указанное дело позволяет поставить вопрос о бенефициарном экономическом интересе пользователя, под которым в настоящем исследовании предлагается понимать прямую или опосредованную имущественную выгоду от конкурирующей деятельности. Такой интерес не обязательно предполагает формальное владение предприятием или получение всей его выручки. Он может выражаться в вознаграждении за консультационное участие либо в иной имущественной выгоде, обусловленной деятельностью предприятия.

Представляется, что при вменении пользователю фактического продолжения бизнеса через другое лицо экономическая направленность его участия должна получать самостоятельную оценку. Связанность объясняет возможность взаимодействия предпринимателей, однако не раскрывает содержание такого взаимодействия. Совпадение адреса, сохранение оформления и использование прежних контактов могут указывать на преемственность предприятия, но сами по себе не устанавливают получение пользователем имущественной выгоды.

При этом необходимость доказывания бенефициарного интереса может прямо следовать из договора. В деле ООО «ЛазерЛов» против Корнеевой Н. А. условие о неконкуренции распространялось на деятельность зависимых и аффилированных лиц при установлении пользователя как конечного бенефициара. После прекращения договоров услуги лазерной депиляции оказывались от имени супруга пользователя. Правообладатель представил отчёты проверок, а одним из обстоятельств, учтённых судом, стало поступление оплаты за услугу непосредственно пользователю. Взыскание штрафа было оставлено апелляционной инстанцией без изменения [14; 15].

Здесь необходимо различать доказательства связанности и доказательства экономического участия. Наличие брака подтверждало отношения между предпринимателями. Поступление оплаты на счёт пользователя дополнительно связывало его с исполнением конкретного заказа. Таким образом, вывод об ответственности основывался на обстоятельствах, выходящих за пределы одного лишь семейного отношения.

Иной по степени раскрытия имущественной связи пример содержится в деле ООО «Маркет Франшиз» против Перегудовой Е. В. После прекращения договора салон продолжил работу от имени супруга пользователя. Суд учёл отчёт тайного покупателя, идентичность услуг, прежнее помещение, особенности оформления и ответ органа ЗАГС о наличии брака. При разрешении спора было также приведено положение статьи 34 СК РФ об общности имущества супругов. Апелляционная инстанция сохранила вывод о нарушении, изменив размер штрафа [16; 17].

Вместе с тем установленный законом режим общего имущества и фактическое участие в предпринимательстве не являются тождественными обстоятельствами. Статья 34 СК РФ позволяет оценить имущественную заинтересованность супруга в получаемых доходах, но сама по себе не подтверждает управление предприятием, консультирование либо использование переданных по франшизе сведений [18]. Поэтому содержание договорного запрета приобретает решающее значение: суду необходимо определить, какое из этих обстоятельств образует нарушение.

Не следует также отождествлять бенефициарный интерес с любым содействием конкуренту. Если договор самостоятельно запрещает консультационные или информационные услуги, их оказание может образовать нарушение и без подтверждённого вознаграждения. Напротив, если правообладатель утверждает, что формально самостоятельное предприятие фактически продолжает бизнес пользователя в его имущественных интересах, отсутствие оценки экономической связи оставляет такой довод необъяснённым. Предлагаемое разграничение позволяет сохранить договорное содержание обязанности и одновременно исключить автоматическое вменение пользователю деятельности любого связанного лица.

Наряду со взысканием штрафа правообладатели предъявляют неимущественные требования, допустимость которых получает различную оценку в судебной практике. Так, в деле ИП Мельниковой Е. М. против ИП Ладикайнен М. Н. суд удовлетворил требования о признании

действий пользователя нарушающими договор и запрете конкурирующей деятельности, одновременно взыскав неустойку; апелляционная инстанция признала согласованный постдоговорный запрет основанием для предоставления такой защиты [19; 20]. Однако в другом споре того же правообладателя — против ИП Кириенко Т. С. — Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, установив нарушение обязательства о неконкуренции и взыскав штраф, отказал в признании действий пользователя нарушающими договор. Суд исходил из того, что такое требование не предусмотрено законодательством в качестве способа защиты гражданских прав, не порождает возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей сторон и не приводит к восстановлению нарушенного права. Решение оставлено апелляционной инстанцией без изменения [21; 22]. Таким образом, даже в спорах одного правообладателя сформулированы противоположные выводы о допустимости самостоятельного требования о признании действий пользователя нарушающими договор. Представляется, что подход к предоставлению такой неимущественной защиты пока нельзя считать сформированным: дальнейшего исследования требует самостоятельное защитное значение указанного требования, а также его соотношение с требованием о запрете конкурирующей деятельности.

Таким образом, предмет доказывания в рассматриваемых спорах определяется содержанием обязательства, периодом его действия и избранным способом защиты. При непосредственной деятельности пользователя основное значение имеют установление исполнителя и соответствие операции договорному запрету. При деятельности через третье лицо дополнительно требуется раскрыть форму участия пользователя и юридически значимую связь с конкурирующим предприятием.

При предъявлении неимущественных требований установление нарушения необходимо отличать от разрешения вопроса о допустимости избранного способа защиты. Рассмотренные дела показывают, что доказанность нарушения, достаточная для взыскания штрафа, не гарантирует удовлетворения самостоятельного требования о признании действий пользователя нарушающими договор. Противоположная оценка допустимости такого требования свидетельствует о несформированности подхода в исследованной практике и необходимости дальнейшего рассмотрения его защитного значения во взаимосвязи с требованием о запрете конкурирующей деятельности.

Представляется, что бенефициарный экономический интерес должен рассматриваться как самостоятельное обстоятельство, когда основанием ответственности выступает фактическое продолжение пользователем бизнеса посредством другого предпринимателя, особенно если соответствующее условие прямо предусмотрено договором. Его установление позволяет отличить деятельность в имущественных интересах пользователя от самостоятельного бизнеса связанного лица. Вместе с тем данное положение не заменяет доказывания конкретного запрещённого действия и не вводит универсального требования подтвердить доход при любом нарушении обязательства о неконкуренции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410. — // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276
2. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31, ч. 1. — Ст. 3434. — // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301. — // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239
4. Смирнова Е. Ограничения правоспособности сторон по договору коммерческой концессии // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2012. — № 8. — С. 51–57.
5. Акимова И. В., Кожевников И. Н. Договор коммерческой концессии сквозь призму антимонопольных запретов и иммунитетов // Российское конкурентное право и экономика. — 2022. — Специальный выпуск. — С. 62–68. — DOI: 10.47361/2542–0259–2022-SpV-62–68. — // URL: https://competitionsupport.com/wp-content/uploads/2022/02/ %D0 %A0 %D0 %9A %D0 %9F %D0 %B8 %D0 %AD_SpV_2022.pdf
6. Бычкова Н. П. Особенности коммерческой концессии (франчайзинга) в России // Естественно-гуманитарные исследования. — 2024. — № 1 (51). — С. 79–82. — // URL: https://academiyadt.ru/wp-content/uploads/egi/egi-51v2.pdf
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012. — Официальный электронный текст.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 декабря 2024 г. по делу № А40–232044/2023 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ffc9651f-b1a3–4cd4–9b56-daff577caef8/d4481a79-e9b1–4eef-a243-bb6a2f7df746/ %D0 %9040–232044–2023__20241205.pdf
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 февраля 2026 г. по делу № А56–16200/2025 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/ee67b917–6558–4f4c-832d-9dcc7596318c/195e8d3d-1d41–42a9-b8b3-b73f5442c770/ %D0 %9056–16200–2025__20260225.pdf

10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 28 января 2026 г. по делу № А56–16666/2025 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/24279614-e554–4e41-a877-ed01afb8b971/b49a0470-ddad-4f4b-8bda-16a1a0ac0235/ %D0 %9056–16666–2025__20260128.pdf
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 июля 2025 г. по делу № А71–10886/2024 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/d756f4e3–47f2–4e77–83da-e345bf6ce7a3/34a9defa-2d66–4ece-b251-fb-035cca2b12/ %D0 %9071–10886–2024__20250729.pdf
12. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 3 июня 2026 г. по делу А40–233132/2025 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/d3c407e0–0c47–4c21-b16e-b17c56f7b354/ac62a1bf-923c-4368–8dea-6663d174a9a4/ %D0 %9040–233132–2025__20260603.pdf
13. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 января 2025 г. по делу № А74–6083/2024 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/9c475efb-6621–453a-87a4–97715bb12857/c747f4d2-ff4f-41d3–953e-1d979dbfe681/ %D0 %9074–6083–2024__20250127.pdf
14. Решение Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 10 января 2024 г. по делу № 2–224/2024 // URL: https://lomonosovsky.arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=236766456&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
15. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 14 мая 2024 г. по делу № 33–3652/2024 // URL: https://oblsud—arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=20780432&delo_id=5&new=5&text_number=1
16. Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 19 июня 2024 г. по делу № 2–773/2024 // URL: https://centralny—nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=531180921&delo_id=1540005&new=0&text_number=1
17. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 26 сентября 2024 г. по делу № 33–9133/2024 // URL: https://oblsud—nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=10120389&delo_id=5&new=5&text_number=1
18. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16. — // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925
19. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2025 г. по делу № А56–104421/2024 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/02766207-bbd8–491e-bd47-ce698d990a7e/92afca2f-a76c-4563-bb56–7075d29c09dc/ %D0 %9056–104421–2024__20250731.pdf
20. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 декабря 2025 г. по делу № А56–104421/2024 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/02766207-bbd8–491e-bd47-ce698d990a7e/86fb9e97–07d3–45f0–9484–39b046f61568/ %D0 %9056–104421–2024__20251229.pdf
21. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 9 мая 2025 г. по делу № А56–16211/2025 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/c17a4787–691e-4ed3-b501–0ea7696208ec/dd255a33-fe80–40ef-b09c-3ac14b173290/ %D0 %9056–16211–2025__20250509.pdf
22. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2026 г. по делу № А56–16211/2025 // URL: https://ras.arbitr.ru/Kad/PdfDocument/c17a4787–691e-4ed3-b501–0ea7696208ec/d8626ed3-b95d-4dd3–8ff8–45cd2820cc1f/ %D0 %9056–16211–2025__20260430.pdf

Обязательный претензионный порядок урегулирования спора как способ защиты прав кредитора при взыскании дебиторской задолженности: проблема формализации и пути её преодоления

Саляхова Индира Инзифовна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье обязательный претензионный порядок урегулирования спора (ч. 5 ст. 4 АПК РФ) рассматривается как способ защиты прав кредитора при взыскании дебиторской задолженности, эффективность которого зависит не только от процессуального регулирования, но и от организационно-методического обеспечения претензионной работы на уровне самого кредитора. Раскрывается история введения института Федеральным законом от 02.03.2016 № 47-ФЗ и требование содержательности досудебного урегулирования, сформулированное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18. Показано, что превращение претензионного порядка в формальный этап во

многом обусловлено отсутствием у кредитора, прежде всего субъекта малого предпринимательства, системы учёта и сигнализации о просроченной задолженности, ответственного лица и документального сопровождения претензионной работы. На основе анализа предложенной в экономической литературе модели информационно-методического обеспечения досудебного взыскания долгов обосновывается, что документы, фиксирующие содержательное взаимодействие с должником (акт сверки, отчёт о состоянии задолженности, уведомления), одновременно способны служить подтверждением добросовестного соблюдения претензионного порядка в значении, придаваемом ему Постановлением № 18. Сформулированы предложения по дифференциации сроков рассмотрения претензии в зависимости от бесспорности требования и по закреплению минимального организационного стандарта претензионной работы кредитора.

Ключевые слова: *претензионный порядок, досудебное урегулирование споров, дебиторская задолженность, способ защиты прав, часть 5 статьи 4 АПК РФ, информационно-методическое обеспечение взыскания, малое предпринимательство, процессуальная экономия.*

Рост объёма просроченной дебиторской задолженности российских организаций делает вопрос о реальной, а не декларативной эффективности досудебных механизмов её взыскания практически значимым. По данным Федеральной службы государственной статистики, к концу мая 2026 года просроченная дебиторская задолженность российских компаний достигла 9 трлн рублей, увеличившись за месяц на 2,6 %, а с начала года — на 16,9 %; её доля в общем объёме дебиторской задолженности бизнеса выросла до 6,7 % против 6,2 % на начало года [1]. По данным опросов Российского союза промышленников и предпринимателей, неплатежи контрагентов во второй половине 2025 года были признаны предприятиями главной проблемой ведения бизнеса, а в 2026 году сохранили второе место среди наиболее острых трудностей [1]. При этом, как отмечает Центральный банк РФ, сильнее всего от неплатежей страдают именно малые и средние поставщики, поскольку крупные контрагенты способны в одностороннем порядке увеличивать сроки оплаты, тогда как возможности малого предприятия по организации взыскания долга объективно ограничены [1]. В этих условиях обязательный претензионный (досудебный) порядок урегулирования спора, предусмотренный частью 5 статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ), приобретает значение не формальной проверки перед обращением в суд, а самостоятельного инструмента, эффективность которого напрямую зависит от того, как именно кредитор организует работу с претензией.

Институт обязательного претензионного порядка в его современном виде введён Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ, вступившим в силу с 1 июня 2016 года: с этого момента спор, возникающий из гражданских правоотношений, может быть передан на разрешение арбитражного суда только после того, как истец принял меры по досудебному урегулированию, направив ответчику претензию, и выждал тридцать календарных дней либо иной срок, установленный законом или договором [2]. Несоблюдение данного требования влечёт возвращение искового заявления (п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ) либо оставление его без рассмотрения, если оно было принято к производству (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ) [8]. Для взыскания дебиторской задолженности данная стадия является первой из трёх, которые традиционно выделяются в процессе возврата долга: досудебное взыскание в претензионном порядке, судебное разбирательство и фактическое исполнение решения суда [3].

Правовая природа претензионного порядка во многом объясняет заложенный в нём риск формализации. По своему содержанию претензия представляет собой обмен документами между сторонами без участия независимого лица, содействующего урегулированию конфликта, и в этом смысле принципиально отличается от медиации или третейского разбирательства. Е. С. Любовенко, характеризуя данный институт применительно к спорам с участием кредитных организаций, справедливо отмечает, что претензионный порядок носит скорее «технический» характер и редко приводит к реальному разрешению спора по существу интересов сторон [4]. Вместе с тем эта черта не предопределена самой природой института раз и навсегда: практика взыскания задолженности показывает, что претензионная стадия способна оказаться максимально быстрым и наименее затратным для кредитора способом возврата долга — при условии, что она обеспечена соответствующей организационной подготовкой на стороне самого кредитора.

В. Ю. Солдатенков, анализируя алгоритм взыскания дебиторской задолженности с контрагентов, прямо указывает, что претензионный (досудебный) способ взыскания «является самым быстрым и наименее затратным для кредитора или его представителей» по сравнению с судебным разбирательством [3]. Данный тезис заслуживает поддержки, однако он справедлив лишь при условии, что кредитор располагает необходимой организационной инфраструктурой для своевременного выявления просроченной задолженности и содержательной работы с претензией, — а именно это условие, как показывает практика малого предпринимательства, зачастую не выполняется.

Е. В. Пестерева, исследуя процесс досудебного взыскания долгов на предприятиях малого бизнеса, отмечает, что значительная часть работ по данной проблематике ограничивается перечислением общих мер по взысканию

задолженности без учёта источников информации, аккумулирующих данные и служащих сигналом о наличии просроченной задолженности, что лишает предложенные подходы комплексности [3]. Для малых предприятий, у которых, как правило, отсутствуют отдельные структуры, занимающиеся контролем и взысканием дебиторской задолженности, а соответствующие функции возлагаются на бухгалтера, менеджера либо руководителя организации, данный недостаток приобретает особое значение [3]. Этот вывод логично перенести в плоскость процессуально-правового анализа: претензионный порядок оказывается формальным не только в силу отсутствия у законодателя стандартов содержательности претензионной работы, но и в силу того, что у значительной части кредиторов — прежде всего субъектов малого предпринимательства — отсутствует организационная возможность наполнить претензионную стадию реальным содержанием.

В качестве организационной основы содержательной претензионной работы Е. В. Пестерева предлагает возложить на ответственное лицо задачи по определению сроков погашения задолженности, выявлению непогашенной в срок дебиторской задолженности и своевременному информированию руководства об истечении срока исковой давности, реализуемые по результатам регулярной инвентаризации задолженностей [3]. Данный подход опирается на действующее нормативное регулирование бухгалтерского учёта: согласно Положению по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности в Российской Федерации, утверждённому приказом Минфина России от 29.07.1998 № 34н, организация обязана формировать резерв по сомнительным долгам, если такие долги имеют место, а сомнительной признаётся задолженность, не погашенная или с высокой степенью вероятности не подлежащая погашению в установленные договором сроки и не обеспеченная соответствующими гарантиями [5]. Предложенные автором форма отчёта о состоянии дебиторской задолженности и схема действий менеджера — от фиксации просрочки и информирования клиента до запроса и передачи акта сверки, согласования графика оплаты и контроля поступления средств — по существу и есть методическое описание того, каким образом претензионная работа может быть наполнена содержанием, требуемым Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 [3].

Требование содержательности не является авторским домыслом: Пленум Верховного Суда РФ прямо указал, что процедура досудебного урегулирования не должна носить формального характера и не может выражаться лишь в направлении одной стороной другой стороне письма с указанием претензий (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18) [6]. Одновременно Пленум разъяснил, что подтверждением соблюдения претензионного порядка могут служить протокол разногласий, соглашение о прекращении переговоров без достижения согласия и иные документы, отражающие реальное взаимодействие сторон (п. 19 указанного Постановления) [6].

Косвенным подтверждением того, что законодатель признаёт различную степень необходимости досудебного урегулирования в зависимости от характера требования, служит правило пункта 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»: взыскатель, обращающийся в арбитражный суд за выдачей судебного приказа по бесспорному денежному требованию, не обязан принимать меры по досудебному урегулированию спора [7]. Данное разъяснение построено на том, что признание должником долга — в частности, посредством акта сверки или гарантийного письма, то есть документов, которые в модели Е. В. Пестеревой являются штатным результатом претензионной работы, — само по себе исключает необходимость дополнительной проверки готовности сторон к урегулированию [3; 7]. Отсюда следует, что содержательная функция претензионного порядка и качество организации претензионной работы кредитора связаны напрямую: чем более системно кредитор фиксирует взаимодействие с должником на досудебной стадии, тем яснее в дальнейшем видна бесспорность либо спорность его требования.

Изложенное позволяет сформулировать следующий вывод: эффективность досудебного урегулирования споров о взыскании дебиторской задолженности зависит не только от степени формализации претензионного порядка в процессуальном законодательстве, но и от организационно-методического обеспечения претензионной работы на стороне кредитора. Обязательный характер претензионной процедуры сам по себе не гарантирует содержательного разрешения спора; для субъектов, не имеющих отлаженной системы учёта и сопровождения задолженности, — а это в первую очередь малые предприятия, — претензионный порядок рискует остаться формальным этапом независимо от содержания процессуальных норм.

Эти наблюдения дают основания для нескольких практических предложений. Во-первых, логично дифференцировать срок рассмотрения претензии в зависимости от бесспорности требования: для требований, по которым у кредитора имеются документы, подтверждающие признание долга должником, — акт сверки, гарантийное письмо и иные аналогичные документы, — срок ответа на претензию может быть сокращён по сравнению с общим тридцатидневным сроком. Во-вторых, можно было бы обсудить возможность распределения судебных расходов с учётом добросовестности поведения сторон на досудебной стадии — например, отнесения на сторону, уклонившуюся от содержательного ответа на претензию, части судебных расходов вне зави-

симости от исхода дела по существу; действующее процессуальное законодательство подобного механизма прямо не предусматривает. В-третьих, стоит рекомендовать субъектам малого предпринимательства внедрение минимального организационного стандарта претензионной работы по модели, предложенной в экономической литературе, — закрепление ответственного лица, периодическую инвентаризацию задолженности, ведение отчёта о её состоянии и документальное оформление каждого контакта с должником [3]; такой стандарт не требует законодательного закрепления и может быть реализован на уровне учётной политики организации, однако именно он способен обеспечить претензионную работу тем содержанием, которого требует от неё Постановление № 18.

В итоге обязательный претензионный порядок урегулирования спора при взыскании дебиторской задолженности оказывается институтом на стыке процессуального права и организации хозяйственной деятельности кредитора. Формальный характер, в котором данный институт нередко реализуется на практике, обусловлен не только особенностями его правового регулирования, но и объективным дефицитом организационно-методического обеспечения претензионной работы, прежде всего у субъектов малого предпринимательства. Реализация заложенного в претензионном порядке потенциала возможна лишь при сочетании процессуальных стимулов к его содержательному использованию с внедрением кредиторами доступных организационных механизмов сопровождения досудебного взыскания долга.

Литература:

1. Неплатежи в российской экономике впервые достигли 9 триллионов рублей // The Moscow Times: [сайт]. — 2026. — URL: https://ru.themoscowtimes.com/2026/07/30/neplatezhi-v-rossiiskoi-ekonomike-vpervie-dostigli-9-trillionov-rublei-a202265 (дата обращения: 20.09.2026).
2. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Пестерева, Е. В. Информационно-методическое обеспечение процесса досудебного взыскания долгов с дебиторов на предприятиях малого бизнеса / Е. В. Пестерева // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2016. — № 10. — С. 81–88. — ISSN 2411–0450.
4. Любовенко, Е. С. Медиация как эффективный способ досудебного урегулирования споров с участием кредитных организаций / Е. С. Любовенко // Банковское дело. — 2023. — № 8. — С. 75–77.
5. Об утверждении Положения по ведению бухгалтерского учёта и бухгалтерской отчётности в Российской Федерации: приказ Министерства финансов Российской Федерации от 29.07.1998 № 34н (в ред. от 16.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
6. О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 18 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2016 № 62 (в ред. от 05.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

Инфраструктурные бюджетные кредиты: правовая природа и проблемы возвратности

Сибиханова Динара Набиевна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье рассматривается правовая природа инфраструктурных бюджетных кредитов (ИБК) как института финансового права, анализируются проблемы их возвратности через призму бюджетного законодательства и правоприменительной практики. На основе учебной литературы по финансовому праву и данных контрольных органов выявляются системные дефекты механизма ИБК, снижающие их возвратный потенциал. Обосновывается позиция о необходимости ужесточения финансово-правовой ответственности регионов-заемщиков и закрепления в бюджетном законодательстве критериев оценки социально-экономических эффектов инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: *инфраструктурные бюджетные кредиты, бюджетный кредит, финансовое право, возвратность, бюджетная ответственность, государственный долг субъекта РФ.*

Инфраструктурные бюджетные кредиты были запущены в 2021 году как инструмент опережающего развития региональной инфраструктуры и стимулирования жилищного строительства [5; 6]. За период 2021–2025 годов на эти цели предусмотрено финансовое обеспечение в объеме 1 трлн рублей [7]. Однако по мере накопления портфеля выданных кредитов и приближения сроков начала погашения (с третьего года после получения) проблема возвратности приобретает особую остроту [6]. Счетная палата Российской Федерации по итогам проверок 2024–2025 годов зафиксировала системные недостатки механизма, напрямую влияющие на способность регионов обслуживать обязательства: в 32 субъектах РФ не достигаются плановые значения поступления налоговых и неналоговых доходов от реализации инфраструктурных проектов, что «увеличивает риски невозврата средств ИБК и процентов по ним в установленные сроки» [7]. С 2025 года на смену ИБК приходит инструмент казначейских инфраструктурных кредитов (КИК) с повышенной ставкой в случае недостижения показателей [8], что сигнализирует о признании государством неэффективности действующей модели. В этих условиях финансово-правовой анализ природы ИБК и проблем их возвратности становится практически востребованным и теоретически значимым [1; 2].

Исследование имеет непосредственное значение для правотворческой и правоприменительной деятельности в бюджетной сфере [1; 3]. Выявленные дефекты механизма ИБК (отсутствие ответственности за недостижение показателей, неопределенность критериев отбора проектов, произвольное изменение условий соглашений) создают риски не только для федерального бюджета как кредитора, но и для бюджетной устойчивости регионов-заемщиков [6; 7]. Практические рекомендации по совершенствованию бюджетного законодательства могут быть использованы при разработке нормативной базы казначейских инфраструктурных кредитов, а также в деятельности органов финансового контроля (Счетной палаты, Федерального казначейства) при оценке возвратности бюджетных кредитов [7; 8].

В доктрине финансового права категория бюджетного кредита традиционно рассматривается через призму государственного кредита и бюджетных правоотношений [1; 2; 3]. Однако ИБК как относительно новый инструмент еще не получили достаточной теоретической разработки [9]. Дискуссионным остается вопрос о правовой природе ИБК: являются ли они разновидностью бюджетного кредита в собственном смысле (ст. 93.2 БК РФ) [4] или представляют собой самостоятельный финансово-правовой институт с особым режимом предоставления и возврата [1]. Научная значимость работы состоит в уточнении места ИБК в системе финансово-правовых институтов и в обосновании критериев разграничения возвратности как правовой категории и возвратности как экономического результата проекта [2; 9].

В учебной литературе по финансовому праву бюджетный кредит определяется как форма предоставления бюджетных средств на возвратной и возмездной основах [1; 2; 3]. Применительно к ИБК законодательство устанавливает специальный правовой режим: срок не менее 15 лет, ставка 3 % годовых, начало погашения с третьего года, целевое назначение — финансирование инфраструктурных проектов, отобранных в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1189 [5]. Соглашение о предоставлении ИБК оформляется между Минфином России и уполномоченным органом субъекта РФ [6].

С точки зрения отраслевой принадлежности ИБК находятся на стыке бюджетного права (как разновидность бюджетного кредита) [4] и государственного кредита (как форма долговых обязательств субъекта РФ) [1]. В учебнике под редакцией И. В. Хаменушко, Е. В. Овчаровой и С. Г. Пепеляева государственный и муниципальный кредит рассматривается как самостоятельный институт финансового права, охватывающий отношения по привлечению и предоставлению средств на возвратной основе [1]. ИБК в этой системе занимают положение, с одной стороны, инструмента межбюджетного перераспределения, а с другой — механизма долговой политики [2].

Собственная позиция автора состоит в том, что правовая природа ИБК является двойственной. Формально они выступают бюджетным кредитом, однако их целевой характер, длительность и обусловленность социально-экономическими эффектами (ввод жилья, привлечение внебюджетных средств) придают им черты, сближающие их с инвестиционными инструментами [5; 9]. Эта двойственность порождает основную проблему возвратности: возвратность ИБК юридически безусловна (обязательство должно быть исполнено независимо от окупаемости проекта), тогда как экономически она обусловлена достижением планируемых эффектов, которые не гарантированы [6; 7].

Ключевая проблема возвратности ИБК, зафиксированная Счетной палатой, — недостижение плановых значений поступления налоговых и неналоговых доходов от реализации инфраструктурных проектов в консолидированные бюджеты субъектов РФ. В 32 регионах соответствующие показатели не выполнены [7]. Поскольку погашение ИБК начинается с третьего года и рассчитано на длительный срок, именно дополнительные доходы, генерируемые проектом, рассматривались как источник обслуживания долга [6]. Их отсутствие означает, что нагрузка ложится на общие доходы бюджета, конкурируя с текущими расходными обязательствами [2; 7].

Отсутствие ответственности за нарушение условий

В законодательстве о ИБК не предусмотрена ответственность за недостижение ключевых показателей [5; 6]. Счетная палата прямо указала на необходимость ужесточения ответственности регионов [7]. В отличие от ИБК, механизм казначейских инфраструктурных кредитов предполагает повышение ставки с 3 % до 6 % годовых при недостижении заявленных показателей или нарушении сроков [8]. Это подтверждает, что законодатель осознает дефект предшествующей модели, но не устраняет его ретроспективно для уже выданных ИБК [1; 8].

Для преобладающего большинства проектов установлен плановый показатель ввода жилья, включая проекты, которые к созданию жилья не приводят [7]. Это создает ситуацию, при которой формальное исполнение показателя либо невозможно, либо не связано с реальным экономическим эффектом, обеспечивающим возвратность [5; 9]. Кроме того, условия соглашений меняются «два-три раза в год» [8], что размывает определенность обязательств и затрудняет оценку перспектив возврата [6].

В научной литературе отмечается, что процедура оценки долгосрочных социально-экономических эффектов ИБК остается непрозрачной ввиду отсутствия утвержденных порядка, методики и периодичности расчета [9]. Без верифицируемых показателей бюджетной эффективности проектов невозможно ни прогнозировать возвратность на стадии выдачи кредита, ни контролировать ее впоследствии [1; 2; 9].

Судебная практика по спорам, непосредственно связанным с возвратностью ИБК, в открытых источниках представлена ограниченно, что объясняется относительной новизной инструмента и тем, что сроки массовых погашений еще не наступили [7; 8]. Вместе с тем анализ данных контрольных органов позволяет оценить масштаб проблем:

1. Из 7 проверенных Счетной палатой регионов 4 не достигли плановых значений показателей реализации инфраструктурных проектов по итогам 2022–2023 годов [7].

2. Неиспользованные остатки кредитов на конец проверяемого периода составили 7,3 % по инфраструктурным бюджетным кредитам и 26,1 % по специальным казначейским кредитам [7].

3. В Астраханской области из 4 объектов ЖКХ, реализуемых с использованием средств, один введен с опозданием на 8 месяцев, два не введены; в Тамбовской области 17 из 32 объектов не переданы эксплуатирующим организациям [7].

4. Несмотря на отдельные позитивные агрегированные показатели (ввод 27,7 млн кв. м жилья, или 123,4 % плана; поступление доходов 250 млрд рублей, или 120,3 % плана за 2022–2024 годы) [8], распределение результатов по регионам крайне неравномерно, и именно в проблемных субъектах создаются предпосылки для последующих споров о взыскании задолженности [7; 9].

Собственная позиция: отсутствие значительного массива судебной практики в настоящее время не свидетельствует о благополучии, а отражает отложенный характер рисков [6; 8]. По мере наступления сроков погашения (с третьего года после выдачи, то есть с 2024–2025 годов для первых заемщиков) следует ожидать роста споров, связанных с неисполнением соглашений о ИБК, изменением их условий и взысканием задолженности в порядке бюджетного законодательства [4; 7].

Выводы

1. Инфраструктурные бюджетные кредиты представляют собой финансово-правовой институт с двойственной природой: формально-юридически они являются разновидностью бюджетного кредита с безусловной возвратностью [1; 4], однако их целевая направленность и обусловленность социально-экономическими эффектами придают им инвестиционный характер, что порождает разрыв между юридической обязанностью возврата и экономической способностью к нему [5; 9].

2. Ключевые проблемы возвратности ИБК носят системный характер: недостижение доходных показателей в значительном числе регионов, отсутствие финансово-правовой ответственности за нарушение условий соглашений, неопределенность и изменчивость целевых показателей, отсутствие утвержденной методики оценки бюджетной эффективности проектов [6; 7; 8; 9].

3. Судебная статистика пока не отражает полного масштаба проблемы в силу отложенного характера сроков погашения, однако данные Счетной палаты свидетельствуют о высоких рисках невозврата в среднесрочной перспективе [7]. Переход к казначейским инфраструктурным кредитам с дифференцированной ставкой подтверждает признание государством необходимости усиления стимулов к возвратности [8].

4. В целях совершенствования правового регулирования представляется необходимым: закрепить в бюджетном законодательстве обязанность регионов-заемщиков по достижению верифицируемых показателей бюджетной эффективности проектов [4; 6]; установить дифференциацию ставки или иные финансово-правовые последствия недостижения этих показателей [8]; утвердить методику расчета долгосрочных социально-экономических эффектов ИБК [9]; обеспечить публичность реестра инфраструктурных проектов, финансируемых за счет ИБК [7].

Литература:

1. Финансовое право: учебник для бакалавров / под ред. И. В. Хаменушко, Е. В. Овчаровой, С. Г. Пепеляева. — Москва: Статут, 2024. — (Глава о государственном и муниципальном кредите; бюджетном праве).

2. Финансовое право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / О. В. Зиборов, Н. Д. Эриашвили, Ф. Г. Мышко [и др.]; под ред. О. В. Зиборова, Н. М. Чепурновой, Н. Д. Эриашвили. — 3-е изд. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 320 с.
3. Финансовое право: учебник для вузов / Е. М. Ашмарина, Е. В. Терехова, Н. М. Артемов [и др.]. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2026. — 361 с.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ст. 93.2 «Бюджетные кредиты», ст. 107.1 «Оценка долговой устойчивости»).
5. Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1189 «Об утверждении Правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов».
6. Постановление Правительства РФ от 14.07.2021 № 1190 «Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов».
7. Отчет Счетной палаты Российской Федерации о результатах проверки эффективности использования межбюджетных трансфертов и инфраструктурных бюджетных кредитов при строительстве коммунальной инфраструктуры в регионах (2025 г.) // Официальные материалы Счетной палаты РФ.
8. Материалы к «круглому столу» на тему «О ходе использования субъектами Российской Федерации инфраструктурных бюджетных и специальных казначейских кредитов и о расширении возможностей их дальнейшего использования для достижения целей национальных проектов» // Совет Федерации Федерального Собрания РФ.
9. Инфраструктурные бюджетные кредиты: вопросы совершенствования механизмов контроля // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 11.
10. Выявлены недостатки в использовании инфраструктурных кредитов — Счетная палата // Национальный Банковский Журнал. — 2025. — 10 июля.

Принципы состязательности и добросовестности в упрощенном производстве

Скокова Татьяна Викторовна, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Ввиду отказа законодателя от проведения судебных заседаний в упрощенном производстве устная состязательность сторон всецело заменяется состязанием посредством обмена процессуальными документами и доказательствами, т. е. участвуют в «документарной» состязательности [1, с. 8]. Суд вне судебного заседания исследует изложенные в поступивших от сторон документах объяснения, возражения и доводы участвующих в деле лиц, и принимает решение на основании представленных доказательств (ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ) [2]. Наличие требования об обязательном раскрытии доказательств сторонами, а также серьезных последствий ненадлежащего исполнения своих процессуальных обязанностей свидетельствует об усилении гарантий принципа состязательности, поскольку «проиграть» дело можно не только по причине отсутствия доказательств и слабости позиции, но и вследствие несоблюдения установленных сроков [3, с. 140].

Само по себе рассмотрение дел в отсутствие лиц, участвующих в деле, без устных объяснений и прений сторон определенным образом сужает сферу действия принципа состязательности, поскольку в процессе имеет значение не только содержание юридически важной информации, но и форма ее представления.

Устная коммуникация участников процесса с судом способствует лучшему и непосредственному раскрытию и восприятию сведений, представленных в письменной форме, уточнению позиций и доводов сторон посредством постановки вопросов. Кроме того, отсутствие устного слушания дела в упрощенном порядке ограничивает возможности исследования некоторых видов доказательств (в частности, свидетельских показаний, консультаций специалиста), что тоже оказывает влияние на пределы действия принципа состязательности.

Ограничения открытости правосудия по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства в гражданском процессе, накладывают свой отпечаток и влекут вероятные негативные последствия, а также могут снижать, в частности, гарантии реализации принципов состязательности и равноправия сторон. Так, несмотря на наличие обязанности обмениваться друг с другом доказательствами и процессуальными документами, содержащими объяснения по существу заявленных требований и возражения в обоснование своей позиции, в строго установленные судом сроки, лица, участвующие в деле, зачастую недобросовестно ее исполняют [4, с. 56].

Указывая на необходимость соблюдения принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон, в п. 25 Постановления Пленума № 10 Верховного Суда РФ [5] подчеркивается обязательность представления в суд документов, подтверждающих направление доказательств, документов и возражений другим участвующим в деле лицам под страхом их непринятия и возвращения стороне, злоупотребляющей своими обязанностями. Тем не менее, несмотря на предписание Верховного Суда РФ, нередко суды общей юрисдикции довольно лояльно относятся к отсутствию подтверждения направления лицами, участвующими в деле, другим участникам судебного разбирательства доказательств и дополнительных документов, обосновывающих их позицию по делу, и, игнорируя его, принимают их, приобщают к материалам дела и учитывают при вынесении решения.

Кроме того, еще одним камнем преткновения является то, что представляется невозможным с высокой степенью достоверности быть убежденным даже при наличии описи вложения в почтовое отправление в том, что другой стороне были направлены документы, тождественные представленным в суд, поскольку сотрудники отделений почты осуществляют при принятии документов лишь их формальную проверку. В связи с чем существует реальный риск того, что иные участвующие в деле лица не получат необходимые документы и доказательства и поэтому будут лишены законного права быть осведомленными о позиции своих оппонентов по делу. Тем самым это приводит к нарушению находящихся во взаимосвязи принципов состязательности и равноправия сторон [4, с. 57].

Ознакомление с делом в общем порядке в здании суда едва ли можно считать эффективным средством защиты своих прав ввиду невозможности оперативного отслеживания всех изменений по делу. В условиях крайне ограниченных сроков рассмотрения дела в порядке упрощенного производства даже при проявлении надлежащей степени осмотрительности, инициативности, активном и добросовестном участии в процессе это обстоятельство может стать объективным и серьезным препятствием для стороны, не получившей объяснения, возражения или доказательства другой стороны, представить своевременно свои контраргументы и доказательства, которые могут повлиять на решение суда. Кроме того, отсутствие в гражданском процессе фактической возможности ознакомления с материалами дела посредством удаленного доступа влечет за собой увеличение судебных издержек и временных затрат участвующих в деле лиц.

Одним из перспективных подходов к повышению эффективности применения упрощенного производства в гражданском процессе является действительная реализация на практике заимствованного из арбитражных правоотношений механизма предоставления лицам, участвующим в деле, удаленного доступа ко всем процессуальным документам и доказательствам. До тех пор, пока остается неосуществимым повсеместное внедрение в нормативное регулирование упрощенного производства в гражданском процессе электронного документооборота, только усиление контроля со стороны суда может позволить обеспечить соблюдение прав и законных интересов участвующих в деле лиц [4, с. 60].

Актуальность развития принципа добросовестности предопределяется прежде всего проводимой в последние годы реформой гражданского законодательства, по результатам которой принцип добросовестности должен получить более подробную регламентацию в гражданском праве.

Важно отметить, что положение о добросовестности имеет не просто доктринальное значение, но и нормативные основания. Положения ч. 1 ст. 35 ГПК РФ устанавливают обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно осуществлять свои процессуальные права. Статьи 99 ГПК РФ содержат запрет недобросовестного осуществления процессуальных прав и предусматривают в качестве санкции взыскание компенсации за потерю времени. Более того, некоторые ученые указывают на действие данного принципа и в исполнительном производстве [6, с. 157].

В упрощенном производстве, т. е. в условиях осуществления рассмотрения дела без вызова сторон принцип добросовестности приобретает особую значимость. Неслучайно на необходимость его соблюдения Верховным Судом РФ прямо указывает в п. 25 и 29 Постановления Пленума № 10 применительно к обязанностям участвующих в деле лиц по обмену друг с другом состязательными бумагами, доказательствами, а также заявлениями и ходатайствами, и представлению в суд документов, подтверждающих этот факт. Гарантией соблюдения указанного требования является санкция в виде непринятия и возвращения судом доказательств, документов, возражений в случае отсутствия подтверждения их направления другим участникам процесса, что, в свою очередь, создает условия для реализации принципов состязательности и процессуального равноправия сторон.

Таким образом, на сегодняшний день можно говорить о наличии требования добросовестности в гражданском судопроизводстве, действие которого направлено на установление общего запрета злоупотребления процессуальными правами, в том числе правом на судебную защиту, и которое обеспечивает реальное осуществление основополагающих идей гражданского судопроизводства.

Принципы гражданского процесса действуют в упрощенном производстве, но в то же время трансформируются с учетом его потребностей и особенностей: имеются ограничения диспозитивности, состязательности, гласности, непосредственности судебного разбирательства, принцип сочетания устности и письменности судопроизводства практически полностью заменяется принципом письменности. Однако видоизменение принципов не должно приводить к снижению уровня гарантий судебной защиты, ущемлению прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.

Упрощенное производство представляет собой разумное сочетание публичных и частных интересов, что предполагает ограничение тех или иных норм и принципов общего искового процесса только при условии по-

вышения уровня гарантий прав субъектов процесса и создания процессуального механизма разрешения дел, обеспечивающего проверку правомерности и обоснованности заявленных требований [7, с. 7].

Литература:

1. Соловьева Т. В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. — 2019. — № 6. — С. 8–13.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: Дис.... канд. юрид. наук. — М., 2017. — 212 с.
4. Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. — М.: Зерцало-М, 2022. — 164 с.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 (ред. от 05.04.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 6.
6. Малюшин К. А. Принципы гражданского исполнительного права. Проблемы понятия и системы. — М.: Инфотропик Медиа, 2011. — 256 с.
7. Грибанов Ю. Ю. Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе: сравнительное исследование правовых систем России и Германии: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Кемерово, 2007. — 37 с.

Адвокатское расследование: правовые возможности и пределы

Смазнов Арсений Дмитриевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена анализу адвокатского расследования как доктринальной и правоприменительной конструкции российского уголовного судопроизводства. На основе законодательства, правовых позиций Конституционного Суда РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и корпоративных стандартов адвокатуры систематизированы правовые возможности адвоката по получению, фиксации и представлению доказательственной информации. Выделены семь групп пределов этой деятельности: процессуально-формальные, предел добровольности, информационные, пределы тайны предварительного расследования, пределы адвокатской тайны и конфликта интересов, пределы использования третьих лиц, ресурсно-организационные. Показано, что основной барьер носит не нормативный, а правоприменительный характер и связан с монополией органа расследования на придание сведениям процессуальной формы. Проведено сопоставление с итальянской, германской и американской моделями, сформулированы предложения по изменению УПК РФ и Закона об адвокатуре.

Ключевые слова: *адвокатское расследование, защитник, состязательность, собирание доказательств, адвокатский запрос, опрос лиц, заключение специалиста, допустимость доказательств, адвокатская тайна, пределы защиты.*

Lawyer's investigation: legal possibilities and limits

The article analyses defence investigation as a doctrinal and law-enforcement construct of Russian criminal procedure. Drawing on legislation, the legal positions of the Constitutional Court, the clarifications of the Plenum of the Supreme Court and the professional standards of the bar, it systematises the lawyer's opportunities to obtain and submit evidentiary information and identifies seven groups of limits. The main barrier is shown to arise in law enforcement rather than in the law itself. The Russian model is compared with the Italian, German and American ones, and legislative proposals are formulated.

Keywords: *defence investigation, defence counsel, adversarial principle, collection of evidence, attorney's request, questioning of persons, specialist's opinion, admissibility of evidence, attorney-client privilege, limits of defence.*

Актуальность темы научно-исследовательской работы

Социально-правовая актуальность. Право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции Российской Федерации) не исчерпывается формальным допуском адвоката к участию в деле: оно предполагает реальную способность защитника сформировать и обосновать собственную доказательственную позицию [1]. Состя-

зательность и равноправие сторон перед судом (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) имеют отчётливое инструментальное измерение — стороны равны настолько, насколько сопоставимы их возможности обнаруживать, фиксировать и вводить в дело значимые сведения. Российская модель доказывания сохраняет властную монополию органа расследования на производство следственных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), тогда как защите предоставлены лишь три невластных способа собирания доказательств (ч. 3 ст. 86) [4]. Возникающая асимметрия превращает вопрос о границах адвокатского расследования в проблему эффективности конституционной гарантии [75; 79].

Правоприменительное обоснование. Практика последних лет демонстрирует устойчиво низкую долю оправдательных приговоров: по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2024 г. оправдательные постановления вынесены в отношении около 900 из 346,9 тыс. лиц, что составляет приблизительно 0,26 % [109]. Этот показатель сам по себе не свидетельствует о дефектах правосудия, однако он делает вопрос о фактической способности защиты представлять собственные доказательства одним из ключевых при оценке состояния состязательности [50]. Одновременно судебный контроль за отказами в приобщении материалов защиты остаётся неоднородным: оценочные формулировки ч. 2.2 ст. 159 и ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ порождают разнородную практику, а сами отказы нередко мотивируются не относимостью сведений, а их «непроцессуальным» происхождением [34; 38; 81]. Актуальность темы, таким образом, подтверждается не только доктринальной дискуссией, но и массивом правоприменительных решений.

Нормативная динамика. За последнее десятилетие законодатель существенно расширил инструментарий защиты, однако делал это фрагментарно. Адвокатский запрос (2016 г.) [17], поправки 2017 г., закрепившие запрет отказа в участии защитника в следственных действиях по его ходатайству и в приобщении доказательств [18], корпоративный Стандарт защиты [16] и цифровизация адвокатуры (2024 г.) [20] сформировали широкий набор полномочий без единой процедуры их реализации. Параллельно ужесточается «внешний контур» деятельности: в 2025 г. Конституционный Суд РФ подтвердил допустимость уголовной ответственности адвоката за передачу копий материалов оперативно-розыскной деятельности, полученных под подпиской о неразглашении [27; 107]. Изменение международной среды — прекращение участия России в Конвенции о защите прав человека и основных свобод [19] и исключение отсылок к практике Европейского Суда по правам человека из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [29] — переносит выработку национальных стандартов эффективности защиты исключительно во внутренний правопорядок. Сочетание расширения инструментов и сжатия внешних гарантий делает системное описание пределов деятельности особенно своевременным.

Степень научной разработанности темы. Концептуальные основы адвокатского расследования заложены в работах П. П. Киселёва, И. Е. Миловой, Д. Т. Арабули, В. А. Семенцова и Г. Г. Скребец, Н. А. Власовой и И. С. Красковой, А. В. Рагулина; общетеоретическое учение о профессиональной защите и адвокатской этике развивалось в трудах Ю. С. Пилипенко и других исследователей адвокатуры [87; 90; 91; 92; 93; 95; 96; 97; 98]. За период 2021–2026 гг. проблематика получила заметное развитие по нескольким относительно самостоятельным направлениям.

Первое направление — общая характеристика доказательственной деятельности защитника и её процессуальной формы: соотношение собирания сведений и собирания доказательств, оптимизация процессуальной формы участия защитника в досудебном доказывании, функциональная природа этой деятельности [32; 33; 44; 48; 51; 57; 82; 85]. Непосредственно феномен адвокатского расследования как теоретической конструкции анализируют П. В. Шумов и Л. А. Игошин, а также Ю. О. Большакова, акцентирующая разрыв между нормативной моделью и её практическим действием [40; 74]. Практико-ориентированный синтез предложен в монографиях Ю. М. Новолодского, Е. А. Селиной, С. В. Заики и А. Б. Шаповала [64; 65; 66; 67; 72; 73; 86].

Второе направление — использование специальных знаний. Проблемы привлечения специалиста защитой, доказательственного значения его заключения, рецензирования экспертиз и оценки типичных экспертных ошибок исследуются в работах ряда авторов и в коллективном труде под редакцией Е. Р. Россинской [41; 43; 45; 46; 47; 59; 71; 76]. Третье направление — режим адвокатской тайны и профессиональных гарантий, разработанный в публикациях 2022–2025 гг. [35; 36; 37; 53; 58; 60; 68; 77; 78]. Четвёртое направление — пределы, связанные с тайной предварительного расследования и допросом адвоката, освещённые в работах 2024–2025 гг. [39; 56; 69]. Пятое направление — цифровизация защиты и электронные доказательства, разрабатываемые в новейших исследованиях [61; 62; 63; 83]. Наконец, сравнительно-правовой и общетеоретический контекст раскрыт в новейших исследованиях, а также в учебной и справочной литературе [49; 54; 55; 70; 80; 84].

Вместе с тем, несмотря на значительный объём публикаций, сохраняется ряд неразрешённых противоречий. Во-первых, «сведения», «материалы адвокатского производства» и «доказательства» используются как взаимозаменяемые понятия. Во-вторых, пределы деятельности описываются по отдельности — режим запроса, гарантии адвокатской тайны, право на привлечение специалиста, — но не как целостная система ограничений. В-третьих, не исследован разрыв между нормативной невозможностью отказа в приобщении относимых материалов и фактической дискрецией органа расследования. В-четвёртых, влияние правовых позиций 2025–2026 гг. на допустимые приёмы работы защитника с информацией системного

освещения не получило. Указанные пробелы и определяют научную проблему исследования.

Цель, объект и предмет исследования. Цель работы — системно описать правовые возможности адвоката по самостоятельному получению доказательственной информации и определить содержание, структуру и границы этой деятельности. Объект исследования — отношения, возникающие при реализации защитником права собирать и представлять доказательства; предмет — нормы уголовного процессуального и адвокатского законодательства, корпоративные акты адвокатуры, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, материалы правоприменения, доктринальные источники и зарубежные нормативные модели.

Задачи исследования: проследить генезис института; сформулировать понятие и признаки адвокатского расследования; систематизировать правовые возможности защитника; построить классификацию пределов; выявить правоприменительные механизмы, превращающие оценочные нормы в фактические запреты; сопоставить российскую модель с зарубежными; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Методологическая основа — формально-юридический, системно-структурный, историко-правовой и сравнительно-правовой методы, анализ судебных актов и контент-анализ доктринальных источников. Материал приведён по состоянию на ноябрь 2026 г.

Научная новизна и значимость. Новизна работы состоит в предложении целостной семиэлементной классификации пределов адвокатского расследования и в обосновании тезиса о преимущественно правоприменительной, а не нормативной природе основного барьера: юридически «просительный» характер участия защиты в доказывании преодолён введением ч. 2.2 ст. 159 и сохранением ч. 4 ст. 271 УПК РФ, однако это преодоление не осознаётся практикой. Теоретическая значимость заключается в уточнении понятийного аппарата и разграничении адвокатского расследования, частной детективной и оперативно-розыскной деятельности; практическая — в возможности использования выводов при формировании позиции защиты, подготовке ходатайств и жалоб, в преподавании уголовного процесса и адвокатуры и при разработке корпоративных рекомендаций.

Введение

Конституционный принцип состязательности и равноправия сторон перед судом (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) имеет «инструментальное» измерение: равенство сторон существует лишь в той мере, в какой каждая располагает сопоставимыми возможностями обнаруживать и вводить в дело значимые сведения. Между тем собирание доказательств осуществляется дознавателем, следователем, прокурором и судом путём производства следственных и иных процессуальных действий (ч. 1 ст. 86 УПК РФ), тогда как защите отведены три невластных способа (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) и право просить уполномоченный орган придать полученному надлежащую форму [4; 75]. Возникающая асимметрия и составляет предмет дискуссии об адвокатском расследовании.

Термин «адвокатское расследование» не является легальным: ни УПК РФ, ни Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) его не используют [7]. Институт существует фактически — как совокупность профессиональных прав, корпоративных стандартов и правоприменительных приёмов, — но не в виде обособленного законодательного блока. Отсюда двойственность оценок: одни авторы видят в нём полноценный вид досудебного производства [93, с. 12–34, с. 12–34], другие отрицают возможность говорить о «расследовании» там, где нет ни процессуальной формы, ни властных полномочий [100, с. 90–91, с. 90–91].

1. Генезис института: от «личного сыска» к доктринальной конструкции

Со времён Судебной реформы 1864 г. присяжные поверенные собирали сведения в пользу доверителей, опираясь на общее дозволение и авторитет профессии, а не на специальные процессуальные нормы [89, с. 3–28, с. 3–28; 99, с. 15–42, с. 15–42]. Советская модель строилась на принципе объективной истины и монополии органов расследования: защитник мог представлять доказательства, но не наделялся правом их собирания; в литературе конца XX в. проблема обсуждалась как «личный сыск» [91].

Переломным стал УПК РФ 2001 г., впервые прямо указавший, что защитник вправе собирать доказательства, и перечисливший три способа такой деятельности (ч. 3 ст. 86). Закон об адвокатуре 2002 г. воспроизвёл и расширил этот перечень применительно к любому виду судопроизводства (п. 3 ст. 6). Дальнейшее развитие шло по четырём направлениям.

Первое — легализация информационного запроса: Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ Закон об адвокатуре дополнен ст. 6.1, приказом Минюста России от 14 декабря 2016 г. № 288 утверждены требования к форме, порядку оформления и направления запроса [14; 17]. Корректировка этих требований (приказ от 30 ноября 2020 г. № 295, принятый во исполнение решения Верховного Суда РФ от 24 мая 2017 г. № АКПИ17–103, и приказ от 9 августа 2023 г. № 210) устранила обязанность раскрывать персональные данные доверителя без его согласия и обосновывать цель получения сведений [30].

Второе — расширение процессуальных гарантий. Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ заменил разрешительный порядок допуска защитника вступлением в дело, закрепил невозможность отказа в участии защитника в следственных действиях по его ходатайству (ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ), запрет отказа в приобщении до-

казательств, включая заключения специалистов (ч. 2.2 ст. 159), и невозможность отказа в приглашении специалиста (ч. 2.1 ст. 58). Тогда же введены абз. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ о недопустимости доказательств, изъятых из адвокатского производства, и ст. 450.1 УПК РФ об особенностях обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката [18; 22].

Третье — корпоративная стандартизация: Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (2017 г.) в п. 13 закрепил не право, а обязанность — защитник «принимает меры к собиранию и представлению необходимых для защиты доказательств, в том числе посредством заявления ходатайств, направления адвокатских запросов, привлечения специалиста» [16, п. 13, п. 13]. Расследование превратилось из факультативной тактики в элемент профессионального стандарта, неисполнение которого способно образовать дисциплинарный проступок. Четвёртое направление — цифровизация: Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 83-ФЗ ввёл Единый государственный реестр адвокатов и комплексную информационную систему адвокатуры России [20; 48].

Институт складывался «по частям»: законодатель достраивал отдельные полномочия, не создавая целостной процедуры, — отсюда широкий набор инструментов при отсутствии правил их процессуального «выхода» в дело.

2. Понятие и юридическая природа адвокатского расследования

Под адвокатским расследованием предлагается понимать урегулированную законом и корпоративными стандартами, осуществляемую адвокатом на основании поручения доверителя невластную познавательную деятельность по обнаружению, получению, фиксации, хранению и представлению сведений, предметов и документов, значимых для правовой позиции по делу, а также по инициированию их процессуального закрепления уполномоченными субъектами [93; 95]. Из определения выводятся шесть признаков, каждый из которых одновременно задаёт и предел деятельности.

1. Специальный субъект. Расследование вправе вести только адвокат; ни частный детектив, ни лицо, оказывающее юридические услуги без адвокатского статуса, ни помощник адвоката самостоятельными его субъектами не являются. Основание — соглашение и ордер (либо доверенность), а в уголовном процессе — вступление в дело в качестве защитника (п. 2 Стандарта 2017 г.) [36].

2. Целевая односторонность. Адвокат не обязан устанавливать истину по делу; он собирает то, что подтверждает позицию доверителя либо ставит под сомнение версию обвинения. Обязанность всесторонности лежит на органе расследования и суде, а не на защитнике.

3. Невластный характер методов. Все действия адвоката основаны на добровольном содействии других лиц; ни одно из них не является следственным действием или оперативно-розыскным мероприятием, круг субъектов которых определён законом исчерпывающе [8; 77].

4. Особый правовой режим результата. Продукт расследования — материалы адвокатского производства (досье), а не доказательства; доказательством они становятся лишь после приобщения к делу и проверки. Одновременно они охраняются адвокатской тайной, что защищает доверителя от использования собранного против него [53].

5. Непрерывность. Расследование возможно на всех стадиях уголовного процесса и во всех видах юрисдикционного производства, включая доследственную проверку, дела частного обвинения, исполнение приговора и пересмотр дела [92, с. 21–47, с. 21–47].

6. Вспомогательность по отношению к процессуальной форме. Адвокат не завершает доказывание, а создаёт условия для его завершения другим субъектом; отсюда «двухступенчатость» конструкции (рис. 1) [64].

Вопрос о том, собирает ли защитник доказательства или лишь сведения, остаётся дискуссионным. Позиция, согласно которой ч. 3 ст. 86 УПК РФ не наделяет защитника правом собирания доказательств, поскольку ни один из названных способов не является следственным действием, а результат не входит в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ, опирается на буквальное толкование [87, с. 44–61, с. 44–61; 98]; противоположная исходит из принципа равенства сторон [33; 90, с. 31–52, с. 31–52]. Корректнее говорить о собирании доказательственной информации, процессуальная форма которой придаётся решением уполномоченного субъекта. После введения ч. 2.2 ст. 159 и сохранения ч. 4 ст. 271 УПК РФ этот акт перестал быть чистой дискрецией: при наличии относимости отказ незаконен, хотя правоприменитель осознаёт это не всегда.

От адвокатского расследования следует отличать частную детективную деятельность (лицензируемую и связанную публично-правовыми обязанностями перед правоохранительными органами), оперативно-разыскную деятельность и участие защитника в следственных действиях, где он не собирает доказательства самостоятельно, а контролирует законность их получения [9].

3. Система правовых возможностей

3.1. Конституционные и международные основания

Базис института образуют ч. 2 ст. 48, ч. 3 ст. 123, ч. 1 ст. 45, ст. 46 и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ. Международный стандарт закреплён в подп. «b», «d», «e» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. — право иметь достаточное время и возможности для подготовки защиты, право на защитника и право вызывать и допрашивать свидетелей; детализация содержится в Основных положениях о роли юристов (Гавана, 1990 г.) [1; 2; 3].

После прекращения действия для России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и принятия Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ ссылки на практику Европейского Суда утратили нормативное значение; постановлением Пленума Верховного Суда РФ

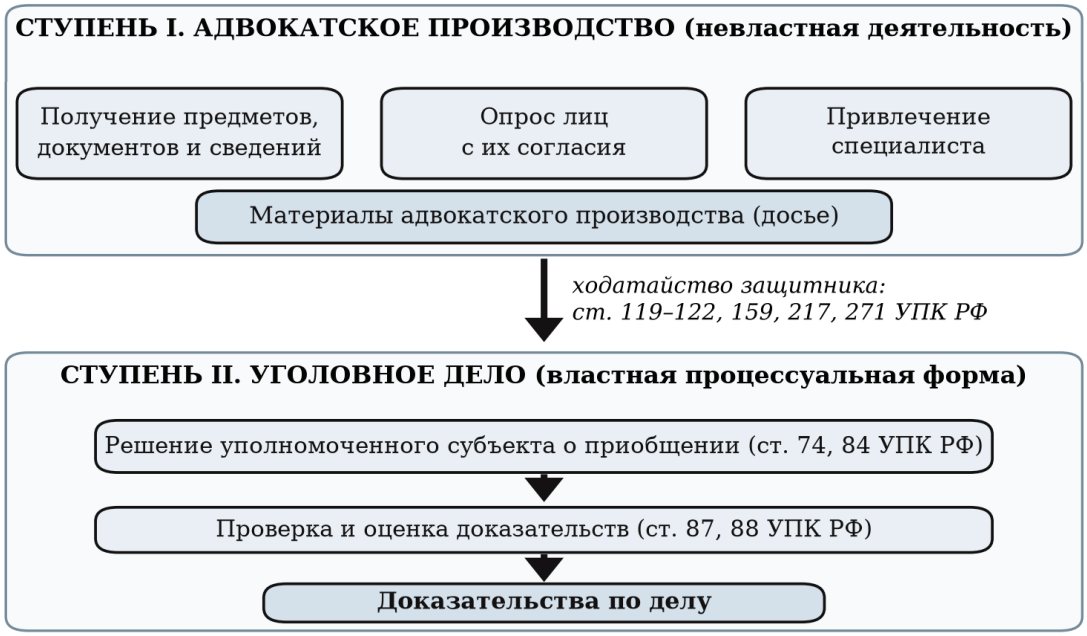

Рис. 1. **Двухступенчатая модель адвокатского расследования: от материалов адвокатского производства к доказательствам по делу**

от 9 декабря 2025 г. № 33 такие упоминания исключены, а ориентиром стал Международный пакт [19; 29]. Содержательно стандарт не понижен, но утрачен внешний контроль за его соблюдением, что повышает значение внутренних гарантий — прежде всего мотивированности решений по ходатайствам защиты [79].

3.2. Возможности, предусмотренные УПК РФ

Процессуальное ядро института — п. 2 ч. 1 ст. 53 и ч. 3 ст. 86 УПК РФ, называющие три способа собирания: получение предметов, документов и иных сведений; опрос лиц с их согласия; привлечение специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию [51; 85]. Вокруг этого ядра законодатель выстроил систему механизмов, обязательных к рассмотрению [57]:

— ходатайство (ст. 119–122 УПК РФ) с обязанностью его рассмотрения непосредственно после заявления либо в срок не позднее трёх суток;

— запрет отказа в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства имеют значение для дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ);

— запрет отказа защитнику в участии в следственных действиях, производимых по его ходатайству (ч. 2.1 ст. 159 УПК РФ);

— запрет отказа в приобщении к делу доказательств, в том числе заключений специалистов (ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ);

— право привлекать специалиста (ст. 58 УПК РФ) и невозможность отказа в его приглашении (ч. 2.1 ст. 58); заключение специалиста как самостоятельный вид доказательств (п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80 УПК РФ);

— «иные документы» как канал ввода материалов защиты (п. 6 ч. 2 ст. 74, ст. 84 УПК РФ);

— запрет отказа в допросе лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон (ч. 4 ст. 271 УПК РФ);

— право знакомиться с материалами дела и снимать копии (ст. 217 УПК РФ) — нередко основной источник информации для дальнейшего расследования;

— обжалование отказа в приобщении в порядке гл. 16 УПК РФ, включая ст. 125;

— заявление ходатайств о новых доказательствах в апелляции (ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ).

Особого внимания заслуживает соотношение ч. 4 ст. 271 и ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ. Первая норма императивна и не содержит оценочных условий; вторая обусловливает приобщение тем, что обстоятельства «имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами». Закон требует оценить доказательство по существу до его приобщения — порочный круг: доказательство не приобщается потому, что не убеждает, а не убеждает потому, что не исследовано. Тактически предпочтительнее обеспечивать явку носителя информации в суд, нежели добиваться приобщения его письменного объяснения на следствии [34; 45].

3.3. Возможности, предусмотренные Законом об адвокатуре

Пункт 3 ст. 6 Закона об адвокатуре формулирует полномочия шире, чем УПК РФ: запрашивать справки, характеристики и иные документы; опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией по делу; собирать и представлять предметы и документы,

могущие быть признаны доказательствами; привлекать на договорной основе специалистов; фиксировать, в том числе техническими средствами, информацию из материалов дела, соблюдая охраняемую законом тайну; совершать иные действия, не противоречащие законодательству [54].

Последний, «остаточный» подпункт переводит адвокатское расследование в режим общего дозволения. Из него выводятся практически востребованные, но прямо не названные в законе действия: осмотр и фотофиксация общедоступных мест, получение письменных объяснений, работа с открытыми государственными реестрами, аудиофиксация опроса с согласия опрашиваемого. Отказ в приобщении письменных объяснений лишь потому, что закон упоминает «опрос», а не «объяснение», неоснователен [74, с. 38, с. 38; 93].

Институциональным «мотором» расследования выступает адвокатский запрос (ст. 6.1 Закона об адвокатуре). Его конструкция включает круг адресатов (органы власти, местного самоуправления, общественные объединения и иные организации); письменный ответ в тридцатидневный срок с продлением не более чем на тридцать дней; закрытый перечень оснований отказа — отсутствие сведений, нарушение формы и порядка направления, ограниченный доступ к сведениям, просьба о разъяснении норм либо замаскированная жалоба; возврат запроса в течение десяти дней при отсутствии компетенции; ответственность за неправомерный отказ и просрочку [42; 52].

Направление адвокатского запроса не может быть самостоятельным предметом соглашения об оказании юридической помощи — норма 2024 г., призванная пресечь «продажу запросов» [7]. Ответственность адресата реализуется через ст. 5.39 КоАП РФ: штраф на должностных лиц от пяти до десяти тысяч рублей за неправомерный отказ, несвоевременное предоставление либо предоставление заведомо недостоверной информации [6; 84].

Корпоративный уровень дополняет законодательный: Стандарт 2017 г. задаёт минимальные требования, не ограничивая адвоката в использовании иных не запрещённых законом средств, а КПЭА закрепляет презумпцию достоверности представленных доверителем документов (п. 7 ст. 9). Адвокатское досье функционально аналогично итальянскому «fascicolo del difensore», но процессуальных последствий не имеет [48].

4. Пределы адвокатского расследования

Категория «предел» употребляется здесь не как запрет деятельности в целом, а как юридически определённая граница дозволенного. Систематизация позволяет выделить семь групп пределов, образующих последовательную систему ограничений (рис. 2) [97].

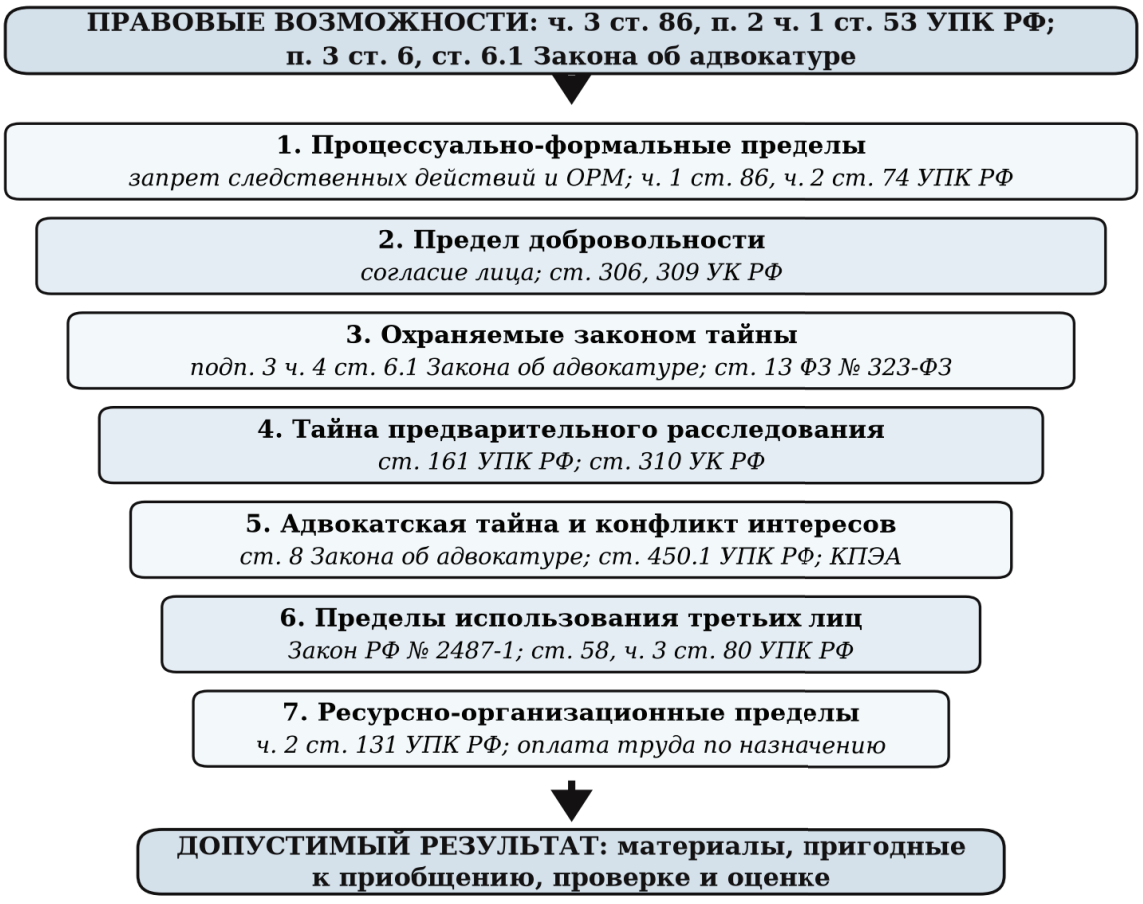

Рис. 2. **Система пределов адвокатского расследования и её нормативные основания**

4.1. Процессуально-формальные пределы

Первый и главный предел: адвокат не вправе производить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Он не может допросить, а может лишь опросить; не может изъять, а может лишь получить; не может назначить экспертизу, а может привлечь специалиста [77].

Второй предел — производный характер результата. Перечень видов доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) закрыт, и «акт адвокатского расследования» в него не входит: материалы защиты приобретают доказательственное значение только через приобщение уполномоченным субъектом (ст. 84, 119–122, 159, 217, 271 УПК РФ) [33; 82].

Третий предел — стадийный. В апелляции новые доказательства принимаются, если заявитель обосновал невозможность их представления в суд первой инстанции по не зависящим от него причинам (ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ); оценка уважительности причин относится к усмотрению суда [80].

4.2. Предел добровольности и запрет принуждения

Формула «с их согласия» — не декоративная оговорка, а конститутивно-правовой элемент: согласие должно быть свободным, информированным и относящимся к конкретному действию; лицо вправе отказаться от опроса и от передачи документов без объяснения причин [86]. Уголовно-правовой контур предела образуют ст. 309 УК РФ (подкуп или принуждение к даче показаний, заключению эксперта, специалиста), ст. 306 и 303 УК РФ (заведомо ложный донос и фальсификация доказательств), а также ст. 294 УК РФ: активное «улучшение» доказательственной базы способно повлечь ответственность самого защитника [5; 88]. Отдельного упоминания заслуживает риск утраты процессуального положения: обстоятельства, очевидцем которых адвокат стал при производстве собственных действий, могут повлечь его допрос как свидетеля и последующий отвод [39; 78].

4.3. Информационные пределы: охраняемые законом тайны

Наиболее ощутимый барьер — подп. 3 ч. 4 ст. 6.1 Закона об адвокатуре, позволяющий отказать в предоставлении сведений, отнесённых законом к информации с ограниченным доступом. Таковы врачебная тайна (ст. 13 ФЗ № 323-ФЗ), банковская (ст. 26 ФЗ № 395–1), государственная (Закон РФ № 5485–1) и персональные данные (ФЗ № 152-ФЗ) [10; 12; 13]. Ключевой для защиты становится конструкция «согласие носителя тайны»: медицинские документы получает сам пациент или его представитель, банковские — владелец счёта, после чего они передаются адвокату [94]. Обработка персональных данных адвокатом в целях оказания юридической помощи имеет законное основание, однако требование о согласии субъекта на передачу данных третьему лицу сохраняет силу и на практике используется как универсальный предлог для отказа [11].

4.4. Пределы тайны предварительного расследования

Статья 161 УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного расследования; часть 2 допускает предупреждение участников о недопустимости разглашения с отобранием подписки, а нарушение влечёт ответственность по ст. 310 УК РФ. Закон, однако, прямо исключает из состава разглашения изложение сведений в процессуальных документах (п. 1 ч. 6 ст. 161) и передачу их специалисту под письменное обязательство о неразглашении (п. 2 ч. 6) [56; 69].

Граница между этими изъятиями и составом ст. 310 УК РФ стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В определении от 29 мая 2025 г. № 1246-О суд признал допустимым осуждение адвоката, передавшего в таможенный орган копии материалов оперативно-разыскной деятельности, полученных под подпиской: изложение сведений в процессуальных документах правомерно, передача копий — нет [25; 27; 107]. Позиция дискуссионна: она сохраняет за следователем фактически неограниченное усмотрение в определении объёма тайны и не даёт адвокату надёжного ориентира при направлении запросов и привлечении специалиста [77].

4.5. Пределы адвокатской тайны и конфликта интересов

Результаты расследования, включённые в адвокатское производство, не могут быть обращены против доверителя: адвокат не вправе разглашать сообщённые ему сведения без согласия доверителя, а Кодекс профессиональной этики адвоката запрещает разглашение сведений, сообщённых в связи с оказанием юридической помощи, и требует избегать конфликта интересов (ст. 6, 9 КПЭА) [15; 53; 96]. Вместе с тем иммунитет не абсолютен: вмешательство в отношения адвоката и доверителя возможно при обоснованных подозрениях в злоупотреблении правом — с судебным решением и с участием представителя адвокатской палаты (ст. 450.1 УПК РФ, абз. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) [21; 22; 37; 58; 60; 68].

4.6. Пределы использования третьих лиц

Привлечение частного детектива — юридически возможный, но рискованный инструмент: Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487–1 относит сбор сведений по уголовным делам к лицензируемой деятельности и обязывает уведомлять орган дознания о заключении договора с клиентом в течение суток, а также запрещает совершать действия, посягающие на права и свободы граждан [9]. Привлечение специалиста ограничено иначе: он даёт суждение по поставленным сторонами вопросам (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), но не подменяет судебную экспертизу, и его

заключение оценивается по общим правилам; практика знает отказы в признании такого заключения доказательством при отсутствии процессуального решения о его приобщении [43; 46; 47; 71].

4.7. Ресурсно-организационные пределы

Наконец, предел, редко обсуждаемый в доктрине, но определяющий реальную доступность расследования, — отсутствие финансирования. Перечень процессуальных издержек (ч. 2 ст. 131 УПК РФ) не покрывает внесудебные исследования, проведённые по инициативе защиты, а вознаграждение адвоката по назначению не включает расходов на специалиста; фактическая возможность расследования оказывается поставленной в зависимость от платёжеспособности доверителя [62].

5. Правоприменение: пределы как продукт усмотрения

Конституционный Суд РФ сформулировал стандарт, который при добросовестном применении снимает большую часть проблем: отказ в приобщении материалов защиты допустим лишь при мотивированном указании на неотносимость сведений к делу [23; 24; 26; 81]. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 разъяснил, что право на защиту включает использование всех не запрещённых законом средств и способов, а нарушение этого права относится к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона [28].

Между нормой и результатом стоит усмотрение: отказы мотивируются «непроцессуальным» происхождением материалов, оценочные нормы применяются расширительно, а доля оправдательных приговоров держится на уровне нескольких десятых процента [49; 109]. В то же время точечная практика показывает, что пределы преодолимы правовыми средствами: административное принуждение к ответу на запрос через ст. 5.39 КоАП РФ применяется судами, хотя неполнота ответа сама по себе не наказуема, а в 2026 г. кассационные суды отменили отказы, мотивированные требованием доверенности помимо ордера [31; 42; 106; 108].

6. Сравнительно-правовой контекст

Итальянская модель — пример прямой легализации. Закон от 7 декабря 2000 г. № 397 дополнил УПК Италии разделом VI-bis (ст. 391-bis — 391-decies), закрепив право защитника проводить расследование, опрашивать лиц, запрашивать документы у публичных органов и привлекать специалистов; результаты фиксируются в «fascicolo del difensore», а нарушение правил влечёт inutilizzabilità — невозможность использования. Симметрично установлена уголовная ответственность за ложные сведения, сообщённые защитнику (ст. 371-ter УК Италии), и за разглашение материалов (ст. 334-bis) [97; 101].

Германская модель — пример общего дозволения при отсутствии принудительных полномочий. Защитник вправе проводить собственные расследования (eigene Ermittlungen), но не обладает Zwangsbefugnisse; компенсатором служат обязанность органа расследования выяснять оправдывающие обстоятельства (§ 160 Abs. 2 StPO) и обязанность суда распространять исследование на все значимые обстоятельства (§ 244 Abs. 2 StPO), подкреплённая институтом Beweisantrag. Федеральный верховный суд в 2025 г. подтвердил, что государство не обязано финансировать расследования защиты [102; 103].

Американская модель — пример превращения расследования в обязанность: Стандарт 4–4.1 Стандартов уголовной юстиции для функции защиты предписывает адвокату проводить расследование обстоятельств дела независимо от признания вины доверителем, а Strickland v. Washington связывает неэффективную помощь адвоката с нарушением шестой поправки [104; 105].

Российская модель ближе всего к германской по конструкции, но лишена её компенсаторов: обязанность всесторонности не подкреплена ни институтом доказательственного ходатайства с ограниченным усмотрением суда, ни симметричной ответственностью за отказ в исследовании [55; 75].

7. Направления совершенствования

1. Устранение оценочного условия приобщения: из ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ следует исключить слова «и подтверждаются этими доказательствами», сохранив единственный критерий — значение обстоятельств для дела [57; 70].

2. Легализация формы фиксации: целесообразно дополнить УПК РФ ст. 86.1, определив порядок получения и фиксации сведений защитником (протокол опроса с участием опрашиваемого, приложения, отметка о разъяснении права отказаться), что устранит основной аргумент о «непроцессуальном» происхождении материалов [51; 64].

3. Презумпция уважительности в апелляции: ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ следует дополнить правилом о том, что отказ органа расследования в приобщении сам по себе признаётся уважительной причиной непредставления доказательства в первую инстанцию [80].

4. Совершенствование института запроса: для запросов по делу, находящемуся в производстве, необходимо сократить срок ответа и прямо закрепить, что ордер является достаточным подтверждением полномочий [42; 52].

5. Механизм доступа к охраняемым тайнам: требуется конструкция, сочетающая согласие носителя тайны с судебным контролем при отказе в её предоставлении [53; 84].

6. Конкретизация подписки о неразглашении: ч. 2 ст. 161 УПК РФ должна обязать следователя указывать в подписке конкретный перечень сведений, а не ссылаться на материалы дела в целом [56; 69].

7. Финансирование исследований защиты: перечень процессуальных издержек (ч. 2 ст. 131 УПК РФ) целесообразно дополнить расходами на специалиста, привлечённого защитой [62].

8. Систематизация института: на уровне Закона об адвокатуре допустимо закрепление самого термина и отсылочной нормы о процессуальном использовании результатов [40].

Заключение

Во-первых, адвокатское расследование существует как реальный институт, но не как обособленная законодательная конструкция: его образуют нормы УПК РФ, Закона об адвокатуре, корпоративные стандарты и правоприменительные приёмы [74]. Во-вторых, юридическая природа деятельности определяется невластностью и целевой односторонностью: адвокат собирает доказательственную информацию, а не доказательства, и не обязан устанавливать истину [72]. В-третьих, «просительный» характер участия защиты в доказывании юридически преодолён — ч. 2.2 ст. 159 и ч. 4 ст. 271 УПК РФ связывают усмотрение органа расследования критерием относимости.

В-четвёртых, пределы образуют систему из семи групп — от процессуально-формальных границ до ресурсно-организационных условий. В-пятых, основной барьер носит правоприменительный характер: оценочные формулировки, неограниченное усмотрение при определении объёма тайны следствия и формальные отказы превращают дозволенное в фактически недоступное. В-шестых, сравнительный анализ выявляет три работоспособные стратегии: легализацию расследования через строгую процессуальную форму и симметричную ответственность (Италия), общее дозволение в связке с сильной обязанностью всесторонности (ФРГ) и превращение расследования в стандарт эффективности защиты (США).

Адвокатское расследование есть не «параллельное следствие» и не суррогат процессуальной деятельности, а самостоятельная форма реализации права на защиту. Его пределы должны определяться законом, а не усмотрением правоприменителя; в этом состоит основной ориентир дальнейшего развития института.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966.
3. Основные положения о роли юристов (приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Гавана, 27 августа — 07.09.1990).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
7. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.
8. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
9. Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (в действующей редакции).
10. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
11. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
12. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
13. Закон Российской Федерации от 21.07.1993 № 5485–1 «О государственной тайне» (в действующей редакции) // СЗ РФ. 1997. № 41. Ст. 4673.
14. Приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» (в ред. приказов от 30.11.2020 № 295 и от 09.08.2023 № 210).
15. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, с последующими изменениями и дополнениями).
16. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017).
17. Федеральный закон от 02.06.2016 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона „Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации“ и УПК РФ» // СЗ РФ. 2016. № 23. Ст. 3254.

18. Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2463.
19. Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 4460.
20. Федеральный закон от 22.04.2024 № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ“» // СЗ РФ. 2024. № 17. Ст. 2286.
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2010 № 20-П // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6854.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.2015 № 33-П // СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 47.
23. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 467-О.
24. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2011 № 1189-О-О.
25. Определения Конституционного Суда РФ от 06.10.2015 № 2443-О и № 2444-О.
26. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 6-О.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2025 № 1246-О. URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision841463.pdf.
28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».
29. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2025 № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ и признании утратившим силу постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21».
30. Решение Верховного Суда РФ от 24.05.2017 № АКПИ17–103.
31. Постановление мирового судьи судебного участка № 7 Кировского района г. Уфы от 07.08.2018 по делу о правонарушении, предусмотренном ст. 5.39 КоАП РФ.
32. Агарева Е. А. Правовой статус адвоката-защитника в досудебном производстве: современное состояние и перспективы развития // Адвокатская практика. 2026. № 2.
33. Архипкин И. В., Корнакова С. В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2024. № 1.
34. Арутюнян О. А. Сборник кассационной практики. Уголовное судопроизводство М.: Информ-Право, 2025. 320 с.
35. Бадыло Ю. М. Защита профессиональных прав адвоката: субъект и форма М.: Информ-Право, 2022. 152 с.
36. Багрян А. А. Вступление адвоката в уголовное дело в качестве защитника по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда: методические рекомендации. М.: Информ-Право, 2022. 56 с.
37. Багрян А. А. Замечания на протокол обыска (памятка для адвоката) М.: Информ-Право, 2024. 20 с.
38. Балакшин В. С. К вопросу о не предусмотренных в статье 75 УПК РФ основаниях признания доказательств недопустимыми // Российская юстиция. 2024. № 5.
39. Барабанова А. А. Допрос адвоката (защитника) в качестве свидетеля на стадии предварительного расследования: вопросы регламентации процессуального порядка // Российский следователь. 2024. № 10.
40. Большакова Ю. О. Проблема реализации адвокатского расследования в российском уголовном процессе // Актуальные исследования. 2024. № 24 (206). Ч. II. С. 43–48.
41. Брянская Е. В. Заключение специалиста как процессуальный ресурс обоснованности доказательств по уголовному делу // Российский следователь. 2025. № 6.
42. Бурлаченко А. С. Особенности защиты профессионального права на получение сведений, необходимых для оказания юридической помощи, по адвокатскому запросу // Адвокатская практика. 2024. № 1.
43. Буянтуев С. О. Проблемы привлечения адвокатом-защитником специалиста в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2024. № 3.
44. Чарыков А. В. О некоторых вопросах участия адвоката в процессе доказывания в стадии предварительного расследования // Российский следователь. 2025. № 7.
45. Давлетов А. А., Чарыков А. В. Верховный Суд РФ «сворачивает» право адвоката-защитника привлекать специалиста в судебное следствие? // Российский судья. 2022. № 1.
46. Дьяконова О. Г. Рецензия специалиста на заключение судебной экспертизы: понятие, сущность, нормативное регулирование // Журнал российского права. 2023. № 4.
47. Елагина Е. В., Николаева Т. Г., Коваленко В. И. Особенности реализации стороной защиты права на привлечение специалиста в уголовном судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 3.
48. Филин Е. А. Стандарт осуществления защиты в уголовном судопроизводстве и границы адвокатского усмотрения // Адвокатская практика. 2026. № 1.
49. Гаспарян Н. С., Лямин А. А. Энциклопедия недопустимых доказательств М.: Информ-Право, 2025. 336 с.
50. Головко Л. В. Методология доказывания в уголовном процессе: статический эффект в динамической перспективе // Закон. 2025. № 2.
51. Хвенько Т. И. Формы участия адвоката в доказывании // Адвокатская практика. 2022. № 1.

52. Хвенько Т. И. Адвокатский запрос как средство реализации предоставленных адвокату полномочий по осуществлению доказывания в ходе предварительного расследования // Адвокатская практика. 2022. № 3.
53. Кленкина О. В., Симонов Н. С., Шиханова Е. Г. Проблемы правопонимания адвокатской тайны // Адвокатская практика. 2022. № 3.
54. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для вузов / А. А. Клишин [и др.]; под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2021. 604 с.
55. Корнакова С. В. Участие защитника в доказывании на предварительном следствии: сравнительный анализ законодательства стран СНГ // Российская юстиция. 2025. № 6.
56. Крутиков И. Л. Разглашение данных предварительного расследования: дефекты законодательной техники // Адвокатская практика. 2025. № 4.
57. Малышева О. А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.
58. Михальская Е. В., Терещенко Т. А. «Антиотмывочный» Закон № 115-ФЗ vs адвокатская тайна: есть ли коллизия и что делать? // Закон. 2024. № 2.
59. Митрофанова А. А., Кузаков Д. В. Проблемы использования заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве: анализ судебной практики // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 24–29.
60. Мыльцын Д. А. Проблемы реализации прав адвоката в рамках производства в отношении него обыска и возможные пути их разрешения // Адвокатская практика. 2022. № 2.
61. Набатов М. Б. К вопросу о взаимодействии адвоката-защитника с органами предварительного расследования и судом посредством цифровых технологий // Адвокатская практика. 2022. № 2.
62. Набатов М. Б. Реализация права на защиту в уголовном процессе в условиях применения цифровых технологий М.: Информ-Право, 2025. 256 с.
63. Никурадзе Н. О. «Электронные доказательства» в уголовном процессе: о целесообразности правового регулирования // Журнал российского права. 2024. № 4.
64. Новолодский Ю. М. Доказывание в практической деятельности адвоката-защитника: монография 3-е изд., доп. и перераб. СПб.: Р-КОПИ, 2022. 408 с.
65. Новолодский Ю. М. Сбор защитительных доказательств СПб.: Р-КОПИ, 2021. 88 с.
66. Новолодский Ю. М. Анализ обвинительных доказательств СПб.: Р-КОПИ, 2021. 72 с.
67. Новолодский Ю. М. Работа защитника с фактами и их основная классификация СПб.: Свое издательство, 2021. 84 с.
68. Осипов А. В. Особенности регламентации оснований обыска (выемки) в отношении адвоката // Законность. 2023. № 2.
69. Першин А. Н., Жариков Е. В. Недопустимость разглашения данных предварительного расследования специалистами, экспертами и адвокатами // Российский следователь. 2025. № 8.
70. Прохоров А. Б. Право обвиняемого на версию: бремя и пределы её доказывания в судебном разбирательстве по уголовному делу // Адвокатская практика. 2025. № 2.
71. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2022. 544 с.
72. Селина Е. А. Участие адвоката в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: монография М.: Проспект, 2022. 96 с.
73. Шаповал А. Б. Обеспечение адвокатом-защитником прав доверителя при производстве неотложных следственных действий М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2024. 336 с.
74. Шумов П. В., Игошин Л. А. Адвокатское расследование в уголовном процессе России: теоретический взгляд на практическое действие // Адвокатская практика. 2025. № 1. С. 37–41.
75. Смирнов А. В. О реализации конституционного принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2026. № 1.
76. Соловьев С. А. Заключение специалиста как маркер реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2025. № 5.
77. Софронов Д. Н. Правовое регулирование гласного содействия адвокатов органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность // Российский юридический журнал. 2025. № 6.
78. Стельмах В. Ю. Особенности производства следственных действий в отношении адвокатов // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2.
79. Тарасов А. А. Истина и состязательность в национальном облике современного российского уголовного процесса // Журнал российского права. 2026. № 9.
80. Виноградов В. А. Распределение бремени доказывания в суде апелляционной инстанции: границы действия презумпции невиновности // Юрист. 2025. № 7.
81. Власов Ю. Я. Допустимость доказательств в уголовном процессе: понятие и критерии оценки // Законность. 2023. № 3.

82. Воложанин С. Н., Буфетова М. Ш. Об актуальных проблемах участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам // Адвокатская практика. 2021. № 6.
83. Яковлева К. Ю. Собирание доказательств, содержащих электронную информацию, в уголовном процессе (на примере осмотра) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1.
84. Ястремский И. А. Ответ на адвокатский запрос клиникой пластической хирургии в контексте соблюдения врачебной тайны // Современное право. 2026. № 4.
85. Заика С. В. Способы реализации права адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе путём получения предметов, документов и истребования справок, характеристик, иных сведений и документов // Адвокатская практика. 2022. № 1.
86. Заика С. В. Ошибки, допускаемые адвокатами-защитниками при формировании и реализации позиции на стадии досудебного производства в уголовном процессе М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2024. 244 с.
87. Арабули Д. Т. Право защитника собирать и представлять доказательства: понятие, способы, проблемы реализации: монография. М.: Изд-во СГУ, 2008. 190 с.
88. Баев О. Я., Баев М. О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам: монография. М.: Проспект, 2014. 216 с.
89. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
90. Власова Н. А., Краскова И. С. Собирание защитником доказательств на досудебных стадиях уголовного процесса: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2010. 118 с.
91. Киселёв П. П. Адвокатское уголовное расследование: теоретические и прикладные аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Евразийский НИИ проблем права, 2014. 346 с.
92. Киселёв П. П. Адвокатское расследование в контексте обеспечения прав человека. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. 289 с.
93. Киселёв П. П. Адвокатское расследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 272 с.
94. Классен Н. А., Классен А. Н., Кудрявцева А. В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2011. 208 с.
95. Милова И. Е. Концепция адвокатского расследования: уголовно-правовые аспекты. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2010. 18 с.
96. Пилипенко Ю. С. Адвокатская тайна: теория и практика. М.: Информ-Право, 2009. 208 с.
97. Рагулин А. В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации и зарубежных государствах. М.: Юрлитинформ, 2012. 368 с.
98. Семенцов В. А., Скребец Г. Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2009. 176 с.
99. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 112 с.
100. Фалилеев В., Гармаев Ю. Пределы полномочий защитника по собиранию доказательств (взгляд с позиции стороны обвинения) // Уголовное право. 2003. № 1. С. 90–91.
101. Legge 7 dicembre 2000, n. 397 «Disposizioni in materia di indagini difensive».
102. Strafprozeßordnung (Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ) in der Fassung vom 07.04.1987 (BGBl. I S. 1074).
103. BGH, Urteil vom 5. März 2025–3 StR 35/24; BGH, Beschluss vom 24. Juni 2025–3 StR 138/25.
104. ABA Criminal Justice Standards for the Defense Function. 4th ed. Washington, D.C.: American Bar Association, 2015. Standard 4–4.1 «Duty to Investigate and Engage Investigators».
105. Strickland v. Washington, 466 U.S. 668 (1984).
106. Об использовании механизма административного понуждения к предоставлению сведений на основе адвокатского запроса: информационно-аналитический материал ФПА РФ. URL: https://fparf.ru (дата обращения: 08.11.2026).
107. КС отклонил жалобу адвоката, осуждённого за разглашение данных предварительного расследования // Адвокатская газета. 2025. 18 июня. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 08.11.2026).
108. Суд указал, что КоАП не предусматривает ответственности за неполноту информации по адвокатскому запросу // Адвокатская газета. 2018. 16 августа. URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 08.11.2026).
109. Оправдательных приговоров по-прежнему четверть процента // Независимая газета. 2024. 7 ноября. URL: https://www.ng.ru (дата обращения: 08.11.2026).

Проблемы применения законодательства об ответственности за совершение административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность

Соболева Мария Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная работа посвящена изучению теоретических и практических аспектов применения норм, регулирующих общественный порядок и безопасность, в рамках Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Анализируются недостатки законодательной базы, пробелы в определении ключевых терминов, трудности при квалификации правонарушений и процессуальные сложности. Также в статье представлены предложения по совершенствованию действующего административного законодательства с целью повышения результативности правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: *общественный порядок, общественная безопасность, административная ответственность, Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ), мелкое хулиганство*

Problems with the application of legislation on liability for committing administrative offenses that infringe on public order and public safety

This paper is devoted to the study and examination of the theoretical and practical aspects of applying the norms regulating public order and security within the framework of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; it analyses the shortcomings of the legislative framework, gaps in the definition of key terms, difficulties in classifying offenses, and procedural complexities. The article also presents proposals for improving the current administrative legislation in order to enhance the effectiveness of law enforcement activities.

Keywords: *public order, public safety, administrative legal liability, the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (CAO RF), petty hooliganism.*

Институт административной ответственности выступает как одна из ключевых систем поддержания правопорядка в Российской Федерации. Глава 20 КоАП РФ, включающая нормы, касающиеся правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, является одной из наиболее объемных и часто применяемых на практике. За последние несколько лет она претерпела существенные трансформации, включая частичную декриминализацию ряда деяний. Тем не менее эти изменения породили теоретические и практические вопросы, требующие глубокого научного анализа.

Одной из важных проблем действующего законодательства в сфере правонарушений, посягающих на общественный порядок и безопасность, является отсутствие четко сформулированных определений для ключевых категорий, используемых в главе 20 КоАП РФ, а именно таких понятий, как «общественный порядок», «общественная безопасность» и «общественное место». Несмотря на то что в научной литературе предпринимаются попытки дать определения этим понятиям, их отсутствие в тексте законодательного акта вызывает правовую неопределенность и трудности при составлении протоколов об административных правонарушениях. Это вынуждает сотрудников правоохранительных органов и судей действовать по собственному усмотрению, что отрицательно сказывается на единообразии применения законодательного акта на практике.

Кроме того, наблюдаются существенные недостатки в систематизации норм главы 20 КоАП РФ, содержание которой порождает много вопросов. Так, в главу 20 КоАП РФ входят составы правонарушений, которые не всегда напрямую связаны с обеспечением общественного порядка. Одним из самых спорных является состав, предусмотренный статьей 20.25 КоАП РФ («Уклонение от исполнения административного наказания»). Объектом этого правонарушения является установленный порядок управления, а не общественный порядок. Это противоречит логике построения Особенной части КоАП РФ, из-за чего требуется пересмотр всей системы составов правонарушений.

Не менее важной является проблема квалификации административных правонарушений, в частности мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ). Юристы отмечают ошибки в определении признаков оскорбительного приставания к гражданам и нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу. На практике нередко возникают трудности при оценке действий правонарушителя и привлечении его к административной или уголовной ответственности по ст. 213 УК РФ («Хулиганство»).

Еще одной важной проблемой стало введение статьи 20.3.1 КоАП РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), которое создало трудности в разграничении данного состава со статьей 282 УК РФ. Правоприменители сталкиваются с проблемой установления мотива деяния, а также с необходимостью четкого разграничения признаков составов уголовной и административной ответственности по данным статьям.

Актуальной остается проблема квалификации правонарушений, совершаемых в жилых помещениях. Отсутствие в главе 20 нормы, предусматривающей ответственность за нарушение общественного порядка в быту (в жилище), позволяет правонарушителям избегать ответственности за действия, нарушающие покой граждан в жилых помещениях, поскольку глава 20 КоАП РФ ориентирована преимущественно на общественные места.

Эффективность института административной ответственности снижается из-за ряда процессуальных трудностей. Точная квалификация проступка во многом зависит от действий правоохранителей на этапах обнаружения и документирования факта нарушения. Недочеты и ошибки в оформлении протоколов об административных правонарушениях и сборе доказательной базы нередко приводят к прекращению производства и, соответственно, к непривлечению правонарушителя к ответственности.

Вызывает сомнения и система санкций за совершение административных правонарушений. За нарушения, угрожающие безопасности граждан, зачастую назначаются минимальные штрафы, которые не обеспечивают должного сдерживающего и карательного эффекта. Отмечается неэффективность штрафных санкций как основного инструмента противодействия правонарушениям экстремистского характера. В этой связи предлагается расширить спектр применяемых мер, включив в него обязательные работы и административный арест.

Также остается актуальной проблема правовой неопределенности на стыке административного и уголовного процессов. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2025 № 38-П акцентирует внимание на недопустимости двойного преследования (принцип non bis in idem), однако на практике возникают сложности с исчислением сроков лишения специальных прав, когда административный проступок и уголовное деяние вытекают из одного и того же события.

Анализ практики применения законодательства об административной ответственности за деяния, затрагивающие общественный порядок и безопасность, свидетельствует о необходимости существенной корректировки действующих норм. Так, для повышения результативности правового регулирования необходимо:

— установить четкие определения понятий «общественный порядок», «общественная безопасность» и «общественное место»;

— провести ревизию главы 20 КоАП РФ для исключения составов, не соответствующих объекту посягательства (общественному порядку и безопасности);

— определить признаки объективной стороны мелкого хулиганства и других часто встречающихся составов, чтобы ограничить возможности для их произвольного толкования со стороны правоприменителей;

— дополнить главу 20 КоАП РФ нормой, устанавливающей ответственность за нарушение общественного порядка в жилых помещениях;

— изменить подход к назначению санкций, расширив применение обязательных работ и административного ареста в отношении лиц, совершивших правонарушения экстремистской направленности и грубые нарушения общественного порядка, для увеличения сдерживающего и карательного эффекта.

Реализация предложенных мер позволит устранить выявленные недостатки, повысить эффективность правоприменения в сфере охраны общественного порядка и безопасности, что поможет укрепить доверие граждан к правоохранительной системе.

Литература:

1. Шкатула, К. В. Проблемы регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность / К. В. Шкатула // Молодой ученый. — 2025. — № 45 (596). — С. 256–259.
2. Денисенко, С. Г. Проблемы выявления и квалификации административных правонарушений, посягающих на общественный порядок / С. Г. Денисенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2025. — № 3 (69).
3. Ремизова, А. А. Административная ответственность за нарушение законодательства в сфере общественного порядка и общественной безопасности // Актуальные исследования. — 2025. — № 49 (284). — Ч.II. — С. 80–82.
4. Балахонцева, Е. А. Проблемы привлечения к административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественную нравственность / Е. А. Балахонцева // Вестник магистратуры. — 2025 — № 5–4 (164). — С. 133–136.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2025 № 38-П // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518806/ (дата обращения: 16.11.2026)
6. Уянаева, Д. З. Правовые пробелы и проблемы реализации административной ответственности за правонарушения, посягающие на общественный порядок и безопасность / Д. З. Уянаева. // Молодой ученый. — 2025. — № 49 (548). — С. 648–650.

Основные направления совершенствования действующего законодательства об ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность

Соболева Мария Владимировна, студент магистратуры
Научный руководитель: Иванов Анатолий Михайлович, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу ключевых направлений модернизации законодательства, регламентирующего административную ответственность за посягательства на общественный порядок и общественную безопасность. В работе исследованы законодательные инициативы 2026 года, направленные на ужесточение ответственности, а также трудности правоприменения. Предлагаются рекомендации по совершенствованию структуры правовых норм, уточнению терминологии и усилению мер ответственности.

Ключевые слова: *КоАП РФ, общественный порядок, общественная безопасность, административная ответственность, унификация законодательства, проект нового КоАП, модернизация, санкции.*

The main directions for improving the current legislation on liability for administrative offenses that infringe on public order and public safety

This article is devoted to an analysis of the key areas for modernizing the legislation regulating administrative liability in the field of maintaining public safety and order. The paper examines current legislative initiatives of 2026 aimed at tightening punishment measures, as well as law enforcement difficulties. Recommendations are proposed for improving the structure of legal norms, clarifying terminology, and tightening liability measures.

Keywords: *Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, public order, public safety, administrative liability, unification of legislation, draft of the new Code of Administrative Offenses, modernization, sanctions.*

Глава 20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) признается одной из наиболее динамично развивающихся и сложных в правоприменении. За время действия КоАП РФ был принят 621 федеральный закон о внесении изменений в кодекс, а общее число поправок превысило 4800.

В связи с развитием федерального законодательства в различных областях возникает необходимость регулярно уточнять составы многих административных правонарушений в соответствующих главах Особенной части КоАП, что сказывается и на компетенции федеральных органов исполнительной власти. Вследствие этого приходится постоянно корректировать полномочия отдельных органов и их должностных лиц по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях. Существенными факторами, снижающими эффективность действующего КоАП РФ, являются также накопившиеся проблемы правоприменительной практики на стадиях возбуждения и рассмотрения дел об административных правонарушениях. Все это обусловливает необходимость пересмотра действующего законодательства и правового регулирования отношений в сфере административной ответственности, в том числе за административные проступки, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

Приоритетным направлением развития административного законодательства является разработка и внесение изменений в действующий КоАП РФ, а также установление порядка, согласно которому изменения в КоАП будут вноситься исключительно посредством отдельных федеральных законов, требующих обязательного официального заключения Правительства РФ и вступающих в силу не ранее чем через три месяца после их официального опубликования. Необходимо также четко разграничить компетенции, определив предметы ведения как Российской Федерации, так и ее субъектов. Предлагается закрепить за регионами право устанавливать повышенные размеры штрафов.

Объединение норм, предусматривающих ответственность за пропаганду запрещенной символики, возбуждение ненависти и распространение экстремистских материалов (статьи 20.3, 20.3.1, 20.29 КоАП РФ), в отдельную главу или подгруппу позволит согласовать терминологию с уголовным законодательством (статья 282 УК РФ «**Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства**») и упростит разграничение составов. Также необходимо ужесточить санкции за правонарушения экстремистского характера, а именно расширить спектр применяемых мер, включив в него обязательные работы и административный арест.

Действующая глава 20 КоАП РФ требует кардинальной структурной переработки. В научной литературе отмечается, что в нее включены составы правонарушений, объ-

екты которых не соответствуют наименованию главы (например, статья 20.25 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за уклонение от исполнения административного наказания и не связанная с охраной общественного порядка).

Для правильного толкования норм и точной квалификации проступков правоохранительными органами и должностными лицами необходимо внести в примечания к главе 20 КоАП РФ легальные определения таких понятий, как «общественный порядок», «общественная безопасность» и «общественное место». Отсутствие этих определений вынуждает сотрудников правоохранительных органов и судей действовать по собственному усмотрению, что негативно сказывается на единообразии правоприменительной практики.

В 2026 году Правительство Российской Федерации внесло в Государственную Думу законопроект № 665-9, направленный на значительное усиление мер ответственности. Предполагается повышение в среднем примерно в два раза нижних и верхних пределов административных штрафов для физических, должностных и юридических лиц за отдельные административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, а именно:

— за деяния, связанные с нарушением установленного запрета курения табака, потребления никотинсодержащей продукции или использования кальянов на отдельных территориях, в помещениях и на объектах;

— за мелкое хулиганство;

— за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования;

— за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов России и ее граждан;

— за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ в общественных местах.

Кроме того, планируется повысить штрафы за появление в общественных местах в состоянии опьянения, производство и распространение экстремистских материалов, нарушение правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований. Повышение предусмотрено за нарушения, санкции по которым в большинстве случаев не увеличивались с 2012 года. Индексация размеров штрафов — важный механизм, обеспечивающий соразмерность наказания и его сдерживающий эффект. Она позволяет сохранить справедливое соотношение между размером штрафа и степенью общественной опасности правонарушения.

В дополнение к увеличению штрафных санкций предлагается корректировка возрастных границ ответственности: снижение общего порога наступления административной ответственности до 14 лет. Для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 16 лет предлагается установить обязательные работы как приоритетный вид наказания, что должно способствовать раннему формированию правосознания.

В современных условиях необходимо шире применять системы автоматической фиксации правонарушений в местах массового скопления граждан, а также установить ответственность за распространение нелегального цифрового контента.

Совершенствование законодательства об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, требует комплексного подхода. Реализация предложенных мер позволит устранить пробелы в правовом регулировании, повысить профилактический потенциал административной ответственности и обеспечить баланс между защитой публичных интересов и соблюдением прав граждан. Это будет способствовать не только укреплению правопорядка, но и формированию в обществе культуры уважения к закону.

Литература:

1. Шкатула, К. В. Проблемы регулирования административной ответственности за нарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность / К. В. Шкатула // Молодой ученый. — 2025. — № 45 (596). — С. 256–259.
2. Удвоение штрафов за нарушение общественного порядка рекомендовано к I чтению // Интерфакс. — URL: https://www.interfax.ru/russia/1127843 (дата обращения: 16.11.2026).
3. Федеральный закон от 07.07.2025 № 209-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509325/ (дата обращения: 16.11.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон „О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях“» // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511068/ (дата обращения: 16.11.2026).
5. Правительство предложило увеличить штрафы за нарушения общественного порядка // Тольятти 24. — URL: https://togliatti24.ru/society/view/pravitelstvo-predlozilo-uvelicit-strafy-za-narusenia-obsestvennogo-poradka (дата обращения: 16.11.2026).

6. В Госдуму внесен законопроект, предусматривающий повышение административных штрафов в среднем в два раза // Арктический обозреватель. — URL: https://murmansk.ru/56752 (дата обращения: 16.11.2026).
7. Степанова, А. От дискредитации ВС РФ до курения в запрещенных местах: Госдума рассмотрит повышение штрафов за ряд нарушений / А. Степанова // RT на русском. — URL: https://russiatoday.ru/russia/article/1709419-gosduma-shtraf-kurenie-alkogol-diskreditaciya-armiya?ysclid=mwk865tnzy74117566 (дата обращения: 16.11.2026).

Алиментные обязательства и бремя содержания доли несовершеннолетнего: коллизия семейного и жилищного законодательства

Соболевская Виктория Алексеевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается коллизия между алиментными обязательствами родителей и обязанностью по оплате жилищно-коммунальных услуг за долю несовершеннолетнего в праве общей долевой собственности, которая в судебной практике проявляется как проблема «двойной оплаты» для плательщика алиментов.

Ключевые слова: *алиментные обязательства, дополнительные расходы на детей, жилищные алименты, бремя содержания имущества.*

После расторжения брака родителей перед их общими несовершеннолетними детьми возникает двойная имущественная обязанность. С одной стороны алиментные обязательства, урегулированные семейным законодательством. С другой — гражданско-правовая и жилищно-правовая обязанность по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, которая в силу ст. 210 и 249 ГК РФ [1], ст. 153 ЖК РФ [2] и п. 28 постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2017 № 22 [3] распространяется и на доли детей, даже если ребёнок давно не проживает в этой квартире. Когда доли принадлежат детям, а родители живут раздельно, эти две системы обязанностей сталкиваются. Родитель, исправно платящий алименты, получает иск ресурсоснабжающей организации о взыскании коммунального долга «за детей» и воспринимает это как двойную оплату.

Единого законодательного ответа на вопрос, как соотносятся алименты и коммунальные платежи за доли ребёнка, до сих пор нет. Семейный кодекс РФ прямо не предусматривает обязанность отдельно проживающего родителя, выплачивающего алименты, оплачивать за ребёнка расходы по содержанию жилого помещения.

Правовую основу проблемы образуют три блока норм. Первый — семейно-правовой, ст. 61 СК РФ устанавливает равенство прав и обязанностей родителей; ст. 80 — обязанность содержать несовершеннолетних детей; ст. 60 — целевое назначение алиментных платежей; ст. 86 — привлечение родителей к дополнительным расходам на детей. Второй блок — гражданско-правовой: ст. 210 ГК РФ (бремя содержания имущества) и ст. 249 ГК РФ (участие сособственников в обязательных платежах соразмерно долям). Третий — жилищно-правовой: ст. 153 и 155 ЖК РФ, а также разъяснения постановления Пленума ВС РФ № 22 о том, что за долю ребёнка-собственника платят родители независимо от совместного проживания.

Встает вопрос, является ли обязанность по оплате жилищно-коммунальных услуг за долю ребёнка частью алиментного содержания или самостоятельным обязательством, исполняемым наряду с алиментами? От ответа на него зависит, можно ли засчитать алименты в счёт коммунального долга, можно ли взыскать «коммунальные» расходы сверх алиментов, и кто в итоге платит — плательщик алиментов или родитель, с которым проживает ребёнок.

Алименты по п. 2 ст. 60 СК РФ поступают в распоряжение родителя-получателя и расходуются строго на содержание, воспитание и образование ребёнка. Именно это целевое назначение стало аргументом судебной практики, алименты имеют иное правовое предназначение (обеспечение питанием и одеждой ребёнка) и по общему правилу не могут идти в зачёт обязательства по оплате коммунальных платежей.

Московский городской суд ещё в апелляционном определении от 20.11.2013 № 11–37742/13 [4] сформулировал позицию, ставшую потом типовой: уплата одним из родителей алиментов или добровольная передача средств на содержание ребёнка не освобождает его от участия в исполнении за несовершеннолетнего обязанности по оплате жилого помещения и коммунальных услуг. Обязанность содержания возлагается на обоих родителей в равной мере независимо от того, проживают ли они с ребёнком и какими средствами располагают.

Вместе с тем в доктрине справедливо отмечают действующее семейное законодательство обязанность отдельно проживающего родителя, платящего алименты, оплачивать за ребёнка жилищно-коммунальные расходы прямо не предусматривает. Показательно, что при обосновании такой ответственности суды используют лишь общие нормы СК РФ (ст. 56, 60, 64), а не специальные пра-

вила об алиментах, что говорит о конструировании судами квазисамостоятельного обязательства «из закона».

Практика по вопросу взыскания коммунальных расходов за долю ребёнка с плательщика алиментов прошла три этапа.

В конце 2000-х — начале 2010-х годов преобладали решения, которыми во взыскании с родителя, уплачивающего алименты, приходящихся на ребёнка коммунальных расходов отказывали. Один из аргументов — взыскание половины понесённых вторым родителем расходов фактически увеличивает размер алиментов, а такое увеличение возможно только по основаниям п. 2 ст. 81 и ст. 86 СК РФ и только при соответствующем требовании, заявленном в суд [5].

С распространением разъяснений постановления Пленума № 22 практика изменилась на противоположную, обязанность по оплате жилья и коммунальных услуг, приходящихся на долю несовершеннолетнего, лежит на обоих родителях независимо от уплаты одним из них алиментов.

Позже сформировалась устойчивая категория исков, где уже родитель, с которым живёт ребёнок, взыскивает с плательщика алиментов половину расходов на ЖКУ за долю ребёнка, налог на имущество и даже расходы на обустройство жилья (холодильник, компьютер, дверь).

Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 21.01.2025 № 88-КГ24–12-К8 [6] подтвердило, что за долю несовершеннолетнего-собственника платят родители независимо от факта совместного проживания, причём обязанность обоих родителей является долевой, а не солидарной. Но одновременно он сформулировал ряд защитных правил, существенно меняющих баланс.

Во-первых, при взыскании долга за периоды несовершеннолетия собственника суд обязан привлечь обоих родителей в качестве соответчиков, рассмотрение дела без второго родителя признано грубым нарушением процессуального закона. Во-вторых, ВС разграничил возрастные периоды: до 14 лет платят только родители; от 14 до 18 лет внесение платы — право, а не обязанность подростка, и при недостаточности его средств обязанность субсидиарно переходит на родителей; после 18 лет платит сам собственник. В-третьих, долг за период несовершеннолетия можно возложить на ставшего совершеннолетним ребёнка только если он сам вносил плату или долг возник из сделок, совершённых им в порядке п. 1 и 2 ст. 26 ГК РФ.

Позиция «взыскивать можно только с того, кто платил сам» фактически исключает субсидиарный характер родительской ответственности, обязанность родителей оказывается самостоятельной и не переходит на совершеннолетнего собственника. В литературе также обращают внимание, что ВС не учёл довод, по которому обязанность отца могла исполняться посредством выплаты алиментов, в том числе потому, что жилое помещение могло быть передано ребёнку в счёт алиментов [7].

Федеральный закон от 06.02.2020 № 10-ФЗ прямо включил в ст. 86 СК РФ отсутствие пригодного для постоянного проживания жилого помещения в число исключительных обстоятельств, дающих право на дополнительные расходы, так называемые «жилищные алименты». С их помощью взыскиваются расходы на аренду жилья, приобретение квартиры, погашение ипотеки, ремонт; размер определяется судом в твёрдой денежной сумме исходя из материального и семейного положения родителей, по общему правилу — половина расходов, приходящихся на детей.

Важно, что обычные коммунальные расходы в этом перечне не значатся, поскольку оплата ЖКУ не входит в перечень «исключительных» обстоятельств и не является дополнительным расходом автоматически. Суд взыскивает долю расходов на ЖКУ за долю ребёнка не как алиментный платёж в строгом смысле, а как возмещение обязательств, вытекающих из права собственности ребёнка.

Синтез практики и доктрины позволяет выделить вопросы, требующие законодательного решения. Во-первых, СК РФ не содержит нормы, определяющей, входит ли оплата ЖКУ за долю ребёнка в алиментное содержание; это порождает «двойную оплату» с точки зрения плательщика и неосновательное обогащение с точки зрения получателя. Во-вторых, отсутствует правило о судьбе алиментов при передаче жилого помещения в счёт их уплаты. В-третьих, не определено, как часто несовершеннолетний 14–18 лет должен вносить плату, чтобы обязательство «перешло» на него после совершеннолетия.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=536617&dst=1000000001&cacheid=3713BF558F769FF4D11DB8C6AF98A88F&mode=splus&rnd=m6jOuQ#DJnneaVSS0K0fRp7 (дата обращения: 11.11.2026).
2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=527341&dst=100130&field=134&rnd=m6jOuQ#Tp9oeaVo5YbcKuXq2 (дата обращения: 11.11.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2017 N 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=218822&dst=100001#GyTmeaVs7fuS00Il (дата обращения: 11.11.2026).

4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 ноября 2013 N 11–37742/13 (ключевые темы: коммунальные услуги — несовершеннолетние — имущественная ответственность — алименты — коммунальные платежи). — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/120508138/ (дата обращения: 11.11.2026).
5. «Жилищные алименты» — миф или новая правовая реальность?. — Текст: электронный // Издательская группа ЮРИСТ: [сайт]. — URL: https://lawinfo.ru/articles/3164/zilishhnye-alimenty-mif-ili-novaya-pravovaya-realnost (дата обращения: 11.11.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2025 N 88-КГ24–12-К8 (УИД 70RS0001–01–2023–003751–56). — Текст: электронный // Legalacts: [сайт]. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21012025-n-88-kg24–12-k8-uid-70rs0001–01–2023–003751–56/?ysclid=mwby8wwbaf877982110 (дата обращения: 11.11.2026).
7. Отец обязан наравне с экс-супругой погасить задолженность общего ребенка за коммунальные услуги. — Текст: электронный // Адвокатская газета: [сайт]. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/otets-obyazan-naravne-s-eks-suprugoy-pogasit-zadolzhennost-obshchego-rebenka-za-kommunalnye-uslugi/ (дата обращения: 11.11.2026).

Особенности рассмотрения корпоративных споров об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью

Соколов Дмитрий Павлович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются процессуальные и материально-правовые особенности разрешения арбитражными судами корпоративных споров о признании недействительными крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Анализируются косвенный характер иска участника, распределение бремени доказывания, законные презумпции и порядок исчисления срока исковой давности. На материале определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ 2018–2026 гг. показано смещение акцента с формального стоимостного критерия крупной сделки на оценку роли актива в деятельности общества и расширение категории фактической аффилированности. Предлагаются изменения в разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и в корпоративное законодательство.

Ключевые слова: *корпоративный спор, крупная сделка, сделка с заинтересованностью, косвенный иск, обычная хозяйственная деятельность, бремя доказывания, фактическая аффилированность, исковая давность.*

Институты крупных сделок и сделок с заинтересованностью относятся к самым конфликтным в российском корпоративном праве. Их назначение понятно: участники общества должны иметь возможность влиять на решения, способные существенно изменить имущественное положение компании, а лица, контролирующие общество, не должны использовать его в собственных интересах. Однако каждый механизм корпоративного контроля создаёт и риск для оборота: контрагент, заключивший договор с обществом, может через год узнать, что сделка оспорена из-за внутреннего конфликта, о котором он не подозревал.

Реформа, проведённая Федеральным законом от 03.07.2016 № 343-ФЗ [6], заметно изменила баланс этих интересов. Законодатель ввёл качественный критерий крупной сделки, отказался от обязательного предварительного одобрения сделок с заинтересованностью, заменив его извещением, и связал возможность оспаривания с недобросовестностью контрагента. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 [8] закрепило подход, ориентированный прежде всего на стабильность оборота: сделка предполагается совершённой в пределах обычной хозяйственной деятельности, а доказывать обратное должен истец.

Практика последних лет показывает, что этот подход постепенно корректируется. В 2024 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ вынесла несколько определений, в которых акцент сместился в сторону защиты участников, прежде всего миноритарных; на эту тенденцию обращают внимание и исследователи, и практикующие юристы [20, с. 103–114; 25]. Цель статьи состоит в выявлении процессуальных и материально-правовых особенностей рассмотрения таких споров и в формулировании предложений по совершенствованию правоприменения.

1. Корпоративный характер спора и процессуальный статус истца

Спор о признании недействительной сделки, совершённой хозяйственным обществом, по иску его участника относится к корпоративным (п. 2 ч. 1 ст. 225.1 АПК РФ [2]). Из этой квалификации вытекают важные процессуальные последствия: дело рассматривается арбитражным судом независимо от субъектного состава, действует исключительная подсудность по месту нахождения общества (ч. 4.1 ст. 38 АПК РФ), а обязательный досудебный порядок не применяется (ч. 5 ст. 4 АПК РФ). Процессуальная форма разрешения корпоративных споров, как справедливо отмечается в литературе, определяется не только процессуальными, но и материально-правовыми особенностями корпоративных отношений [22, с. 2–6].

Вывод об отсутствии претензионного порядка Верховный Суд РФ распространил и на случай, когда иск об оспаривании крупной сделки предъявляет само общество: спор остаётся корпоративным независимо от того, обращается ли в суд участник или компания [9]. Позиция имеет практическое значение: в условиях корпоративного конфликта каждый месяц промедления увеличивает риск перепродажи спорного имущества добросовестному приобретателю.

Ключевая особенность рассматриваемых споров связана с природой иска участника. Участник, оспаривающий сделку общества, действует не в собственном интересе, а от имени общества (п. 1 ст. 65.2 ГК РФ [1]). Иск является косвенным: общество занимает положение материального истца, а участник выступает его процессуальным представителем особого рода. В процессуальной литературе обоснованно указывается на противоречия, которые возникают при таком представительстве, когда интересы общества в одном процессе выражают сразу несколько лиц с противоположными позициями [16, с. 23–28]. Развитие института косвенного иска в холдинговых структурах, где участник материнской компании защищает интересы дочерней, стало предметом самостоятельного диссертационного исследования [18].

Постановление № 27 делает из косвенного характера иска последовательные выводы: всё присуждённое взыскивается в пользу общества, отсутствие у истца статуса участника на момент совершения сделки не препятствует удовлетворению иска, а переход доли или акций не влияет на течение давности (п. 7) [8]. Истец обязан заблаговременно уведомить других участников о намерении обратиться в суд (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ), они вправе присоединиться к иску, а для предотвращения отчуждения спорного имущества суд может применить обеспечительные меры по ст. 225.6 АПК РФ.

Отказ в признании сделки недействительной не исчерпывает средства защиты. Согласно п. 8 Постановления № 27 он не препятствует предъявлению требования о взыскании убытков с директора, совершившего сделку во вред обществу, или требования об исключении участника, голосовавшего за такую сделку. Если контрагент защищён от оспаривания, ответственность переносится на лиц, причинивших вред внутри корпорации; в частности, выход единоличного исполнительного органа за пределы полномочий порождает самостоятельные последствия для самого директора [24, с. 30–33].

2. Предмет доказывания по спорам о крупных сделках

Для признания крупной сделки недействительной по ст. 173.1 ГК РФ, ст. 46 Закона об ООО [4] и ст. 79 Закона об АО [3] истец должен доказать, что сделка является крупной, согласие на неё не было получено и другая сторона знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах (п. 18 Постановления № 27). Такая сделка является оспоримой, что предопределяет специальный круг лиц, вправе заявить иск, и годичный срок давности [21, с. 2–5]. Причинение ущерба обществу в предмет доказывания не входит: Верховный Суд РФ прямо указал, что вывод о необходимости доказывать ущерб основан на неверном толковании закона [10]. Именно здесь проходит главное различие между двумя исследуемыми институтами.

Наибольшие сложности вызывает квалификация сделки как крупной. Количественный критерий означает, что цена или балансовая стоимость имущества составляет 25 % и более балансовой стоимости активов общества. Качественный критерий означает выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, то есть прекращение деятельности общества, изменение её вида или существенное изменение масштабов (п. 8 ст. 46 Закона об ООО, п. 4 ст. 78 Закона об АО). Постановление № 27 требует одновременного наличия обоих критериев и устанавливает презумпцию совершения сделки в пределах обычной деятельности, опровергать которую должен истец (п. 9). Для миноритарного участника, не имеющего доступа к документам общества, эта презумпция нередко оказывается труднопреодолимой.

В 2024 г. Верховный Суд РФ в нескольких делах скорректировал подход нижестоящих судов. В деле о выкупе акций у акционера, голосовавшего против одобрения поручительств и залогов на сумму около 20 млрд руб. при балансовой стоимости активов около 2 млрд руб., Коллегия указала, что столь значительное превышение стоимостного порога позволяет предполагать выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности [11]. Фактически кратное превышение количественного критерия переносит на общество бремя доказывания «обычности» сделки.

В деле об отчуждении товарных знаков и промышленных образцов нижестоящие суды отказали в иске, поскольку балансовая стоимость прав не достигала 25 % активов. Верховный Суд РФ отменил эти акты, указав, что значимость сделок для деятельности общества важнее формального сопоставления балансовых показателей: без

отчуждённых прав производство было невозможно [12]. Наконец, в деле о внесении в уставный капитал другой компании помещений готового к запуску фитнес-центра Коллегия прямо назвала качественный критерий приоритетным и признала, что утрата имущества, позволявшего вести самостоятельный вид деятельности, может свидетельствовать о крупности сделки [14].

Изложенные определения не отменяют п. 9 Постановления № 27 формально, но существенно меняют его применение. Можно констатировать формирование трёх правил: кратное превышение стоимостного порога создаёт фактическую презумпцию выхода за пределы обычной деятельности; качественный критерий оценивается с учётом роли актива, а не только его балансовой стоимости; при оценке последствий учитываются и будущие риски, например обеспечение, сопоставимое с активами общества. Как отмечает Н. Ш. Гусейнов, эволюция критериев крупной сделки влечёт изменение подходов к доказыванию и создаёт новые риски для участников оборота [20, с. 103–114].

Существенное значение имеет доказывание осведомлённости контрагента. Пункт 18 Постановления № 27 устанавливает её презумпцию, если контрагент или лицо, его контролирующее, является участником или членом органов общества; в остальных случаях третьи лица могут полагаться на сведения ЕГРЮЛ. Однако в деле о фитнес-центре Верховный Суд РФ допустил установление осведомлённости через фактическую аффилированность директора и контрагента, а также через фигуру конечного выгодоприобретателя, возложив на аффилированное лицо обязанность раскрыть экономические мотивы сделки [14].

3. Особенности доказывания по спорам о сделках с заинтересованностью

Недействительность сделки с заинтересованностью определяется через п. 2 ст. 174 ГК РФ с учётом ст. 45 Закона об ООО и ст. 84 Закона об АО (п. 1 Постановления № 27). Истец должен доказать, что сделка совершена в ущерб интересам общества и что другая сторона знала или заведомо должна была знать о заинтересованности и (или) об отсутствии согласия. Само по себе отсутствие согласия основанием недействительности не является (п. 6 ст. 45 Закона об ООО), а заинтересованность оценивается на момент совершения сделки (п. 22 Постановления № 27). Круг лиц, вправе оспорить такую сделку, и проблемы его определения на практике подробно исследованы О. В. Нарайкиным [23, с. 42–47].

Центральное место в предмете доказывания занимает ущерб. Закон облегчает положение истца презумпцией: ущерб предполагается, пока не доказано иное, если согласие на сделку не было получено и истцу не была предоставлена информация о ней по его требованию (п. 6 ст. 45 Закона об ООО). Пленум дополнительно ограничил действие презумпции: она применяется, лишь если контрагент знал или заведомо должен был знать о заинтересованности и отсутствии согласия (п. 27 Постановления № 27).

Такая конструкция ставит защиту участника в зависимость от его собственной активности. Презумпция работает, только если участник до совершения сделки потребовал информацию и не получил её. Но воспользоваться этим правом он может лишь тогда, когда знает о готовящейся сделке, то есть когда общество выполнило обязанность по извещению (п. 3 ст. 45 Закона об ООО). Если общество участников не известило, буквальное толкование закона приводит к парадоксу: нарушение обществом более важной обязанности не облегчает, а затрудняет положение истца. Представляется, что неизвещение участников должно быть приравнено к непредоставлению информации по требованию и влечь применение презумпции ущерба.

Отчасти эту проблему решает практика по фактической аффилированности. В деле, где участник с долей 25 % оспаривал договор аренды помещения, заключённый обществом с организацией, связанной с его генеральным директором, нижестоящие суды отказали в иске, сочтя арендную плату рыночной. Верховный Суд РФ отменил их акты, указав, что недобросовестность контрагента предполагается при его аффилированности с директором, причём аффилированность может быть фактической; при оценке ущерба учитываются и сопутствующие условия договора (символическая плата в 1 000 руб. в первые месяцы, асимметричные санкции), а при последующей передаче имущества третьему лицу на иных условиях ответчики должны объяснить экономический смысл разницы [13].

Тем самым бремя доказывания фактически перераспределено: истец представляет доказательства, порождающие разумные сомнения в «чистоте» сделки, после чего бремя опровержения переходит на сторону, лучше осведомлённую о её обстоятельствах. Если же сделка не может быть квалифицирована как сделка с заинтересованностью, она тем не менее может быть признана недействительной по п. 2 ст. 174 ГК РФ при сговоре представителя с контрагентом или явном ущербе (п. 21 Постановления № 27; п. 93 Постановления Пленума ВС РФ № 25 [7]), а суд не связан правовой квалификацией, предложенной истцом (п. 9 Постановления № 25).

4. Исковая давность

К требованиям о недействительности рассматриваемых сделок применяется годичный срок исковой давности (п. 2 ст. 181 ГК РФ), причём пропущенный срок восстановлению не подлежит (п. 6 ст. 45 Закона об ООО). Поскольку иск предъявляется от имени общества, срок по общему правилу исчисляется с момента, когда о нарушении узнал или должен был узнать директор; если директор действовал в сговоре с контрагентом, начало срока связывается с осведомлённостью нового директора или участника, предъявившего иск (п. 2 Постановления № 27). Участник, кроме того, предполагается осведомлённым о сделке не позднее даты годового общего

собрания по итогам года её совершения (п. 3 Постановления № 27). Особенности исчисления давности по косвенным искам детально проанализированы А. Ю. Глазуновым [19, с. 136–166].

Механическое применение презумпции годового собрания в условиях корпоративного конфликта может привести к несправедливому результату. Показательно дело об отчуждении товарных знаков: суды сочли срок пропущенным, тогда как Верховный Суд РФ указал, что нахождение истца под стражей должно учитываться при определении момента, когда он должен был узнать о нарушении [12].

Особый случай представляет оспаривание сделок общества, находящегося в банкротстве. Управляющий вправе использовать как специальные основания Закона о банкротстве [5], так и основания, предусмотренные ГК РФ. По сведениям о позиции Верховного Суда РФ в определении от 18.03.2026 № 302-ЭС21–25062 (6), специальное правило о начале давности с момента осведомлённости управляющего относится только к банкротным основаниям, а при оспаривании по нормам ГК РФ применяется общий порядок [15]. Полагаем, что эта логика распространяется и на корпоративные основания: управляющий, избравший их, принимает на себя и связанные с ними правила о давности.

5. Проблемы правоприменения и предложения

Первая проблема связана с расхождением между текстом п. 9 Постановления № 27 и практикой Коллегии по экономическим спорам 2024 г. Нижестоящие суды продолжают отказывать в исках при недостижении стоимостного порога, после чего их акты отменяются. Предлагается дополнить разъяснения Пленума положением о том, что превышение стоимостного порога в два и более раза создаёт опровержимую презумпцию выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности, а при отчуждении нематериальных и иных профильных активов суд оценивает их значение для бизнеса независимо от балансовой стоимости.

Вторая проблема заключается в пробеле регулирования презумпции ущерба по сделкам с заинтересованностью. Целесообразно дополнить п. 6 ст. 45 Закона об ООО и ст. 84 Закона об АО указанием на то, что ущерб предполагается и в случае, если общество не исполнило обязанность по извещению участников о сделке.

Третья проблема касается информационной асимметрии по косвенным искам: общество нередко фактически контролируется ответчиком. Предлагается закрепить обязанность общества и его единоличного исполнительного органа по требованию суда раскрывать документы о сделке с последствием в виде признания обстоятельств доказанными при уклонении. Одновременно следует учитывать и обратный риск злоупотреблений со стороны миноритариев, использующих корпоративные иски как средство давления [17, с. 42–45]; поэтому перераспределение бремени доказывания должно оставаться опровержимым.

Заключение

Споры об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью отличаются рядом процессуальных особенностей, вытекающих из их корпоративного характера: исключительной подсудностью, отсутствием обязательного претензионного порядка, косвенным характером иска участника, специальными правилами о присоединении других участников и об обеспечительных мерах. Материально-правовые особенности проявляются в разном предмете доказывания: для крупной сделки ущерб не требуется, а для сделки с заинтересованностью он является центральным элементом.

Практика Верховного Суда РФ последних лет демонстрирует смещение акцентов: от формального стоимостного критерия к оценке реальной роли актива, от презумпции добросовестности контрагента к учёту фактической аффилированности, от жёсткого исчисления давности к учёту индивидуальных обстоятельств истца. Эти изменения усиливают защиту участников, но требуют нормативного закрепления, без которого практика нижестоящих судов остаётся противоречивой.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 1.
4. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
5. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении ко-

торых имеется заинтересованность: федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочная правовая система. — URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 03.11.2026).
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. — 2015. — 30 июня.
8. Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 // Российская газета. — 2018. — 6 июля.
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 02.04.2018 № 305-ЭС17–17083. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.07.2021 № 302-ЭС21–2989 по делу № А74–9516/2019. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.07.2024 № 308-ЭС24–2859 по делу № А63–20262/2022. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.08.2024 № 305-ЭС24–8216 по делу № А41–62370/2021. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 307-ЭС23–29560 по делу № А56–33796/2022. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.09.2024 № 308-ЭС24–3124 по делу № А53–16963/2022. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.03.2026 № 302-ЭС21–25062 (6) по делу № А33–20970/2019. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 03.11.2026).
16. Аргунов, В. В. Диспозитивность, право быть выслушанным и законное представительство в суде: «корпоративный» парадокс / В. В. Аргунов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 1. — С. 23–28.
17. Байрамова, Я. Ф. Миноритарный активизм в современном корпоративном праве / Я. Ф. Байрамова // Юрист. — 2025. — № 3. — С. 42–45.
18. Виленский, Н. М. Двойные (множественные) косвенные иски участников корпораций как способ защиты интересов компаний в холдинговых структурах: дис. … канд. юрид. наук: 5.1.3 / Виленский Никита Михайлович; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. — Москва, 2026.
19. Глазунов, А. Ю. Исковая давность по косвенным искам участников и директоров хозяйственных обществ / А. Ю. Глазунов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2021. — № 6. — С. 136–166.
20. Гусейнов, Н. Ш. Эволюция критериев крупной сделки корпорации в практике Верховного Суда РФ: новые подходы к доказыванию и их последствия / Н. Ш. Гусейнов // Хозяйство и право. — 2025. — № 12. — С. 103–114.
21. Левушкин, А. Н. Ничтожные и оспоримые сделки: природа, проблемы правоприменения и совершенствование правового регулирования / А. Н. Левушкин // Гражданское право. — 2025. — № 2. — С. 2–5.
22. Михайлова, Е. В. Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты / Е. В. Михайлова // Администратор суда. — 2024. — № 4. — С. 2–6.
23. Нарайкин, О. В. Субъектный состав оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: правоприменительный аспект / О. В. Нарайкин // Юридический мир. — 2024. — № 2. — С. 42–47.
24. Седгарян, К. А. Последствия выхода за пределы полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / К. А. Седгарян // Гражданское право. — 2024. — № 1. — С. 30–33.
25. Струшко, В. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: последние тенденции в судебной практике / В. Струшко // ЭЖ-Юрист. — 2024. — № 31 (1331).

Пределы применения статей 10 и 168 Гражданского кодекса РФ при оспаривании сделок должника в деле о банкротстве

Соломатин Владислав Олегович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается соотношение специального основания оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и общегражданского основания по ст. 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. Анализируется сформированный судебной практикой критерий разграничения этих оснований и делается вывод о том, что его содержание не раскрыто, а граница между основаниями определяется судебным усмотрением.

Ключевые слова: *банкротство, оспаривание сделок должника, подозрительная сделка, злоупотребление правом, ничтожная сделка, период подозрительности.*

Оспаривание сделок должника в делах о банкротстве является одним из основных правовых механизмов восстановления конкурсной массы и обеспечения соразмерного удовлетворения требований кредиторов. Согласно данным отчетов арбитражных управляющих, обобщенных на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в 2025 году было рассмотрено 21 722 заявления о признании сделок недействительными, из которых удовлетворено 8 860 [11]. Исходя из этого, доля удовлетворенных заявлений составила 40,8 %. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что выбор основания недействительности и оценка перспектив оспаривания имеют большое значение в практической деятельности арбитражных управляющих.

На практике при оспаривании сделок арбитражный управляющий сталкивается с выбором надлежащего правового основания. Законодательство допускает оспаривание сделок по специальным основаниям, предусмотренным главой III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) [2], а также по общим основаниям по совокупности статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1]. Сделка, совершенная во вред кредиторам, может быть квалифицирована и как подозрительная по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, и как ничтожная вследствие злоупотребления правом по вышеуказанным статьям ГК РФ. При этом указанные основания имеют схожие признаки, но различаются по срокам оспаривания и предмету доказывания. Правоприменительная практика допускает применение ст. 10 и 168 ГК РФ лишь при наличии у сделки пороков, выходящих за пределы подозрительной сделки, однако содержание этого критерия не раскрыто ни в законодательстве, ни в разъяснениях высших судебных инстанций.

В связи с этим в рамках настоящей статьи предлагается проанализировать, как в судебной практике и научной доктрине разграничиваются специальные и общегражданские основания оспаривания сделок должника, и предложить способ устранения выявленной неопределенности.

Как отмечалось ранее, в соответствии с п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве сделки, совершенные должником или другими лицами за счет должника, могут быть признаны недействительными в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве. Данное положение также конкретизировано в разъяснениях Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. Согласно п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» (далее — Постановление № 63), наличие специальных оснований само по себе не препятствует квалификации сделки, совершенной со злоупотреблением правом, как ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ [6].

Закон о банкротстве предусматривает специальные основания для оспаривания трех видов сделок должника:

— подозрительная сделка при неравноценном встречном исполнении (п. 1 ст. 61.2);

— подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2);

— сделка, влекущая оказание предпочтения одному из кредиторов (ст. 61.3).

При рассмотрении вопроса о соотношении общегражданских и специальных оснований значение имеет именно второе из вышеперечисленных. Только подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, связана с недобросовестным поведением участников, что соответствует и злоупотреблению правом.

Основание, предусмотренное п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, применяется к сделкам, совершенным в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом или после его принятия. Для признания сделки недействительной необходимо установить цель причинения вреда имущественным правам кредиторов, фактическое причинение такого вреда и осведомленность другой стороны сделки об указанной цели (п. 5 Постановления № 63). При этом задачу заявителя при доказывании облегчает наличие опровержимых презумпций. Например, цель причинения вреда предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества, и при этом сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица. Аналогичным образом предполагается осведомленность другой стороны сделки, если такое лицо является, в частности, родственником должника или иным заинтересованным лицом. Такая сделка является оспоримой, и в соответствии с п. 2 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности составляет один год и исчисляется с момента, когда арбитражный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания (п. 1 ст. 61.9 Закона о банкротстве).

Общегражданское основание складывается из совокупности двух норм ГК РФ. Статья 10 ГК РФ устанавливает запрет на заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, при этом сама по себе она не дает оснований для признания сделки недействительной. Недействительность сделки следует из ст. 168 ГК РФ, поскольку в соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского

кодекса Российской Федерации» сделка, нарушающая запрет злоупотребления правом, может быть признана недействительной по п. 1 или п. 2 ст. 168 ГК РФ [3]. Если она посягает на права третьих лиц, в том числе кредиторов, она является ничтожной. Периода подозрительности для данного основания закон не устанавливает. Срок исковой давности по данной категории сделок составляет три года с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о начале ее исполнения, но не более десяти лет со дня начала исполнения. Таким образом, данное основание позволяет оспорить более давние сделки, чем это возможно по специальному основанию. При этом процесс доказывания для заявителя в данном случае значительно сложнее. На основании п. 5 ст. 10 ГК РФ априори предполагается добросовестность участников гражданских правоотношений, а все бремя доказывания лежит на заявителе. Основные различия вышеуказанных правовых механизмов представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Условия оспаривания сделки, совершенной во вред кредиторам**

Условие	п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве	ст. 10 и 168 Гражданского кодекса РФ
Период совершения сделки	не ранее трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом	не ограничен
Срок исковой давности	один год	три года, но не более десяти лет со дня начала исполнения
Вид недействительности	оспоримая сделка	ничтожная сделка
Доказывание	облегчено для заявителя опровержимыми презумпциями	в полном объеме

Исходя из вышеизложенного, одна и та же сделка, совершенная во вред кредиторам, может подпадать под оба основания. При этом общегражданское основание позволяет обойти ограничения, установленные специальным основанием, а именно оспорить сделку, совершенную за пределами трехлетнего периода, и преодолеть пропуск годичного срока исковой давности. Тем самым в правоприменительной практике возникает вопрос, насколько допустимо обращаться к общегражданским нормам для оспаривания сделки.

Такая ситуация, когда к одним и тем же обстоятельствам могут быть применены и общая, и специальная норма, представляет собой конкуренцию этих норм [9, с. 56]. Закон о банкротстве не содержит указаний, каким образом сферы применения данных норм следует разграничивать. В связи с этим критерии разграничения вырабатывались постепенно в ходе судебной практики Высшим Арбитражным Судом РФ и Верховным Судом РФ.

Как уже ранее указано, отправной точкой для выработки критериев стало вышеупомянутое Постановление № 63, согласно которому наличие специальных оснований само по себе не препятствует квалификации сделки как ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ. В 2014 году сфера применения общих норм была ограничена Постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 2014 года № 10044/11 [7]. При рассмотрении спора было указано, что применение общих норм возможно, если «речь идет о сделках с пороками, выходящими за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок». В данном деле конкурсный управляющий пропустил годичный срок исковой давности по сделке с предпочтением и пытался обойти его, ссылаясь на ничтожность сделки. Президиум расценил эти действия как обход правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам и признал их недопустимыми. Далее этот подход также стал применяться и Судебной коллегией по экономическим спорам ВС РФ. В определении СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2016 года № 304-ЭС15–20061 коллегия признала применение ст. 10 и 168 ГК РФ ошибочным. Должник незадолго до возбуждения дела о банкротстве продал аффилированному обществу недвижимость, оборудование и технику по заниженной цене, находясь в состоянии неплатежеспособности. Суды трех инстанций признали сделки недействительными одновременно и по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, и по ст. 10 и 168 ГК РФ. Коллегия указала, что конкурсный управляющий ссылался лишь на обстоятельства, образующие состав п. 2 ст. 61.2, «не приводя при этом доводов о наличии у спорных сделок пороков, выходящих за пределы дефектов сделок с предпочтением или подозрительных сделок», в связи с чем основания для применения статей ГК РФ отсутствуют [4]. В определении от 29 января 2020 года № 308-ЭС19–18779(1,2) данная позиция была более конкретизирована. Согласно определению, должник совершил отчуждение недвижимости родственникам по заниженной цене за пределами трехлетнего периода подозрительности. Кредитор требовал взыскать с финансового управляющего убытки за то, что тот не оспорил эти сделки по ст. 10 и 168 ГК РФ. Коллегия указала, что в данных сделках отсутствуют нарушения, выходящие за пределы диспозиции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а значит данные обстоятельства не выходят за рамки специального состава [5]. Следовательно, общегражданское основание не позволяет продлить период подозрительности. Таким образом, попытки разграничения общегражданских и специальных оснований были предприняты в ходе судебной практики, а не в процессе законотворчества. Однако в судебных

актах не раскрывается, какие именно обстоятельства совершения сделок следует считать выходящими за рамки специальных оснований.

В научной доктрине предпринимались попытки найти ответ на данный вопрос. Большая часть ученых-цивилистов придерживается принципа приоритета специальной нормы перед общей (lex specialis derogat generali). Так, по мнению А. Г. Карапетова, применение ст. 10 и 168 ГК РФ должно носить «резервный и субсидиарный характер», а оспаривание сделки в деле о банкротстве по этим нормам по тем же основаниям причинения вреда кредиторам, которые предусмотрены ст. 61.2 Закона о банкротстве, согласно судебной практике не допускается [10, с. 513, 520]. Также в научной среде имеются сомнения по вопросу возможности такого разграничения. В частности, В. Е. Бирклей полагает, что «каких-либо четких критериев их разграничения выделить нельзя», поскольку норма о недопустимости злоупотребления правом, являясь общей клаузулой, «заведомо включает в себя содержание специальной нормы о подозрительных сделках» [8, с. 231]. Он предлагает судам на практике оценивать каждый случай в отдельности и ориентироваться на «вопиющее несоответствие сделки нормам морали и справедливости». Таким образом, приоритет специального основания был выработан в ходе судебной практики, что приводит к тому, что каждый отдельный случай определяется по усмотрению суда. Как показывают рассмотренные дела, нижестоящие суды и Верховный Суд РФ при сходных обстоятельствах приходят к противоположным выводам, что свидетельствует о неоднородности правоприменительной практики и требует законодательного решения.

С точки зрения теории законодатель может решить данный вопрос двумя путями. Первый состоит в том, чтобы закрепить в законе перечень критериев или обстоятельств, которые дадут четкое понимание того, что является выходящим за пределы подозрительных сделок. Однако такой перечень неизбежно окажется неполным или будет требовать расширительного толкования, что в конечном итоге опять приведет к результату, зависящему от судебного усмотрения. Второй путь предполагает устранение самой причины, по которой заявители обращаются к общегражданским нормам. Основной причиной этого является невозможность оспорить по специальным основаниям сделку, совершенную за пределами трехлетнего периода подозрительности или с пропуском годичного срока исковой давности. Данный путь кажется наиболее предпочтительным, хотя также имеет свои слабые стороны.

Его реализация на практике может выглядеть следующим образом. В первую очередь, следует в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве увеличить период подозрительности до пяти лет для сделок с заинтересованными лицами. Пятилетний срок позволит охватить типичные случаи сделок с заинтересованными лицами. Например, из вышеуказанного определения от 29 января 2020 года следует, что все сделки были совершены в период от трех лет восьми месяцев до пяти лет трех месяцев до возбуждения дела о банкротстве. В случае введения пятилетнего срока подозрительности большая часть этих сделок была бы оспорена управляющим по специальным основаниям. При этом данный срок вдвое меньше десятилетнего предельного срока, установленного п. 1 ст. 181 ГК РФ, что не нарушает стабильность гражданского оборота. Также следует дополнить ст. 61.1 Закона о банкротстве пунктом: «Сделка должника не может быть признана недействительной в деле о банкротстве на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации по мотиву причинения вреда имущественным правам кредиторов. Такая сделка может быть оспорена только по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом. Иные основания недействительности сделок, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации, включая статью 170, применяются в общем порядке». Данный пункт избавит судей от необходимости проводить разграничение между общегражданскими и специальными нормами, поскольку основным фактором будет цель оспаривания сделки. Если она оспаривается в деле о банкротстве по причине причинения вреда кредиторам, то в таком случае применяются специальные основания. Такое положение также устранит неопределенность в отношении управляющего, с которого могут быть взысканы убытки как при оспаривании, так и при отказе от оспаривания сделки [9, с. 63]. При этом оба вышеуказанных изменения следует рассматривать в связке, поскольку продление периода подозрительности без исключения ст. 10 и 168 ГК РФ сохраняет возможность обхода специальных оснований. Обратная взаимосвязь работает так, что исключение общегражданских норм без продления периода подозрительности лишило бы кредиторов защиты от заблаговременного вывода имущества заинтересованным лицам.

Как уже было отмечено, данное предложение также не лишено слабых сторон. Во-первых, сделка, причинившая вред кредиторам, но не подпадающая под ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, останется неоспоримой. Однако для таких случаев сохраняются ст. 170 и п. 2 ст. 174 ГК РФ, а также внеконкурсное оспаривание до возбуждения дела о банкротстве, и кредитор, не воспользовавшийся ими своевременно, несет риск собственного промедления [7]. Во-вторых, изменения ухудшают положение контрагентов должника, поэтому они должны применяться только к сделкам и заявлениям, совершенным и поданным после вступления в силу.

Проведенное исследование показывает, что существующая в настоящее время неопределенность в вопросе пределов применения статей 10 и 168 ГК РФ при оспаривании сделок должника в деле о банкротстве затрагивает всех участников процесса. Представляется, что вопрос давно назрел для законодательного решения. Предложенный в статье вариант может стать одним из возможных путей его решения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Российская газета. 1994. № 238–239.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 4 августа 2026 г.) // Российская газета. 2002. № 209–210.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 апреля 2016 г. № 304-ЭС15–20061 по делу № А46–12910/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. № 308-ЭС19–18779(1,2) по делу № А53–38570/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» (ред. от 17 декабря 2024 г.) // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 10044/11 по делу № А32–26991/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Бирклей В. Е. Граница между специальными и общими основаниями оспаривания сделок в банкротстве: вопросы теории // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 223–234.
9. Васильева А. Соотношение общегражданских и банкротных оснований недействительности сделок: суды в поисках баланса // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 2 (64). С. 54–64.
10. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
11. Банкротство в России: статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2025 года // Единый федеральный реестр сведений о банкротстве: [сайт]. URL: https://bankrot.fedresurs.ru/ (дата обращения: 09.09.2026).

Трансформация презумпции добросовестности налогоплательщика в контексте статьи 54.1 НК РФ и института налоговой реконструкции

Сосламбеков Майрбек Бесланович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена трансформации презумпции добросовестности налогоплательщика в контексте статьи 54.1 НК РФ и института налоговой реконструкции. Актуальность исследования обусловлена тем, что внедрение статьи 54.1 Налогового кодекса РФ существенно изменило баланс интересов между государством и бизнесом, фактически переложив бремя доказывания правомерности сделок на проверяемые компании. В этих условиях доктрина налоговой реконструкции становится ключевым механизмом защиты бизнеса, позволяющим определять реальный размер налоговых обязательств и не допускать избыточного взыскания. Однако отсутствие единообразной судебной практики и четких законодательных критериев применения данного правового механизма создает правовую неопределенность, требующую глубокого теоретического осмысления и выработки сбалансированных подходов.

Ключевые слова: *налоговая реконструкция, презумпция добросовестности, налогоплательщик.*

The transformation of the presumption of a taxpayer's good faith in the context of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation and the concept of tax reconstruction

This article examines the transformation of the presumption of a taxpayer's good faith within the context of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation and the concept of «tax reconstruction». The relevance of this study stems from the fact that the introduction of Article 54.1 has significantly altered the balance of interests between the state and the business sector, effectively shifting the burden of proving the legitimacy of transactions onto the companies under audit. Under these circumstances, the doctrine of tax reconstruction emerges as a key mechanism for protecting businesses, enabling the determination of the actual amount of tax liabil-

ities and preventing excessive tax collection. However, the absence of consistent judicial practice and clear legislative criteria for applying this legal mechanism creates legal uncertainty, which necessitates in-depth theoretical analysis and the development of balanced approaches.

Keywords: *tax reconstruction, presumption of good faith, taxpayer.*

Презумпция добросовестности налогоплательщика выступает одним из фундаментальных начал налогового права, однако в современных реалиях ее содержание претерпело существенную трансформацию под влиянием статьи 54.1 Налогового кодекса РФ и развития института налоговой реконструкции. Исторически данная презумпция, закрепленная в правовых позициях Конституционного Суда РФ и пункте 7 статьи 3 НК РФ [1], предполагала, что действия налогоплательщика изначально считаются экономически оправданными и законными, пока налоговый орган не докажет обратное. Однако введение в действие статьи 54.1 НК РФ изменило баланс интересов, сместив акцент с субъективного критерия «добросовестности» на объективные критерии правомерности поведения участника оборота.

Статья 54.1 НК РФ закрепила пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов. Для правомерного уменьшения налоговой базы необходимо одновременное соблюдение двух условий (п. 2 ст. 54.1 НК РФ):

— Основной целью совершения сделки (операции) не является неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога.

— Обязательство по сделке исполнено лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, либо лицом, которому обязательство по исполнению операции передано по договору или закону. При этом не допускается уменьшение налоговой базы и (или) суммы налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни или об объектах налогообложения (п. 1 ст. 54.1 НК РФ).

В этих условиях презумпция добросовестности перестает быть «абсолютным щитом». Если налоговый орган доказывает, что сделка была исполнена не заявленным контрагентом (например, «технической» компанией), презумпция добросовестности налогоплательщика опровергается. Налогоплательщик в таком случае сталкивается с необходимостью доказывания проявления им должной осмотрительности (коммерческой осмотрительности) при выборе партнера, что фактически перелагает на него бремя доказывания своей чистоты в гражданском обороте.

В контексте опровержения презумпции добросовестности ключевое значение приобретает вопрос о налоговой реконструкции — то есть определении реального размера налогового обязательства исходя из подлинного экономического содержания операции. Долгое время в правоприменительной практике существовал жесткий подход, выраженный в Письме ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4–7/3060@) [2], согласно которому умышленное вовлечение в оборот «технических» компаний полностью лишало налогоплательщика права как на вычеты по НДС, так и на учет расходов по налогу на прибыль. Это фактически превращало налоговое доначисление в карательную меру, несоразмерную реальному экономическому результату.

Однако эволюция судебной практики, ознаменованная вынесением Определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, в частности по делу «Кузбассконсервмолоко» [3], вернула налоговую реконструкцию в русло системного толкования принципа добросовестности. Верховный Суд РФ указал, что отказ в праве на учет расходов и вычетов не может служить самостоятельным наказанием. Если налогоплательщик раскрывает параметры реальной сделки и лицо, фактически исполнившее обязательство, налоговые органы обязаны рассчитать налоги так, как если бы сделка была оформлена надлежащим образом.

Более того, современная судебная практика допускает расчетную налоговую реконструкцию по налогу на прибыль даже в ситуациях, когда реальный исполнитель не установлен, но сам факт несения расходов и их рыночная стоимость не оспариваются государством. Это напрямую вытекает из принципа экономического основания налога (п. 3 ст. 3 НК РФ). В то же время в отношении НДС подход остается более строгим: без раскрытия реального исполнителя или параметров «прозрачного» правомерного входа налога в бюджет реконструкция по НДС признается судами невозможной.

Таким образом, презумпция добросовестности в свете статьи 54.1 НК РФ трансформировалась из абстрактного правового идеала в стандарт проверяемого правомерного поведения. Институт налоговой реконструкции сегодня выступает необходимым правовым противовесом материальным запретам статьи 54.1 НК РФ. Он обеспечивает соблюдение баланса между пресечением злоупотреблений со стороны недобросовестных налогоплательщиков и защитой их базового права на обложение только действительного экономического профита, не допуская превращения налогового контроля в инструмент избыточного подавления экономической активности.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3824.

2. Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4–7/3060@) «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352052/ (дата обращения: 31.10.2026).
3. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 04.05.2018 № 304-КГ18–4128 по делу № А27–17479/2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.consultant.ru/law/podborki/ooo_kuzbasskonservmoloko/ (дата обращения: 31.10.2026).

Приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность признания, соблюдения и защиты как принцип государственной службы: современные научно-цифровые аспекты

Старухина Дарья Никитична, студент
Научный руководитель: Приймак Елена Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается, как принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина, закреплённый в законодательстве о государственной службе, действует в условиях цифровизации публичного управления. Названы основные риски (непрозрачность алгоритмов, уязвимость персональных данных, цифровое неравенство, размывание ответственности) и предложены меры, которые приблизят практику к требованиям принципа.

Ключевые слова: *государственная служба, права и свободы человека и гражданина, принципы государственной службы, цифровая трансформация, персональные данные, доступ к информации, ответственность государственного служащего.*

Принципы государственной службы нередко воспринимают как декларативный пролог закона, не влияющий на повседневную работу ведомств. Применительно к приоритету прав и свобод человека и гражданина такой взгляд неверен: именно этот принцип отвечает на вопрос, ради чего существует аппарат управления и по какому критерию оценивается его работа. Цифровизация придала вопросу новую остроту: раньше спорное решение принимало конкретное должностное лицо, теперь заявление подаётся через портал, а часть операций выполняется автоматически. Цель статьи — выяснить, как содержание принципа соотносится с практикой цифрового управления и что он требует от государственного служащего сегодня.

Конституционной основой принципа служат статьи 2 и 18 Конституции: права и свободы человека — высшая ценность, их признание, соблюдение и защита — обязанность государства, а сами права действуют непосредственно и определяют смысл и применение законов и деятельность органов власти. Государство действует через людей, поэтому законодатель перенёс эту формулу в отраслевые акты. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» называет среди принципов приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность признания, соблюдения и защиты (ст. 3) [7], а Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» воспроизводит его среди принципов гражданской службы (ст. 4) [5].

Формула содержит три элемента. Приоритет означает, что при столкновении интересов ведомства и права личности преимущество имеет право, а не удобство управления. Непосредственное действие означает, что служащий не вправе отказать человеку лишь потому, что норма не получила развёрнутого регламента. Обязательность признания, соблюдения и защиты предполагает не отрицать право, не нарушать его самому и принимать меры, когда его нарушает другой; последнее превращает служащего из исполнителя в гаранта. Подкрепляется это ответственностью: статья 53 Конституции гарантирует возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями или бездействием должностных лиц, а статья 46 открывает путь к судебной защите.

В литературе цифровую трансформацию описывают как смену самой модели публичного управления [3]. Прежде гарантией служили личный приём и мотивированное решение за подписью должностного лица; теперь эту функцию должны выполнять понятный интерфейс, возможность проверить основание решения и резервный канал связи с живым человеком. Служащий становится оператором данных, но обязанность гарантировать права остаётся за ним.

Первая группа проблем связана с прозрачностью. Автоматизированная система способна безупречно исполнить процедуру и всё же нарушить право, например, отсеять заявителей по критерию, который закон не называет, но который заложен в данных, на которых система обучена. Показательна статья 16 Федерального закона от 27 июля

2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»: она запрещает принимать решения, порождающие юридические последствия для субъекта, исключительно на основании автоматизированной обработки его данных, за исключениями, которые прямо предусмотрены законом [6]. Отсюда вывод: в цифровом государстве нужен человек, способный объяснить решение и при необходимости его пересмотреть.

Вторая группа проблем касается информации. Обжаловать решение нельзя, не зная, кто и на каком основании его принял. Конституция гарантирует право свободно искать и получать информацию (ч. 4 ст. 29), а доступ к сведениям о деятельности государственных органов регулирует Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ. Такой доступ рассматривают как условие реализации других прав и средство общественного контроля [1]. Но размещение сведений на сайте не равно обеспечению доступа: их должно быть можно найти, понять и использовать в споре. Для служащего это означает обязанность позаботиться, чтобы гражданин реально узнал об основаниях касающегося его решения.

Третья группа проблем — персональные данные. Конституция запрещает собирать, хранить и использовать сведения о частной жизни без согласия лица (ч. 1 ст. 24), а государственные органы накапливают огромные массивы таких сведений, что создаёт риски утечек и расширения целей использования. Принцип обязательности защиты прав означает, что служащий обязан соблюдать конфиденциальность, собирать только необходимое, хранить данные не дольше, чем нужно для услуги, и не использовать их вне служебных обязанностей. В литературе отмечается, что классическое право на неприкосновенность частной жизни приобретает здесь новые измерения, а спор о выделении цифровых прав в отдельную группу продолжается [2].

Четвёртая группа проблем — цифровое неравенство. Юридически граждане равны (ст. 19 Конституции), однако человек без стабильного интернета или цифровых навыков получает на практике меньше возможностей обратиться к власти. Принцип приоритета прав требует сохранять очный приём и бумажную форму обращения. Пятая проблема — размывание ответственности: когда решение складывается из действий разработчика, оператора данных и служащего, пострадавшему трудно определить, к кому предъявлять претензию. Однако ссылка на технический сбой не освобождает орган власти от обязанности восстановить нарушенное право (ст. 53 Конституции).

Какие меры представляются разумными? Во-первых, закрепить право гражданина потребовать, чтобы автоматизированное решение пересмотрел человек, и определить служащего, ответственного за итоговый результат. Во-вторых, оценивать влияние крупных цифровых проектов на права граждан до их запуска. В-третьих, сохранять офлайн-каналы взаимодействия. В-четвёртых, обучать служащих правам человека в цифровой среде и правилам обращения с данными. Эти предложения не требуют новых принципов: они лишь доводят действующий принцип до рабочего состояния.

Приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность признания, соблюдения и защиты остаются центральным принципом государственной службы и в цифровую эпоху. Технологии не ослабляют его, но повышают цену ошибки: нарушение, совершённое алгоритмом, масштабируется быстрее и замечается позже, чем нарушение одного служащего. Поэтому качество цифрового государства определяется не удобством портала, а тем, остаются ли решения власти понятными, проверяемыми и соразмерными и готов ли служащий нести ответственность за результат, даже если решение готовила технология.

Литература:

1. Алексеева, М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях / М. В. Алексеева // Современное общество и право. — 2012. — № 3 (8). — С. 29–36. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17941484 (дата обращения: 08.11.2026).
2. Алексеева, М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ / М. В. Алексеева, Ю. И. Исакова // Конституционное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 27–30. — URL: https://lawinfo.ru/articles/9882/konstitucionnye-aspekty-cifrovyx-prav-v-epoxu-cifrovizacii-yuridiceskii-i-prakticeskii-analiz (дата обращения: 08.11.2026).
3. Алексеева, М. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства / М. В. Алексеева, С. В. Рыбак // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 2. — С. 16–23. — URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82500354 (дата обращения: 08.11.2026).
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 08.11.2026).
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 09.11.2026).
6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 09.11.2026).
7. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_42413/ (дата обращения: 08.11.2026).

Национальная платежная система: правовые основы функционирования и обеспечение платежного суверенитета

Стафеев Владимир Александрович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Ключевые слова: национальная платежная система, платежный суверенитет, финансовое право, Банк России, система быстрых платежей, цифровой рубль, санкции.

Введение

Платежная система давно перестала быть технической «обвязкой» экономики. Если перестает работать перевод денег, задерживаются зарплаты, пенсии и пособия, срываются расчеты между предприятиями и бюджетом. Поэтому в современной доктрине платежную инфраструктуру рассматривают не просто как сеть договорных связей между банками и клиентами, а как объект публично-правовой защиты, тесно связанный с финансовым и государственным суверенитетом [12].

Для России этот тезис не абстрактен. Ограничительные меры 2014 и особенно 2022 года, отключение ряда банков от SWIFT и приостановление работы международных платежных систем показали, что зависимость от иностранной инфраструктуры способна обернуться уязвимостью всей расчетной системы. Цель статьи — рассмотреть правовые основы функционирования национальной платежной системы (далее — НПС) и средства обеспечения платежного суверенитета.

1. Конституционные и законодательные основы НПС

Фундамент регулирования заложен в Конституции Российской Федерации. Финансовое, валютное и кредитное регулирование, денежная эмиссия и федеральные банки отнесены к ведению Российской Федерации, а статья 75 закрепляет рубль в качестве денежной единицы и возлагает на Банк России защиту и обеспечение устойчивости рубля [1]. Отсюда следует, что организация денежного обращения и расчетов не относится к сфере свободного рыночного усмотрения: государство сохраняет здесь стратегические полномочия, причем Банк России осуществляет свою основную функцию независимо от других органов власти.

Центральное место в системе источников занимает Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». Закон определяет НПС как совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денег), банковских платежных агентов, платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи, операторов платежных систем и операторов услуг платежной инфраструктуры [2]. Иначе говоря, законодатель описал НПС не через технологию, а через круг субъектов, и это принципиально: каждый участник обязан соблюдать единые требования к надежности, прозрачности и безопасности расчетов.

Закон не исчерпывает правового режима. Он дополняется Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», на основании которого Банк России осуществляет надзор и наблюдение в НПС, и нормативными актами самого регулятора. Банк России сочетает несколько ролей: он одновременно регулятор, надзорный орган и оператор собственной платежной системы. Неслучайно межотраслевой характер регулирования НПС, где переплетаются нормы финансового, банковского, гражданского и информационного права, признается в литературе его главной особенностью [13].

2. Эволюция регулирования и принципы функционирования

Регулирование НПС прошло несколько этапов: от норм Гражданского кодекса и банковских правил к специальному закону 2011 года, впервые давшему единые понятия и основы надзора. Каждое существенное изменение было ответом на конкретный вызов: рост электронных денег, развитие платежных карт, а затем внешнее санкционное давление [6] Поправки 2014 года привели к созданию Национальной системы платежных карт и обязали обрабатывать внутрироссийские операции по картам международных систем через национальную инфраструктуру.

Не менее важен вопрос о принципах, поскольку именно они задают направление развития правовых норм и ориентир для правоприменения. Регулирование платежных систем строится на сочетании свободы участников с публичными требованиями: бесперебойность, равный доступ к инфраструктуре, защита прав клиентов, прозрачность правил и контроль рисков. В литературе обоснованно указывается, что четко сформулированные принципы сами по себе снижают правовой риск функционирования платежных систем, поскольку позволяют участникам предвидеть последствия своих действий и действий регулятора [10].

3. Платежный суверенитет: содержание и признаки

Под платежным суверенитетом можно понимать способность государства самостоятельно и бесперебойно обеспечивать платежи и расчеты внутри страны и в трансграничных отношениях независимо от решений иностранных государств, международных организаций

и частных транснациональных операторов. Показательно, что законодательство такого понятия не знает: ни Закон о НПС, ни иные акты не раскрывают, каким критериям должна отвечать система, чтобы считаться достаточно самостоятельной. Наука пытается восполнить пробел, предлагая подходы к оценке платежного суверенитета государства, и это означает постепенный переход категории из публицистической плоскости в практическую.

На мой взгляд, в содержании платежного суверенитета следует выделять четыре взаимосвязанных признака. Первый — нормативный: государство само устанавливает правила работы платежной инфраструктуры. Второй — инфраструктурный: в стране есть национальные платежные системы и каналы обмена сообщениями, способные заменить иностранные. Третий — технологический: используемое программное и аппаратное обеспечение не создает критической зависимости от недружественных поставщиков. Четвертый — трансграничный: сохраняется возможность проводить расчеты с партнерами в обход заблокированных каналов. Отсутствие любого из элементов делает суверенитет неполным [9].

Практика подтверждает такой подход. Российские платежные системы в условиях санкций выработали собственные методы сопротивления внешним ограничениям, а основу устойчивости составила ранее созданная национальная инфраструктура. Суверенитет проверяется не декларациями, а способностью системы продолжать работу при отключении внешних каналов: именно этот критерий имеет решающее значение для граждан, бизнеса и бюджета. Платежный суверенитет невозможно обеспечить задним числом: он формируется заблаговременно и прежде всего правовыми средствами.

4. Национальная платежная инфраструктура и цифровой рубль

Ядром национальной инфраструктуры стали платежная система «Мир», Система быстрых платежей (СБП) и Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС). Система «Мир», созданная Национальной системой платежных карт, начала работу в 2015 году и получила статус национально значимой платежной системы. После весны 2022 года, когда международные системы приостановили деятельность в России, карты «Мир» стали основным инструментом безналичных расчетов для значительной части населения [8].

СБП, запущенная в 2019 году, позволяет в круглосуточном режиме переводить рубли между счетами в разных банках по номеру телефона получателя. Ее правовая особенность в том, что сервис создан и управляется Банком России как оператором платежной системы и расчетным центром, и это придает ему публично-правовой характер [14]. СПФС, созданная еще в 2014 году, служит альтернативой SWIFT для передачи финансовых сообщений как внутри страны, так и с иностранными участниками; стратегические ориентиры ее развития Банк России определил в документе «Основные направления развития национальной платежной системы на 2025–2027 годы».

Особое место занимает цифровой рубль. Федеральными законами от 24.07.2023 № 339-ФЗ и № 340-ФЗ он введен в правовое поле как третья форма российской национальной валюты наряду с наличной и безналичной, а оператором его платформы является Банк России. Решение расширяет возможности контроля над расчетами. Отдельное измерение суверенитета — безопасность: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» делает технологическую независимость финансовой сферы юридическим требованием, а не пожеланием.

Заключение

Правовые основы НПС образуют многоуровневую систему: конституционные положения, Закон о НПС, акты Банка России и специальные законы о цифровом рубле и безопасности дополняют друг друга. Правовая природа цифрового рубля и объем прав его владельцев остаются предметом научной дискуссии, в том числе в работах Т. Э. Рождественской и А. Г. Гузнова. Платежный суверенитет остается доктринальной категорией, не закрепленной в законодательстве. Этот пробел целесообразно устранить, включив в Закон о НПС определение платежного суверенитета, принципы его обеспечения и критерии оценки независимости инфраструктуры, а меры по его защите следует соразмерять с правами участников рынка и клиентов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.11.2026).
2. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 09.04.2026).
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 10.06.2026).
4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (в действующей редакции).
5. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (цифровой рубль): Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ.

6. Абдуллаева З. Ю. История становления и развития правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 5. С. 11–20.
7. Банк России. Основные направления развития национальной платежной системы на 2025–2027 годы. М., 2024. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170680/onrnps_2025–27.pdf
8. Донецкова О. Ю., Иванова И. А. Направления развития платежной системы «Мир» // Сибирская финансовая школа. 2022. № 4. С. 52–60.
9. Зеленева Е. С., Ризванова И. А. Оценка платежного суверенитета государства // Финансы: теория и практика. 2026. Т. 30, № 1. С. 54–65.
10. Ларионова Е. С. Принципы регулирования платежных систем как инструмент снижения правового риска их функционирования // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2 (135). С. 90–102.
11. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1 (158). С. 48–55.
12. Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность: монография / отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: Норма: Инфра-М, 2024. 344 с.
13. Хоменко Е. Г. Финансово-правовое регулирование создания и функционирования национальной платежной системы России: монография. М.: Проспект, 2022. 256 с.
14. Шмелева О. Г., Лобачев М. С. Особенности системы быстрых платежей Российской Федерации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7, № 1 (13). С. 115–119.

Ответственность управляющих организаций за ненадлежащее содержание многоквартирных домов

Сушкова Виктория Игоревна, студент;
Затулинсккая Виктория Игоревна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Исследуются основания ответственности управляющих организаций за ненадлежащее содержание общего имущества. На примерах судебной практики раскрываются пределы обязанностей при необходимости капитального ремонта. Обосновывается значение предупредительных мер и документирования устранения дефектов.

Ключевые слова: *управляющая организация, многоквартирный дом, общее имущество многоквартирного дома, возмещение убытков, капитальный ремонт, лицензионные требования.*

Ненадлежащее содержание общего имущества многоквартирного дома представляет собой одну из актуальных проблем жилищных правоотношений, поскольку может повлечь причинение имущественного ущерба собственникам помещений. Особое значение приобретает вопрос об определении оснований и пределов ответственности управляющей организации, в том числе в случаях, когда возникновение повреждений связано с необходимостью проведения капитального ремонта. В связи с этим целью настоящей статьи является выявление правовых критериев привлечения управляющих организаций к ответственности с учетом характера нарушенных обязанностей, причин возникновения повреждений и наступивших последствий.

Правовую основу составляет часть 2.3 статьи 161 Жилищного кодекса РФ: управляющая организация отвечает перед собственниками за услуги и работы, обеспечивающие надлежащее содержание общего имущества [1, ст. 161]. Пункт 42 Правил, утвержденных постановлением Правительства РФ № 491, связывает эту ответственность с законом и договором [2, п. 42]. Поэтому содержание договора не исчерпывает обязанности исполнителя. Отсутствие отдельной работы в согласованном перечне само по себе не позволяет игнорировать обязательные требования безопасности.

Содержание общего имущества предполагает предупреждение повреждений. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» [2]. (далее — Правила № 491) предусматривает осмотры и подготовку дома к сезонной эксплуатации управляющими организациями независимо от организационно-правовой их формы.

Пункт 7 Минимального перечня, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 «О

минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» (вместе с «Правилами оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме» (далее постановление Правительства

№ 290, требует проверять кровлю и незамедлительно устранять нарушения, приводящие к протечкам [3, п. 11; 3, п. 7]. Поэтому следует оценивать, могла ли организация своевременно обнаружить дефект, даже если жалобы жильцов еще не поступали.

Основным средством восстановления имущественного положения собственника выступает возмещение убытков. При нарушении обязательств применяются статьи 15 и 393 ГК РФ. Потерпевшему необходимо обосновать ущерб, его размер и причинную связь с ненадлежащим исполнением обязанности. Для предпринимателя действует правило пункта 3 статьи 401 ГК РФ: отсутствие денег и нарушение обязательств контрагентами сами по себе не признаются непреодолимой силой [4, ст. 15, 393, 401]. Вместе с тем управляющая организация вправе доказывать, что повреждение возникло по иной причине, например, вследствие самовольного вмешательства собственника в оборудование.

В качестве примера следует рассмотреть определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. № 48-КГ18–22. Квартира пострадала от протечки кровли, а управляющая организация ссылалась на необходимость капитального ремонта и отсутствие соответствующего решения собственников. Верховный Суд оставил решение первой инстанции, указав на неисполнение обязанностей по текущему содержанию: необходимость капитального ремонта не устраняет обязанности поддерживать общее имущество в надлежащем состоянии до его проведения [6]. Значение позиции состоит в разграничении двух вопросов: кто финансирует капитальное восстановление крыши, и кто обязан своевременно предотвращать протечки.

Из этого решения не следует обязанность управляющей организации оплачивать любой капитальный ремонт за свой счет. Следует установить, какие меры она должна была принять с учетом технического состояния объекта: устранить локальные повреждения, организовать неотложные работы, сообщить о необходимости капитального вмешательства. Одного уведомления собственников недостаточно, если не выполнен обязательный минимум содержания.

Более детальное разграничение ответственности проведено в определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21 января 2026 г. № 88–367/2026. По делу о повторных заливах квартиры суд сохранил распределение ущерба между управляющей организацией и региональным фондом капитального ремонта. Управляющая организация отвечала за период до начала ремонтных работ, фонд — за повреждения в период их проведения. Заключение фондом договора подряда само по себе не освобождало управляющую организацию: до фактического начала работ она продолжала отвечать за содержание кровли [7]. Таким образом, определяющими стали обстоятельства возникновения ущерба и период нарушения, а не формальное наличие договора с подрядчиком.

Оба дела показывают, что ссылка на капитальный ремонт требует проверки конкретных нарушений. Разделение ответственности по периодам в рассмотренном деле не означает универсального освобождения управляющей организации от всех обязанностей с момента начала ремонта.

Дополнительные гарантии получает гражданин, использующий услуги для личных нужд. Закон РФ «О защите прав потребителей» предусматривает компенсацию морального вреда, а при наличии предусмотренных законом условий — штраф за неудовлетворение требований добровольно. По общему правилу его размер составляет 50 процентов от суммы, присужденной в пользу потребителя [5, ст. 13, 15].

Следует обратить внимание на тот факт, что с 1 февраля 2026 г. действует пункт 7 статьи 13, устанавливающий исключения, в том числе при виновном воспрепятствовании со стороны потребителя и неисполнении из-за нарушения контрагентом обязанностей, необходимых для исполнения обязательства перед потребителем. Последнее основание не применяется при недобросовестном или неразумном выборе контрагента. Поэтому освобождение от потребительского штрафа и освобождение от возмещения ущерба необходимо оценивать раздельно: специальные условия не взыскания штрафа не отменяют основного обязательства [5, ст. 13].

Практическая трудность состоит в доказывании причины повреждений. Акты осмотра, зарегистрированные обращения, фотографии, показания свидетелей, показания специалистов и экспертные заключения позволяют восстановить последовательность событий. В деле № 88–367/2026 суд учитывал документы о протечках и обращения жильцов, подтверждавшие возникновение повреждений до капитального ремонта [7]. Собственнику важно фиксировать сообщения о неисправности; организации — результаты осмотров и выполнение работ. Эти документы позволяют проверить своевременность принятых мер.

Наряду с гражданской одновременно может применяться административная ответственность. Нарушения лицензионных требований при предпринимательском управлении домами охватываются частью 2 статьи 14.1.3 КоАП РФ, грубые нарушения — частью 3. Статья 7.22 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение правил содержания и ремонта жилья; выбор нормы зависит от субъекта и признаков состава [8, ст. 7.22, 14.1.3]. Административный штраф поступает в бюджет. Поэтому обращение в орган жилищного надзора не заменяет требования собственника о возмещении ущерба.

Повысить эффективность ответственности, по нашему мнению, позволит более последовательная фиксация перехода от выявления дефекта к его устранению. В документах управления целесообразно отражать дату обна-

ружения неисправности, необходимые временные меры, срок выполнения работ и результат повторного осмотра. При капитальном ремонте следует отдельно фиксировать фактическое начало работ и состояние конструкций перед их выполнением. Это предложение развивает действующие требования об осмотрах и технической документации [2, п. 13–14, 24], позволяя установить, чье нарушение вызвало конкретное повреждение.

Таким образом, ответственность управляющей организации определяется содержанием обязанностей и связью нарушения с ущербом. Необходимость капитального ремонта не оправдывает неисполнение текущих работ, но и не позволяет возложить на организацию последствия действий всех участников ремонта. Установление причины и периода нарушения обеспечивает обоснованное возмещение ущерба и стимулирует предупреждение аварий.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.
2. Постановление Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 34. Ст. 3680.
3. Постановление Правительства РФ от 03.04.2013 № 290 «О минимальном перечне услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и порядке их оказания и выполнения» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1704.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.11.2018 № 48-КГ18–22 // ГАРАНТ. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72011946/ (дата обращения: 10.11.2026).
7. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2026 № 88–367/2026 по делу № 2–640/2024 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/349280965/ (дата обращения: 10.11.2026).
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

Пределы организационно-распорядительных полномочий председателя суда как условие независимости судей при рассмотрении дел с участием органов публичной власти

Титова Елизавета Анатольевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья посвящена проблеме обеспечения независимости судей при осуществлении председателем суда организационно-распорядительных полномочий, в том числе по делам с участием органов публичной власти. На основе анализа законодательства, судебной и дисциплинарной практики рассматриваются вопросы правомерности использования председателем суда таких полномочий и их влияния на осуществление судьями своих полномочий. Обоснованы предложения о дополнении ст. 6.2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» требованием документальной фиксации изменений параметров распределения дел и письменного обоснования изменения специализации, служебной нагрузки или распределения обязанностей судьи. Предложено также уточнить порядок проверки жалоб судей квалификационными коллегиями и усовершенствовать порядок оформления и проверки полноты учета устных внепроцессуальных обращений, поступающих председателю суда. Сделан вывод, что совершенствование гарантий независимости судей в части организации судебной деятельности позволяет исключить предпосылки влияния на состав суда и условия рассмотрения публично-правовых споров.

Ключевые слова: *независимость судей, председатель суда, организационно-распорядительные полномочия, автоматизированное распределение дел, внепроцессуальные обращения, дела с участием органов публичной власти, судейская этика.*

Независимость судей традиционно рассматривается как конституционная основа правосудия и необходимое условие разрешения споров между гражданами, организациями и органами публичной власти. В делах

с участием государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц особое значение приобретает не только формальный запрет вмешательства в судебную деятельность, но и реальная способность судьи самостоятельно оценивать доказательства, устанавливать обстоятельства дела и принимать решение без неформального давления.

Конституционно-правовую основу исследуемого вопроса образует ст. 120 Конституции РФ, закрепляющая принцип независимости судей и их подчинение исключительно Конституции РФ и федеральному закону [1]. Данное требование конкретизировано в ст. 9 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации», предусматривающей, что независимость судьи обеспечивается предусмотренной законом процедурой осуществления правосудия, запретом чьего бы то ни было вмешательства в деятельность по осуществлению правосудия, неприкосновенностью судьи, а также иными гарантиями [2].

Председатель суда наряду с осуществлением полномочий судьи организует работу суда, устанавливает правила внутреннего распорядка, осуществляет общее руководство деятельностью аппарата суда и реализует иные организационные полномочия. Однако закон не предоставляет председателю суда права определять содержание судебного решения, давать обязательные указания относительно оценки доказательств или изменять установленный процессуальным законодательством порядок формирования состава суда в интересах отдельных участников судебного разбирательства.

Согласно п. 3 ст. 12 Кодекса судейской этики председатель суда при осуществлении организационно-распорядительных полномочий не вправе допускать действия или бездействие, ограничивающие независимость судей, оказывать на них давление, а также использовать иные методы административного воздействия, имеющие целью повлиять на деятельность судей по отправлению правосудия [3]. Следовательно, организация судебной деятельности и вмешательство в осуществление правосудия должны разграничиваться.

Особое значение в системе гарантий приобретает автоматизированное распределение дел. Статья 28 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ч. 1 ст. 18 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и ч. 1 ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривают формирование состава суда с учетом нагрузки и специализации судей посредством автоматизированной информационной системы, а при невозможности ее использования допускают иной порядок, исключающий влияние заинтересованных лиц [4; 5; 6]. Автоматизированное распределение следует рассматривать не как содержание независимости, а как процессуальную гарантию ее обеспечения: оно действует до разрешения дела и препятствует выбору конкретного судьи заинтересованным субъектом.

Вместе с тем председатель суда и уполномоченные работники аппарата могут влиять на результаты автоматизированного распределения посредством изменения установленных параметров отбора: периода учета нагрузки, состава судей, участвующих в распределении, специализации и иных настроек информационной системы, в связи с чем гарантии независимости судей должны охватывать не только итоговое распределение дела, но и порядок изменения параметров, определяющих формирование состава суда.

Анализ дисциплинарной и судебной практики позволяет выделить несколько типичных форм неправомерного использования организационно-распорядительных полномочий.

Первая форма — необоснованное ограничение распределения дел отдельному судье и неравномерное определение служебной нагрузки. Решением Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 25.05.2023 № ДК23–43 установлено, что при исполнении обязанностей председателя Десятого арбитражного апелляционного суда одному из судей не распределялось ни одной апелляционной жалобы для рассмотрения в качестве судьи-докладчика, хотя средняя нагрузка на судью в этом суде составляла 789,7 дела в 2020 г. и 891,7 дела в 2021 г. [7].

Вторая форма — манипулирование параметрами автоматизированного распределения дел. Апелляционным определением Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 по делу № 66а-371/2025 подтверждено, что в 2023 г. и январе–феврале 2024 г. неоднократно изменялись параметры автоматизированного распределения уголовных дел в ГАС «Правосудие», включая показатели судебной нагрузки, период ее учета с 30 до 91 дня и состав судей, участвовавших в распределении. Документально подтвержденные основания для соответствующих изменений отсутствовали. Суд указал, что распределение дел осуществлялось путем неоднократных манипуляций сотрудниками суда с устанавливаемыми модулем параметрами. Кроме того, после критики порядка распределения дел председатель суда без объективной организационной необходимости изменил специализацию судьи, сообщившей о нарушениях [8]. Данный пример показывает, что автоматизированная система сама по себе не гарантирует независимость, если отсутствуют контроль за изменением ее параметров и документальная фиксация оснований таких изменений.

Третья форма — внепроцессуальное общение председателя суда с лицами, заинтересованными в исходе дела. Решением Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 19.05.2025 № ДК25–26 установлены факты внепроцессуального общения председателя Солнцевского районного суда г. Москвы с участниками уголовного и гражданского судопроизводства, а также с лицами, заинтересованными в разрешении споров в арбитражном суде. Предметом контактов выступали вопросы возможного содействия в прекращении уголовного дела и получении определенного судебного решения по арбитражному спору [9]. Дисциплинарная коллегия разграничила дисциплинарную ответственность и установление винов-

ности в совершении преступления, однако признала совокупность нарушений достаточной для прекращения полномочий председателя суда.

Официальные сведения органов судейского сообщества также свидетельствуют о необходимости контроля за соблюдением требований к судебной деятельности. Согласно постановлению № 1 Конференции судей Нижегородской области от 06.03.2025, за 2021–2024 гг. квалификационной коллегией судей региона рассмотрено 4058 жалоб, из которых 375 признаны обоснованными [10]. При этом указанная статистика охватывает различные нарушения и не позволяет установить количество случаев неправомерного вмешательства председателей судов в распределение дел. Следовательно, статистические сведения пригодны для оценки общего масштаба дисциплинарных производств, однако не дают оснований для вывода о распространенности конкретного вида неправомерного воздействия.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее правовое регулирование ограничивается установлением общих гарантий невмешательства в судебную деятельность и не обеспечивает достаточной конкретизации требований к документированию организационных решений, влияющих на независимость судьи.

Для устранения выявленных недостатков предлагается дополнить п. 1 ст. 6.2 Закона РФ № 3132–1 положением следующего содержания: «Председатель суда обеспечивает соблюдение установленного процессуальным законодательством порядка автоматизированного распределения судебных дел, документальную фиксацию изменений параметров распределения, указание оснований их внесения и должностных лиц, осуществивших соответствующие изменения, а также сохранность сведений, необходимых для проверки соблюдения порядка формирования состава суда».

Кроме того, предлагается конкретизировать ст. 27 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей, закрепив обязанность комиссии квалификационной коллегии истребовать протоколы распределения, сведения об изменении параметров информационной системы, локальные распорядительные документы и данные о фактической судебной нагрузке, если эти материалы имеют значение для проверки изложенных в жалобе обстоятельств [11]. В заключении комиссии необходимо отражать результаты проверки соответствия произведенных изменений установленным правилам распределения и наличия объективных обстоятельств, послуживших основанием для соответствующих организационных решений.

Дополнительно следует совершенствовать порядок проверки полноты учета устных внепроцессуальных обращений, поступающих председателю суда по делам, находящимся в производстве других судей, и последующего размещения сведений о таких обращениях на официальном сайте суда. Реализация указанных мер позволит повысить проверяемость организационных решений и ограничить возможности неправомерного внутрисистемного воздействия на судей.

Проведенное исследование показывает, что независимость судей при рассмотрении дел с участием органов публичной власти обеспечивается не только запретом внешнего вмешательства, но и надлежащей организацией судебной деятельности. Организационно-распорядительные полномочия председателя суда являются необходимым элементом управления судом, однако их использование вне объективных организационных оснований способно создавать условия для влияния на процессуальную самостоятельность судьи.

Судебная практика подтверждает наличие нарушений, связанных с необоснованным ограничением распределения дел, изменением параметров автоматизированного распределения, немотивированным изменением специализации судьи после критики организации судебной деятельности и внепроцессуальным общением с заинтересованными лицами.

Предложенные изменения — дополнение ст. 6.2 Закона РФ № 3132–1 требованием о документальной фиксации изменений параметров автоматизированного распределения дел, конкретизация актов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, уточнение ст. 27 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей и совершенствование порядка учета устных внепроцессуальных обращений — направлены на обеспечение проверяемости организационных решений председателя суда и укрепление процессуальной самостоятельности судей при разрешении дел с участием органов публичной власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.
2. Закон РФ от 26.06.1992 № 3132–1 (ред. от 09.04.2026) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская юстиция. 1995. № 11.
3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (ред. от 01.12.2022) // Бюллетень актов по судебной системе. 2013. № 2.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 25.05.2023 № ДК23–43 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 26.03.2025 по делу № 66а-371/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 19.05.2025 № ДК25–26 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление № 1 Конференции судей Нижегородской области от 06.03.2025 // Совет судей Нижегородской области: официальный сайт. URL: https://niz.kc.www.ssrf.ru/konfierientsiia-sudiei/56484.
11. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. от 27.05.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

Передача государственных наград для хранения членами семьи погибшего награжденного: пробел правового регулирования и пути его преодоления

Торнопол Елизавета Романовна, студент магистратуры
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье исследуется правовой режим государственных наград умершего (погибшего) награжденного, которые в силу ст. 1185 Гражданского кодекса Российской Федерации не входят в состав наследства и передаются на хранение членам семьи и иным близким родственникам. Цель исследования — выявление пробелов нормативного регулирования передачи государственных наград на хранение и систематизация вырабатываемых судебной практикой подходов к их преодолению. Материалом исследования послужили споры о наградах погибших участников специальной военной операции. Установлено, что порядок очередности передачи наград между равными по статусу членами семьи нормативно не регламентирован, вследствие чего суды формируют конкурирующие подходы. Сформулированы предложения по восполнению пробела. Результаты исследования могут быть использованы в правотворческой деятельности, нотариальной практике и при формировании позиции сторон в спорах о наградах.

Ключевые слова: *государственные награды, наследование, хранение наград, ст. 1185 ГК РФ, члены семьи погибшего, участники специальной военной операции, правовой пробел, судебная практика.*

Transferring state awards of a deceased awardee to family members for safekeeping: a legal gap and ways to overcome it

Tornopol Elizaveta Romanovna, master's degree student
State University of Education (Moscow)

The article examines the legal regime of state awards of a deceased awardee, which, pursuant to Article 1185 of the Civil Code of the Russian Federation, do not form part of the inheritance estate and are transferred for safekeeping to family members and other close relatives. The purpose of the study is to identify gaps in the regulatory framework governing the transfer of state awards for safekeeping and to systematize the approaches developed by court practice to overcome them. The research material includes disputes over the awards of deceased participants of the special military operation. It is established that the order of priority for transferring awards between family members of equal status is not regulated by law; consequently, courts develop competing approaches. Proposals are formulated to fill the gap. The research results may be used in law-making activities, notarial practice, and in forming the position of parties in disputes over awards.

Keywords: *state awards, inheritance, safekeeping of awards, Article 1185 of the Civil Code, family members of the deceased, participants of the special military operation, legal gap, court practice.*

Правовой режим государственных наград умершего награжденного относится к числу малоизученных «стыковых» институтов гражданского права, соединяющих наследственное право с публично-правовым регулированием государственной наградной системы. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) есть одна, довольно лаконичная статья, посвященная данному вопросу, а именно 1185 [1]. Однако данная статья в значительной степени отсылает к другому нормативному правовому акту, а именно к Указу Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» [2] (далее — Указ Президента). По сути порядок наследования государственных наград, почётных и памятных

знаков зависит от того, распространяется ли на них законодательство о государственных наградах Российской Федерации или нет. В случае, если такие награды подпадают под действие указанного законодательства, они не включаются в состав наследства. Передача этих наград после смерти награжденного осуществляется в порядке, установленном законодательством о государственных наградах Российской Федерации, в частности, положениями, содержащимися в Указе Президента. Для более детального изучения данного вопроса необходимо обратиться к указанному нормативному правовому акту.

Государственные награды и документы к ним умерших награжденных лиц и лиц, награжденных посмертно, передаются (вручаются) для хранения детям, супруге (супругу), родителям или внукам, наследникам награжденного лица последующих очередей, определенным законодательством Российской Федерации (далее — члены семьи и иные близкие родственники). Членам семьи и иным близким родственникам лиц, награжденных государственными наградами СССР, но не получивших их своевременно в связи со смертью (гибелью) или в соответствии с действовавшим на момент награждения законодательством СССР, передаются (вручаются) удостоверения к соответствующим государственным наградам СССР для хранения как память [2].

Актуальность исследования обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, установленная нормами процедура не определяет очередность передачи награды, когда на нее одновременно претендуют несколько членов семьи (прежде всего супруга и родители награжденного). Во-вторых, начиная с 2022 г. в связи со значительным числом посмертных награждений участников специальной военной операции споры о принадлежности наград перешли из разряда единичных в разряд регулярных, что привело к формированию противоречивой судебной практики [3–8].

Степень научной разработанности темы следует оценить как недостаточную: в цивилистической доктрине наследование государственных наград рассматривается преимущественно фрагментарно в комментариях к ст. 1185 ГК РФ [11; 12], а комплексный анализ складывающейся судебной практики применительно к награжденным — участникам специальной военной операции в литературе практически отсутствует.

Цель исследования — выявление пробелов правового регулирования передачи государственных наград на хранение членам семьи умершего награжденного и систематизация подходов судебной практики к их преодолению. Задачи исследования: (1) определить нормативную модель передачи наград и ее дефекты; (2) проанализировать судебные акты 2024–2026 гг.; (3) систематизировать применяемые судами подходы; (4) сформулировать предложения по совершенствованию законодательства. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также метод анализа судебной практики.

Обзор дел о наградах погибших участников специальной военной операции показывает, что суды фактически выработали три подхода.

Первая линия — оценка «морального облика» хранителя. Старооскольский городской суд Белгородской области отказал вдове, брак с которой был заключен за три дня до направления погибшего к месту исполнения обязанностей военной службы, и признал право на хранение ордена Мужества за отцом погибшего, дополнительно обязав вдову передать отцу удостоверение к награде. Суд мотивировал решение отсутствием нормативной очередности («указание детей на первом месте не свидетельствует об их приоритете») и оценкой роли родителей в формировании личности награжденного [5]. Аналогичным образом Советский районный суд Ставропольского края оставил награды за матерью погибшего добровольца, сославшись на краткость брака, разлад семейных отношений, «нормы морали и нравственности», разумность и добросовестность [3].

Характерно, что за неимением достаточной нормативной базы суды обращаются даже к толковому словарю: в решении по делу № 2–654/2025 Советский районный суд Ставропольского края сослался на словарь русского языка С. И. Ожегова, определив память как «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, воспоминания о ком-то, о чем-то», а гордость — как «чувство удовлетворения от чего-то» [3]. Именно через лексическое значение этих слов суд обосновал право родственников хранить награду «в память о сыне» и «с чувством гордости».

Вторая линия — правило «первому обратившемуся». Октябрьский районный суд г. Мурманска признал правомерным вручение награды тому из равноправных членов семьи, кто первым заявил об этом в военный комиссариат [4]. Этот же подход прослеживается в Тюменском деле: орден Мужества был вручён матери погибшего, поскольку «связаться с его супругой не представилось возможным»; суды всех трёх инстанций сочли действия военкомата законными, а наличие конфликтных отношений между вдовой и матерью — не основанием для изъятия ордена [7]. Данный подход, нигде нормативно не закрепленный, фактически превращает регулирование в соревнование инициативы обращающихся и демонстрирует неопределенность и в применении п. 47 Указа № 1099 самими уполномоченными органами: военкоматы в рассмотренных материалах отказывали родителям со ссылкой на «преимущественное право супруги и детей», не основанное на законе. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции констатировал отсутствие нормативной очередности и сформулировал позицию о том, что супруга является законным хранителем награды, но не ее собственником, и не вправе препятствовать родителям награжденного в осуществлении права на память и гордость о нем [9].

Третья линия — сохранение фактического положения хранителя. Прохладненский районный суд Кабарди-

но-Балкарской Республики отказался изымать награду у лица, которому она была фактически вручена, исходя из стабильности сложившегося владения [6]. Четвёртый кассационный суд общей юрисдикции в споре матери и вдовы, состоявшей с погибшим в браке менее полугода, оставил орден Мужества у вдовы, отклонив довод о краткости брака: супруга погибшего признаётся членом его семьи в силу ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации [13] и п. 1 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» [14] независимо от длительности брака, а определение «графика» передачи награды (истец просила установить ежегодную передачу ордена вдовой матери на срок 30 календарных дней) не предусмотрено законом [10]. Ленинский районный суд г. Комсомольска-на-Амуре отказал дочери погибшего в иске к его вдове: медаль «За Отвагу» осталась у вдовы, а удостоверение к ней было вручено дочери; суд исходил из равенства прав членов семьи и разъяснил сторонам возможность заключения соглашения о порядке хранения награды, от которого истец отказалась [8].

Проведенный анализ позволяет систематизировать подходы судебной практики к определению хранителя государственной награды. Первый подход — оценка фактических семейных связей: суды учитывают длительность брака, характер отношений, участие в уходе за награжденным (дела № 2–936/2024, № 2–654/2025) [5; 3]. Второй подход — передача награды первому обратившемуся лицу: награда подлежит выдаче тому из управомоченных лиц, кто первым заявил о ее получении (дело № 2–1117/2025) [4]. Третий подход — сохранение фактического положения хранителя: награда остается у лица, у которого она фактически находится, а иные родственники сохраняют право на память (дела № 2–1722/2024, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции) [6; 9].

Эти подходы не иерархизированы и местами противоречат друг другу: доктрина «первого обратившегося» несовместима с оценкой фактических связей, а последняя — с формальным равенством членов семьи. Общей для всех подходов является конструкция «хранитель, не собственник»: ни супруга, ни родители не приобретают награду в собственность; право хранителя сочетается с неотчуждаемым личным правом других родственников на память о награжденном. Практика допускает и фактическое «разделение» наград между родственниками: в деле № 2–1722/2024 государственные награды остались у супруги, а ведомственные — у матери погибшего [6], что следует оценивать как вынужденное, но юридически неустойчивое решение, закрепляющее спорный статус-кво.

Итогом становится снижение предсказуемости правоприменения и возрастание нагрузки на суды по спорам, основанным на отсутствии нормы. Предложенная стороной договорная модель поочередного хранения не получила судебной поддержки по причине отсутствия нормативной основы, при том что суд иные механизмы урегулирования также не предложил [8; 10].

Вариантами восполнения пробела представляются: (1) закрепление в законодательстве о государственных наградах очередности хранителей (например, с приоритетом супруги, с которой умерший проживал совместно, и несовершеннолетних детей); (2) установление процедуры совместного хранения с фиксацией перечня лиц, имеющих право доступа; (3) допущение поочередного хранения по соглашению членов семьи с участием уполномоченного органа. Представляется, что третья модель в наибольшей степени соответствует природе награды как символа, право на память о котором принадлежит всем близким одновременно. Ограничением предложенных моделей является их непроверенность практикой: настоящее исследование констатирует пробел и систематизирует подходы, но не содержит эмпирических данных о том, какая из моделей минимизировала бы конфликтность.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Статья 1185 ГК РФ в совокупности с п. 47 Указа № 1099 [2] и п. 10 Инструкции № 96-рп [15] устанавливает изъятие государственных наград из наследственной массы и ограниченный круг хранителей, однако не определяет очередность передачи награды при конкуренции требований равных по статусу членов семьи.

2. Судебная практика 2024–2026 гг. компенсирует пробел тремя конкурирующими подходами (передача первому обратившемуся, оценка фактических семейных связей, сохранение фактического положения хранителя), единой основой которых выступает конструкция «хранитель, не собственник». Попытки договорного урегулирования (поочередное хранение) отклоняются судами по причине отсутствия нормативной основы.

3. Развитие законодательства о государственных наградах должно быть дополнено нормами об очередности либо процедуре совместного и поочередного хранения наград.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552. — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 05.11.2026).
2. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 07.09.2010 № 1099 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104589/ (дата обращения: 05.11.2026).

3. Решение Советского районного суда Ставропольского края от 12.10.2025 по делу № 2–654/2025 // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/BN6KNDsJclr1/ (дата обращения: 05.11.2026).
4. Решение Октябрьского районного суда г. Мурманска от 23.03.2025 по делу № 2–1117/2025 // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/kgaXa3oH20QJ/ (дата обращения: 05.11.2026).
5. Решение Старооскольского городского суда Белгородской области от 14.05.2024 по делу № 2–936/2024 // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/IBzvbQZBFk1m/ (дата обращения: 05.11.2026).
6. Решение Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 18.04.2025 по делу № 2–1722/2024 // Государственные суды: [сайт]. — URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-15ec15be-1269–53c7-a186-fbdd0e05b6ec/ (дата обращения: 05.11.2026).
7. Определение судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 03.07.2025 по делу № 8Г-7917/2025 (88–8834/2025) — Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/346590953/0 (дата обращения: 05.11.2026).
8. Решение Ленинского районного суда г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края от 21.07.2026 по делу № 2–690/2026 — Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/471450125/0 (дата обращения: 05.11.2026).
9. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.12.2024 № 88–24317/2024. — Текст: электронный // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=152692#2ITibaVI36FNFYH71 (дата обращения: 05.11.2026).
10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2025 по делу № 8Г-38050/2024 (88–1561/2025) — Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. — URL: https://arbitr.garant.ru/document/redirect/344647120/0 (дата обращения: 05.11.2026).
11. Крашенинников, П. В. Наследственное право (Комментарий законодательства) / П. В. Крашенинников. — Москва: Статут, 2020. — 400 с. — Текст: непосредственный.
12. Абраменков, М. С. Наследственное право: учебник для магистров / М. С. Абраменков, Б. М. Гонгало, П. В. Крашенинников; под общ. ред. П. В. Крашенинникова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2019. — 576 с. — Текст: непосредственный.
13. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
14. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.
15. Об утверждении Инструкции о порядке вручения орденов, медалей, знаков отличия, нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации: Распоряжение Президента Российской Федерации от 03.04.1997 № 96-рп (ред. от 12.01.2010) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 14. — Ст. 1617.

Комиссии по трудовым спорам в корпоративной среде

Трашкина Светлана Юрьевна, студент магистратуры;
Петрова Виктория Юрьевна, кандидат технических наук, доцент
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В данной статье авторы рассматривают способ разрешения индивидуального трудового спора посредством обращения в комиссию по трудовым спорам. Рассматриваются вопросы создания и функционирования данного органа, а также его значение.

Ключевые слова: *спор, трудовой спор, разрешение трудовых споров, трудовые права, защита прав, комиссия по трудовым спорам.*

Право на труд в Российской Федерации закреплено на законодательном уровне. В Конституции закреплено положение о том, что каждый имеет право на труд и может свободно распоряжаться своими способностями [1]. Сейчас современное общество практически невозможно представить без трудовых правоотношений, поскольку в том числе благодаря труду развивается общество.

Сторонами трудовых правоотношений являются- работодатель и работник. Часто между данными сторонами возникают конфликты, поскольку трудовые интересы не совпадают. Предмет разногласий, составляющих индивидуальный трудовой спор, невозможно определить исчерпывающим образом. В частности, трудовой спор возникает при оформлении трудовых отношений гра-

жданско-правовым договором [2]. Соответственно, работникам приходится отстаивать свои права.

Трудовые споры подразделяются на два вида-индивидуальные и коллективные. Далее в статье мы рассмотрим индивидуальные трудовые споры и способы их разрешения посредством обращения в Комиссию по трудовым спорам (далее — КТС).

Трудовой кодекс РФ закрепляет право работника на разрешение индивидуального трудового спора. В соответствии со статьей 381 Трудового Кодекса РФ индивидуальным трудовым спором признается-«неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров» [3].

О. В. Моцная пишет, что «возникновение трудового спора — явление не самостоятельное, для его непосредственного «возникновения» одна из участников конфликта, обладающая желанием его разрешить должна обратиться в орган, который наделен соответствующими юрисдикциями. Так, в частности, данный уполномоченный орган должен обладать правом разрешения возникшего между сторонами трудового спора» [4].

Изначально спор должен решаться между работником и работодателем по взаимному соглашению сторон. Урегулирование разногласий путем переговоров считается самым оптимальным способом разрешения индивидуального трудового спора, так как на этой стадии стороны могут найти решение, удовлетворяющее обе стороны. Переговоры могут проводиться самостоятельно работником или с участием уполномоченного им представителя [5]. Если же таким способом устранить разногласие не удалось, то стоит рассмотреть юрисдикционный порядок. При этом, в суд обратиться можно и без обращения в КТС, либо же в случае, если кто-то из сторон конфликта остался не согласен с решением КТС.

Индивидуальные трудовые споры могут быть разрешены в юрисдикционном порядке, то есть посредством обращения в суд или в КТС. Но не все работники готовы обращаться с иском в суд. На это есть несколько причин, например, зачастую разбирательство в суде требует привлечение юриста, как следствие- немалые финансовые расходы, за исключением случаев, когда можно обратиться к профсоюзным юристам. Помимо финансовых затрат, судебное разбирательство занимает много времени, работнику придется неоднократно посещать суд, поэтому часто споры сначала рассматривают в организации, это значительно сокращает сроки и механизм рассмотрения более проще по сравнению с судом. Работник сам оценивает обстоятельства дела и принимает решение куда ему обратиться- в суд или КТС.

Комиссии по трудовым спорам являются эффективным звеном в системе рассмотрения индивидуальных трудовых споров и некоторые авторы это отмечают, например, Слюсар А. Н. неоднократно в своих трудах затрагивал вопрос о необходимости и значимости такого юрисдикционного органа, как комиссия по трудовым спорам, подчеркивая важность их функционирования [6]. Деятельность КТС строится на общих принципах рассмотрения трудовых споров. Один из главных принципов — доступность обращения в органы, рассматривающие трудовые споры.

Свое начало КТС берут в далеком 1917 году. В этот период впервые начала формироваться система специализированных органов по разрешению трудовых конфликтов. В этом же году впервые появилась возможность обращения в КТС, но в основном акцент делался на урегулировании коллективных споров. Однако на законодательном уровне порядок рассмотрения именно индивидуальных споров был закреплен лишь в 1957 году в Положении о порядке рассмотрения трудовых споров.

Порядок создания и функционирования КТС определен в Трудовом Кодексе РФ. В соответствии со статьей 384 ТК РФ КТС образуется по инициативе работников (представительного органа работников) и (или) работодателя (организации, индивидуального предпринимателя) из равного числа представителей работников и работодателя. Работодатель и представительный орган работников, получившие предложение в письменной форме о создании комиссии по трудовым спорам, обязаны в десятидневный срок направить в комиссию своих представителей [3]. То есть для того, чтобы создать КТС достаточно лишь волеизъявления работников. Такое решение оформляется протоколом общего собрания работников. От имени работодателя также может поступить запрос на создание КТС. С таким требованием может выступить лицо, имеющее право приема и увольнения работников, либо профсоюз.

Срок для обращения в КТС составляет три месяца со дня, когда работник узнал или должен был узнать о том, что его права нарушены. Поэтому, по мнению Пашковой Г. Г., правом обращения в КТС наделен лишь работник, но не работодатель. Пропуск работником установленного для обращения в КТС срока не означает невозможности рассмотрения спора. Все зависит от причины пропуска срока и от оценки комиссией этого факта. В случае признания причины пропуска срока уважительной КТС вправе, восстановив его, рассмотреть спор по существу. Если КТС не признает причину пропуска срока уважительной и отказывает работнику в рассмотрении спора, он вправе обратиться в суд [7]. При этом перечень уважительным причин законодательно не закреплен. КТС в каждом конкретном случае принимает решение отказать работнику или же нет, в зависимости от конкретных обстоятельств.

После подачи работником заявления в КТС начинается процесс его рассмотрения. Заявление должно быть подано в письменной форме, необходимо четко изложить суть спора и требования. Какой-либо специальной

формы подачи заявления нет. Заявление должно быть зарегистрировано в КТС. КТС вправе разрешать иные индивидуальные трудовые споры, не попадающие в список, установленный ст. 391 ТК РФ.

Далее в течении 10 календарных дней комиссия обязана рассмотреть заявление. Данный процесс проходит в присутствии работника и представителя работодателя. Если же работник или его представитель не пришли на заседание, то рассмотрение спора откладывается. Если же и после того, как рассмотрение перенесли на другую дату, работник не явился, то вопрос могут снять с рассмотрения.

Заседание КТС, как правило, проходит в открытом режиме, если это не противоречит интересам государственной и иной охраняемой законом тайны. Стороны имеют право предоставить различные доказательства для того, чтобы обосновать свою позицию, приглашать свидетелей.

После рассмотрения спора КТС должна вынести решение. Ход работы КТС должен быть отражен в протоколе, которые в свою очередь подписывает председатель. Решение КТС должно быть законным и обоснованным. Законность этого решения означает, что члены КТС определили нормы права, направленные на регулирование возникших между работником и работодателем отношений, а также выделили из указанных норм юридически значимые обстоятельства [2]. Решение принимается тайным голосованием большинством голосов тех членов КТС, которые присутствуют. В решении должны быть указаны: наименование организации, фамилия, имя, отчество работника, дата обращения в КТС и дата принятия решения, существо спора, мотивы принятого решения, результаты голосования и содержание решения. Копии решения КТС вручаются работнику и работодателю в течение трех дней со дня его принятия.

Бывают случаи, когда кто-то из сторон- работник или работодатель недовольны решением КТС. В таком случае, они могут обжаловать решение в суд в течение 10 дней со дня вручения копии решения. Суд обладает уже более широкими полномочиями и в суде могут быть оспорены любые решения КТС.

Также бывают ситуации, когда добровольно решение КТС не исполняется и в таком случае, работнику выдается удостоверение. Данное удостоверение является исполнительным документом, на его основании судебный пристав приводит решение в исполнение в принудительном порядке.

В заключении хочется отметить, трудовые споры- это неизбежное явление в сфере трудовых отношений, благодаря эффективной системе разрешения удается минимизировать негативные последствия и грамотно обеспечить достойную защиту прав работников и работодателей. КТС является важным институтом досудебного урегулирования трудовых споров. Благодаря ей удается оперативно восстановить нарушенные права, снизить финансовую нагрузку работника.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Миронов, В. И. Трудовое право: учебник / В. И. Миронов. — 3-е изд. — Москва: Проспект, 2020. — 992 с
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683
4. Моцная О. В. Конфликт интересов как предпосылка возникновения трудового спора // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 87 -94.
5. Дегтярева, Д. А. Особенности рассмотрения индивидуальных трудовых споров: значение и эффективность комиссии по трудовым спорам в разрешении конфликтов / Д. А. Дегтярева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 27 (317). — С. 261–263. — URL: https://moluch.ru/archive/317/72417.
6. Слюсар А. Н. Общие принципы создания и функционирования комиссий по трудовым спорам // Проблемы законности. 2014. № 126. С. 92–99.
7. Пашкова Г. Г. Трудовое право: учеб. пособие. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. — 258 с.

Защита прав человека в цифровом обществе: правовой анализ

Трофимова Софья Алексеевна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматривается защита прав человека в условиях цифровизации общественных отношений и государственного управления. Анализируются право на информацию, неприкосновенность частной жизни, безопасность персональных данных и гарантии при использовании автоматизированных систем. Отдельное внимание уделяется противо-

речию между открытостью цифрового государства и необходимостью охраны частной информации. Обосновывается вывод о том, что цифровые технологии должны применяться в рамках понятных правовых процедур, обеспечивающих возможность обжалования решений и человеческий контроль.

Ключевые слова: *права человека, цифровое общество, цифровые права, информационное право, персональные данные, доступ к информации, цифровое государство, информационная безопасность.*

Protection of human rights in a digital society: a legal analysis

Trofimova Sofya Alekseevna, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines the protection of human rights in the context of the digitalization of social relations and public administration. It considers the right to information, privacy, personal data security and safeguards for the use of automated systems. Particular attention is paid to the tension between the openness of the digital state and the need to protect private information. The article argues that digital technologies should operate within clear legal procedures that ensure the possibility of appealing decisions and maintaining human oversight.

Keywords: *human rights, digital society, digital rights, information law, personal data, access to information, digital state, information security.*

Цифровая среда давно перестала быть отдельным пространством, в котором человек просто получает новости или общается. Через электронные сервисы он обращается в государственные органы, оформляет документы, получает сведения о себе, пользуется финансовыми и образовательными услугами. Многие привычные действия теперь оставляют цифровой след. Это удобно, но у такой повседневности есть правовая сторона: человек должен понимать, какие сведения о нём собираются, кто ими распоряжается и что можно сделать, если система допустила ошибку.

Защита прав человека в цифровом обществе поэтому становится одной из задач современного права. В центре внимания оказываются право на информацию, неприкосновенность частной жизни, безопасность персональных данных, равный доступ к электронным услугам и возможность оспорить решение, принятое с использованием цифровых инструментов. Исследования конституционных аспектов цифровых прав обращают внимание на необходимость рассматривать эти вопросы именно через призму правовых гарантий [1].

Цифровые права не существуют отдельно от общих прав и свобод. Скорее, в электронной среде меняются условия их осуществления. Право на обращение реализуется через портал, доступ к информации — через сайты и реестры, а получение государственной услуги может зависеть от корректности сведений в информационной системе. Если данные ошибочны или сервис недоступен, формально существующее право становится труднее реализовать. Здесь и проявляется практическое значение информационного права, которое изучает отношения, возникающие при создании, распространении, хранении и использовании информации [2].

Особое место занимает право на доступ к информации о деятельности государственных органов. Работы М. В. Алексеевой посвящены возможностям реализации этого права в российских условиях и обеспечению доступа к сведениям о работе органов власти [3; 4]. Из самой постановки данной проблемы следует важный для цифрового общества вопрос: достаточно ли разместить документ в интернете, чтобы считать право гражданина обеспеченным? Очевидно, нет. Информация должна быть актуальной, понятной и доступной для поиска. Если нужные сведения спрятаны среди многочисленных разделов, опубликованы в нечитаемом формате или давно не обновлялись, реальная возможность воспользоваться правом заметно снижается.

При этом открытость государственных органов имеет границы. Публичность деятельности власти не означает, что любые сведения могут свободно распространяться. Информация о частной жизни, персональные данные и иные охраняемые законом сведения требуют особого режима обращения. В противном случае раскрытие данных может стать источником нарушения прав. Поэтому правовая задача состоит в том, чтобы определить разумное соотношение общественного интереса к деятельности государства и права конкретного человека на частную жизнь.

В цифровой среде этот баланс становится особенно хрупким. Сведения о человеке могут собираться из разных источников, сопоставляться и использоваться для построения его цифрового профиля. Отдельная запись иногда кажется безобидной, но совокупность данных способна многое рассказать о привычках, перемещениях, интересах и личных обстоятельствах. Следовательно, значение имеет весь цикл работы с информацией: основания её сбора, цель обработки, круг лиц, имеющих доступ, срок хранения и порядок удаления или исправления. Правовые подходы к формированию безопасной информационной среды также позволяют рассматривать защиту человека

как условие устойчивого развития цифрового пространства [5].

Государственное управление постепенно меняется под влиянием цифровых технологий. Электронные реестры, межведомственный обмен и автоматизированные сервисы ускоряют обработку обращений, помогают отслеживать движение документов и сокращают число ситуаций, когда гражданину приходится лично посещать учреждение. Исследования трансформации государства и формирования модели цифрового государства показывают масштаб этих изменений [6; 7]. Но удобство сервиса ещё не говорит о том, что правовая процедура стала справедливее.

На практике возможны ситуации, когда электронная система не принимает заявление из-за технической ошибки, сведения в реестре расходятся с документами гражданина или автоматизированная проверка присваивает обращению высокий уровень риска. Для человека последствия вполне конкретны: задержка услуги, отказ, необходимость повторно собирать документы. В такой ситуации недостаточно сообщить, что «так решила система». Должны быть понятны основание решения, использованные сведения и порядок его обжалования. Иначе цифровой инструмент фактически превращается в посредника между человеком и государством.

Автоматизация не снимает ответственности с должностного лица и государственного органа. Алгоритм может выявить несоответствие, обработать большой массив данных или предложить вариант решения, однако юридическая оценка требует учитывать обстоятельства конкретного дела. Ошибка в исходных данных, неполнота сведений или особенности ситуации способны повлиять на результат. Поэтому решение, затрагивающее права человека, должно оставаться проверяемым. Гражданину важно иметь возможность обратиться к компетентному сотруднику, получить объяснение и представить документы, которые система не учла.

В работах, посвящённых современным инструментам трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики, цифровизация рассматривается как изменение самих управленческих процессов [8]. Для прав человека это означает, что гарантии следует закладывать уже при проектировании информационной системы. Нужно заранее определить, какие данные необходимы, кто вправе их видеть, как фиксируются действия пользователей и каким образом исправляются ошибки. Если эти вопросы откладываются на потом, техническое решение может закрепить проблему на долгий срок.

Отдельная проблема — неравный доступ к цифровым возможностям. Не каждый гражданин располагает подходящим устройством, устойчивым интернет-соединением или навыками работы с электронными сервисами. Для пожилого человека, жителя удалённой местности или лица с ограниченными возможностями здоровья переход услуги исключительно в онлайн-формат способен создать дополнительный барьер. Цифровое государство должно учитывать такие обстоятельства. Сохранение альтернативных способов обращения и доступный интерфейс в этом смысле являются практическими гарантиями равенства.

Защита прав человека связана и с информационной безопасностью. Утечка сведений, вмешательство в работу государственных систем, подмена информации или нарушение её целостности могут затронуть большое число граждан. Вопросы противодействия угрозам национальной безопасности в цифровой среде приобретают поэтому и правозащитное значение [9]. Безопасность не должна пониматься как основание для неограниченного сбора информации. Напротив, меры защиты должны иметь правовую цель, быть соразмерными и сопровождаться контролем.

Представляется, что правовой механизм защиты человека в цифровом обществе должен включать несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, ясные правила сбора и использования информации, позволяющие человеку понимать, что происходит с его данными. Во-вторых, доступ к сведениям о деятельности органов власти в удобной и пригодной для проверки форме. В-третьих, возможность исправить недостоверную информацию и оспорить решение, принятое с применением автоматизированных средств. Наконец, необходимы техническая безопасность систем и реальная ответственность за нарушения.

Значимую роль играет и мониторинг. Он позволяет увидеть, какие проблемы повторяются: например, какие электронные услуги чаще дают сбой, на каких этапах возникают задержки и по каким причинам граждане обращаются с жалобами. В научных работах мониторинг рассматривается как самостоятельная категория и правовой институт, а также как инструмент оценки регулирующего воздействия [10; 11]. Применительно к цифровым правам результаты такого наблюдения могут стать основанием для изменения процедуры, интерфейса или порядка обработки данных. Важно, чтобы мониторинг не превращался в сбор показателей ради отчёта, а приводил к понятным действиям.

Таким образом, цифровизация меняет способы осуществления прав человека и одновременно создаёт новые риски для их защиты. Электронные услуги, открытые данные и автоматизированная обработка способны сделать взаимодействие с государством проще. Но технологическое удобство не заменяет правовых гарантий. Человек должен знать, как используется информация о нём, иметь возможность получить объяснение решения и добиться исправления ошибки. Цифровое общество можно считать правовым лишь тогда, когда развитие технологий сопровождается уважением к частной жизни, доступностью информации, равенством и действенной возможностью защитить нарушенное право.

Литература:

1. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 27–30.
2. Алексеева М. В. Информационное право: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, исследующих правовые отношения в информационной сфере. Ростов-на-Дону, 2022.
3. Алексеева М. В. К вопросу о возможностях реализации права на доступ к информации в современных российских условиях // Современное общество и право. 2012. № 3 (8). С. 29–36.
4. Алексеева М. В. Обеспечение доступа к информации о деятельности государственных органов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. № 9 (15). С. 58–64.
5. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
6. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
7. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
8. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Современные инструменты трансформации государственного управления в условиях цифровой экономики // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 4. С. 9–15.
9. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 1. С. 47–53.
10. Алексеева М. В. Общее понятие о мониторинге как научной категории и правовом институте // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 1 (18). С. 9–14.
11. Алексеева М. В. Мониторинг в рамках институтов оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2017. № 2. С. 20–25.

Классические доктринальные подходы к правовой природе недействительных сделок и их отражение в современной судебной практике

Филина Анна Сергеевна, студент
Научный руководитель: Павлова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена исследованию противоположных подходов в классической цивилистике относительно правовой природы недействительных сделок, а также отражению данной проблематики в судебной практике.

Ключевые слова: *волеизъявление, воля, недействительная сделка, судебная практика, правовая доктрина, виды недействительности сделок, недействительная сделка как юридический факт.*

Доктринальное наследие советской цивилистики середины XX века **обладает фундаментальной значимостью** для современного гражданского права. Среди авторов, определивших направление научной мысли в области учения о сделке, центральное место занимают Михаил Михайлович Агарков (1890–1947), Иван Борисович Новицкий (1880–1958), Надежда Вениаминовна Рабинович (1890–1964). Их работы, созданные в 1940–1960-е гг., обозначили направления цивилистической мысли, сохраняющие актуальность и в настоящее время: что представляет собой сделка как юридический факт, может ли сделка быть недействительной, в чём состоит правовая природа недействительности сделки.

Раиса Осиповна Халфина, советский юрист и специалист по гражданскому праву, так отзывалась о М. М. Агаркове: «Высшая награда для учёного — жизнь его книг и идей. Эту награду М. М. Агарков получил сполна» [1]. Действительно, обращение к его научным работам остаётся необходимым при исследовании общих вопросов о сделках.

Существенное место среди трудов М. М. Агаркова занимает научная статья «Понятие сделки по советскому гражданскому праву», опубликованная в журнале «Советское государство и право» в 1946 г. В научной литературе отмечается, что эта работа стала фундаментальной для становления современной российской гражданско-

правовой теории сделки. Именно поэтому целесообразно **обратиться к её содержанию и рассмотреть, как автор определяет понятие сделки.**

М. М. Агарков указывает, что общетеоретический термин «сделка» сформировался в юридической науке довольно поздно. Автор проводит правовой анализ подходов к понятию сделки в советском законодательстве, в зарубежной доктрине, а также в русской дореволюционной цивилистике. Он отмечает, что уже в конце XVIII в. понятие сделки стало входить в русский юридический обиход, хотя доктринально сам термин изложен не был. Особым памятником цивилистической науки М. М. Агарков считает проект Гражданского уложения редакционной комиссии 1882 г., где впервые были сформулированы общие положения о сделках (ст. 56), а также определено, что к сделкам относятся не только договоры, но и односторонние волеизъявления. В дальнейшем, после составления ст. 56 проекта, в определение понятия сделки не было внесено ничего существенно нового. Таким образом, М. М. Агарков показывает, что понятие сделки, сложившееся в отечественной цивилистике к концу XIX в., оказалось устойчивым, но теоретически не разработанным в качестве самостоятельной правовой категории.

В целом, учёный отмечает, что «понятию сделки уделено очень мало внимания в советском праве» [2]. **Обращаясь непосредственно к ГК РСФСР 1922 г., следует отметить, что ст. 26 ГК РСФСР 1922 г. определяет сделку как действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений** [3]**. Следовательно, закон рассматривает сделку как юридический факт.** Профессор М. М. Агарков считает теоретическим недостатком, что термин «сделка» употребляется одновременно для обозначения таких юридических действий, которые направлены на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений и действительно приводят к этим последствиям, и для обозначения действий, которые направлены на достижение указанных юридических последствий, но на самом деле их не порождают. Излагая свой подход относительно недействительности сделок, учёный признал несоответствием, что сделка, будучи дозволенным действием, может оказаться недействительной.

Таким образом, по мнению М. М. Агаркова, термин «сделка» следует употреблять исключительно для обозначения тех действий, которые не только направлены на определённый юридический результат, но и действительно порождают его. Отсюда учёный делает вывод, что сделка не может быть недействительной, а недействительное действие не является сделкой. Можно заметить, что данный подход учёного отличается от общепринятой доктрины и правового регулирования того периода, в частности, в ст. 34 ГК РСФСР 1922 г.. указывается положение о мнимых сделках как о сделках, совершенных лишь для вида и без намерения породить юридические последствия. В противовес этому М. М. Агарков предложил оперировать более широким понятием — «волеизъявление»: волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, может быть действительным или недействительным. Принципиальным становится воля, направленная на правовой эффект. Тем самым учёный признавал, что сделка всегда действительна, только волеизъявление может быть действительным или недействительным.

В первый раздел книги «Избранные труды по гражданскому праву» вошли исследования М. М. Агаркова относительно теории сделок, в том числе, в данную книгу включена статья «Понятие сделки по советскому гражданскому праву». Выявив позицию учёного относительно недействительности сделок и проводя дальнейший анализ трудов ученого, необходимо систематизировать и обобщить его взгляды, относительного самого определения «сделка». М. М. Агарков определяет сделку как юридический факт, в результате которого устанавливаются, изменяются либо прекращаются гражданские правоотношения. При этом учёный специально подчёркивает: сделка **не является нормативным актом.** Для М. М. Агаркова норма права формулирует общее правило, а сделка устанавливает конкретное правоотношение между определёнными лицами. Таким образом, смешение понятий сделки и нормативного акта недопустимо.

Сделка совершается лицом, действующим в качестве **субъекта имущественных (гражданских) прав.** Этим сделка отличается от административного акта, хотя бы этот акт и был направлен на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений. Правила, установленные в законе для сделок, не имеют непосредственного применения к административным актам.

Правила, установленные в законе для сделок, не имеют непосредственного применения к правомерным юридическим действиям, направленным на установление, изменение или прекращение правоотношений неимущественного характера (например, к браку, усыновлению и т. д.).

Резюмируя сказанное, М. М. Агарков формулирует общее определение: **сделками называются правомерные юридические действия, совершаемые одним или несколькими лицами, выступающими в качестве субъектов имущественных (гражданских) прав, и устанавливающие, изменяющие или прекращающие гражданские правоотношения, на установление, изменение или прекращение которых они направлены**.

В современной судебной практике также уделяется внимание правовому значению воли в сделках. Это проявляется, в частности, при рассмотрении дел о пороках воли — заблуждении и обмане. Показательным примером является Решение Люберецкого городского суда Московской области от 30 октября 2025 г. по делу № 2–8309/2025 [4]. В данном деле истец полагала, что заключает договор займа под залог квартиры, однако в действительности подписала договор купли-продажи. Обман со стороны юридического лица ООО «Лайнер» в лице его генерального директора выразился в создании у истца ложного представления о правомерности и сути заключаемых сделок.

Истец полагала, что заключает договор займа с обеспечением в виде залога, в то время как умысел ООО «Лайнер» изначально был направлен на хищение ее квартиры путем оформления договора купли-продажи, по которому она не получала денежные средства. Следовательно, волеизъявление не совпадает с внутренней волей истца, которая была направлена на получение займа, а не на прекращение права собственности на квартиру. Суд квалифицировал всю цепочку сделок (договор займа, договор залога, договор купли-продажи) как притворные, ссылаясь на п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и указал, что они были совершены для вида с целью прикрыть истинный умысел — изъятие квартиры. Применяя последствия недействительности сделки, суд обязал вернуть квартиру истцу. Таким образом, доктринальные подходы учёных-цивилистов о значении воли поддерживаются судебной практикой.

По-другому подходил к рассматриваемым правовым категориям И. Б. Новицкий. Его главным научным трудом стала фундаментальная монография «Сделки. Исковая давность», изданная в 1954 г., заложившая основу научных исследований многих поколений цивилистов, в том числе современных.

И. Б. Новицкий считал неверным перенесение акцента со сделки на волю, а также выступал против введения в научную терминологию классификаций не сделок, а волеизъявлений. И. Б. Новицкий называл позицию М. М. Агаркова относительно недействительности сделок «и неправильной и бесцельной» [5]. Принципиальная неправильность перемещения проблемы недействительности со сделки на волю и волеизъявление, по мнению И. Б. Новицкого, обусловлена прежде всего тем, что при подходе М. М. Агаркова юридические последствия сделки включаются в фактический состав сделки. Между тем в сделке как одной из разновидностей юридических фактов необходимо строго различать сами факты и юридические последствия, которые с этими фактами связываются. Следовательно, отождествление сделки с её результатом по мнению И. Б. Новицкого неверно.

Не менее важен и другой аргумент И. Б. Новицкого о том, что недействительная сделка порождает юридические последствия. По мнению учёного, недействительная сделка **не может рассматриваться как не влекущая никаких последствий,** тем самым она четко отграничивается от незаключенного договора, который юридическим фактом не является. Она не приводит к тем последствиям, на достижение которых была рассчитана, но порождает другие: обязанность передать полученное по сделке в доход государства, возвратить полученное тому, от кого оно получено, и т. д. Следовательно, недействительная сделка как юридический факт существует, что существенно отличается от позиции М. М. Агаркова.

Далее И. Б. Новицкий обращает внимание на то, что в некоторых случаях недействительная сделка может порождать положительные юридические последствия, то есть последствия, на которые направлена воля сторон, но эти последствия могут быть «уничтожены по просьбе заинтересованного лица» (например, сделка, совершённая под влиянием существенного заблуждения). Учёный исходит из того, что, если воля выражена и направлена на определённый результат — установление, изменение или прекращение правоотношений, этот факт наступил и не наступившим стать не может. Следовательно, и недействительная сделка как юридический факт существует.

Таким образом, И. Б. Новицкий приходит к выводу о необходимости сохранения в научном обороте термина «недействительная сделка», без подмены его «недействительным волеизъявлением».

В монографии И. Б. Новицкий выступает с критикой традиционного противопоставления ничтожных и оспоримых сделок, указывая на их несоизмеримость. По мнению учёного, **оспоримость сама по себе ничего не говорит о сделке.** Это не характеристика сделки, а лишь **указание на то,** что сделку можно оспорить, но она уже существует и действует. Ничтожность представляет собой **состояние** сделки, при котором она недействительна в силу закона и без судебного признания. Исходя из указанного разграничения, И. Б. Новицкий предлагал заменить традиционные термины более точными, по его мнению, обозначениями: «абсолютно недействительные» сделки — вместо ничтожных и «относительно недействительные» сделки — вместо оспоримых.

Определяя понятие сделки, И. Б. Новицкий указывает его в следующем виде: с**делка — это правомерное волевое действие субъекта гражданского права, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, образующее сложный фактический состав и выражающее волю его участников.**

Существенный вклад в понимание правовой категории недействительности сделок внесла классик советской цивилистики Надежда Вениаминовна Рабинович.

Развивая взгляды И. Б. Новицкого, Н. В. Рабинович в монографии «Недействительность сделок и её последствия» (1960 г.) рассматривала недействительную сделку как особый вид юридического факта. В рамках отечественной правовой доктрины она подчеркивала, что под недействительностью нужно предполагать не отсутствие сделки, а её «дефектность» [6], которая выражается в неспособности породить те правовые последствия, на которые была направлена сделка из-за нарушения одного из условий действительности (незаконность содержания, недееспособность стороны, несоответствие воли и волеизъявления, несоблюдение формы).

Ключевое сходство с позицией И. Б. Новицкого состоит в том, что Н. В. Рабинович также не отрицала существование недействительной сделки как юридического факта. Она указывала, что такая сделка влечёт иные последствия, в связи с её недействительностью. Также Н. В. Рабинович рассматривала недействительные сделки как действия, сочетающие в себе признаки сделок и правонарушений. Таким образом, вклад Н. В. Рабинович в правовую доктрину состоит в том, что она уточнила подход И. Б. Но-

вицкого, обосновав, что недействительная сделка как юридический факт сохраняет своё существование.

Концепция И. Б. Новицкого о том, что недействительная сделка является юридическим фактом и порождает особые последствия находит прямое подтверждение в современной судебной практике. Показательным примером является Апелляционное определение Владимирского областного суда от 13 мая 2026 г. по делу № 33–2152/2026 [7]. Истец обратился в суд с требованием о признании договора потребительского займа **незаключённым,** поскольку полагал, что фактически не совершал действий, направленных на его заключение: с заявлением о предоставлении займа в банк не обращался, не знакомился с условиями договора, не подписывал его, *распоряжение на перечисление денежных средств ООО «Эдэкс» не давал. Истец исходил из того, что при отсутствии его воли на совершение сделки договор не может считаться заключенным. Суд, установив, что документы были подписаны электронной подписью и заёмные средства перечислены, квалифицировал сделку как недействительную, применив последствия недействительности сделок в виде возврата уплаченных истцом денежных средств. Таким образом, приведённое судебное решение отражает различие между недействительной сделкой и незаключенным договором.*

Проведённое исследование позиций М. М. Агаркова и И. Б. Новицкого о сделке и недействительности сделок позволяет сформулировать различия во взглядах учёных:

Во-первых, различается само понимание сделки в трудах учёных. У И. Б. Новицкого оно не сводится к простой совокупности воли и волеизъявления: сделке присущи направленность на юридический результат, правомерность и выражение воли участников. М. М. Агарков же делает акцент на другом — для него сделка есть действие, которое не только направлено на юридический результат, но и действительно порождает его. Таким образом, если у Новицкого сделка — это фактический состав, то у Агаркова определяющим является совпадение направленности и результата.

Во-вторых, М. М. Агарков и И. Б. Новицкий предложили две конкурирующие концепции сделки как юридического факта и недействительности сделок. Для М. М. Агаркова сделка не может быть недействительной, а недействительным может быть лишь волеизъявление. Для И. Б. Новицкого фактический состав сделки и её юридические последствия должны строго разграничиваться. Следовательно, сделка как юридический факт существует и порождает определённые последствия.

В-третьих, М. М. Агарков допускал отступление от законодательной советской терминологии и предлагал говорить о «недействительном волеизъявлении». И. Б. Новицкий считал такое отступление неоправданным, и наука не должна отходить от установленных законодательных формулировок.

Подводя итоги, отметим, что анализ научных трудов классиков цивилистики — М. М. Агаркова, И. Б. Новицкого, Н. В. Рабинович свидетельствует о том, что их концепции в дальнейшем имели свое развитие в трудах других ученых, используются современными цивилистами при анализе действующего законодательства, как российского, так и зарубежного. Имена этих ученых известны каждому современному цивилисту.

Литература:

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1 / М. М. Агарков. — М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.
2. Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков // Советское государство и право. — 1946. — № 3–4.
3. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 (ред. от 01.02.1949) «О введении в действие Гражданского кодекса Р. С. Ф. С. Р». (вместе с «Гражданским кодексом Р. С. Ф. С. Р».) // СУ РСФСР. — 1922. — № 71.
4. Решение Люберецкого городского суда Московской области от 30 октября 2025 г. по делу № 2–8309/2025: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. — URL: https://sudact.ru (дата обращения: 06.11.2026).
5. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность / И. Б. Новицкий. — М.: Госюриздат, 1954. — 245, [3] с. — (Курс советского гражданского права).
6. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и её последствия. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1960. 342 с.
7. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 13 мая 2026 г. по делу № 33–2152/2026: [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): интернет-портал. — URL: https://sudact.ru дата обращения: 08.11.2026).

Особенности производства осмотра, выемки и обыска электронных носителей информации и интернет-ресурсов

Хаджимусова Дарина Арсеновна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Данная работа посвящена детальному и всестороннему изучению особенностей связанных с производством следственных действий, а именно: осмотра, выемки и обыска электронных носителей информации и интернет-ресурсов. Значительная часть преступной деятельности перешла в электронно-цифровую среду, поэтому автор выделяет сведения, значимые для установления обстоятельств преступления, которые все реже существуют в виде вещей и бумажных документов. Они представлены файлами, сообщениями и учетными записями, которые размещены на устройствах или удаленных серверах.

Особое внимание уделено статистике, так по данным ГИАЦ МВД России, в первом полугодии 2026 г. преступления в сфере IT-технологий составили четверть от общего числа преступлений в стране.

Ключевые слова: *особенности производства осмотра, выемки и обыска электронных носителей информации и интернет-ресурсов, следственное действие, доказательственная база.*

Изучая данную проблему установлено, что за 2023–2026 гг. число преступлений, совершённых через сеть «Интернет», увеличилось почти на 100 %. Исходя из этого, автор считает расследование таких деяний приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов

Следует обратить внимание на форму взаимодействия преступника с потерпевшим. Оно осуществляется дистанционно через социальные сети (ВКонтакте, «Одноклассники», Instagram[1]), электронную почту и сервисы мгновенных сообщений (Telegram, WhatsApp, Skype, Discord) [1]. Следовая картина, возникающая при работе с распространенным программным обеспечением, требует особых технических и тактических приемов обнаружения, фиксации и изъятия. Эти приемы автор связывает со строгим соблюдением уголовно-процессуальных требований, поскольку от этого зависят законность и эффективность расследования.

Тезис А. А. Балашовой указывает на второй уровень проблемы. Значительный массив доказательственной электронно-цифровой информации находится на внешних информационных ресурсах, доступ к которым обеспечивает сеть Интернет [2]. Следователь имеет дело не только с материальным устройством, но и с информацией, размещенной вне его.

Технологические особенности сети «Интернет» усложняют задачу. Согласно характеристике, которую Б. А. Салимов заимствует у У. А. Меликова, Интернет представляет собой всемирную совокупность компьютерных сетей, использующих специальные протоколы обмена данными. У него нет единого центра обработки и хранения информации. Электронные данные размещаются на разных серверах, каждому из которых присвоен уникальный сетевой адрес, а передача по каналам связи не ограничена по объёму и происходит с высокой скоростью. Технология динамично развивается и со временем приобретает новые свойства.

Указанные свойства объясняют, почему сетевая информация не «привязана» к месту работы следователя. Местонахождение носителей такой информации нередко неизвестно либо они находятся за пределами страны. Между тем технология дистанционного доступа позволяет получить сведения без физического контакта с носителем, и для доказывания этот контакт утрачивает значение [3].

Интересна позиция А. О. Соколовой и Д. А. Мохорова которые исходят из того, что электронный носитель и хранящаяся на нём информация не тождественны. Мобильный телефон является материальным объектом, а фотографии, переписка, документы и сведения об использовании приложений — это уже цифровая информация [4]. В последствии чего автор напоминает, что вещественными доказательствами по ст. 81 УПК РФ признаются предметы, служившие орудиями преступления или сохранившие его следы. Носители, изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами, подлежат возврату лицам, у которых они были изъяты. Отсюда следует, что процессуальная судьба устройства и судьба содержащихся в нём данных определяются по разным основаниям, и способ получения доказательственной информации зависит от этого различия.

Кроме того, информация не всегда локализована в изъятом устройстве. Мобильный телефон может лишь обеспечивать доступ к учетной записи, а основной объем данных хранится на удаленном сервере. Таким образом, изъятие устройства не гарантирует получение всего массива сведений, связанных с его владельцем.

Далее рассмотрим электронные носители как материальные объекты. Осмотр (ст. 176, 177 УПК РФ) направлен на исследование местности, жилища, здания,

[1] Продукция компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

помещения, сооружения и иных объектов для обнаружения следов преступления и выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Его можно проводить и до возбуждения дела. При осмотре изымаются только предметы, связанные с обстоятельствами преступления в рамках ст. 144 УПК РФ или с уголовным делом. Жилище осматривается с согласия проживающих в нем лиц или по решению суда, помещение организации (в присутствии представителя администрации). Если обеспечить его участие невозможно, в протоколе делается соответствующая запись.

Основанием для проведения обыска по ст. 182 УПК РФ служат достаточные данные о том, что в каком-либо месте или у какого-либо лица находятся орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, а также предметы, документы и ценности, имеющие значение для дела. Следует подчеркнуть, что обыск ограничивает право на личную свободу, неприкосновенность частной жизни и жилища, и рекомендуется поручать его проведение следователю, в производстве которого находится дело, независимо от места проведения. Выемка производится, когда необходимо изъять определенные предметы и документы и точно известно, где и у кого они находятся (ст. 183 УПК РФ). Ученые рассматривают принудительную выемку как разновидность обыска, ограниченную изъятием заведомо известных следователю объектов. В ходе обыска изымаются все обнаруженные предметы и документы, имеющие отношение к расследуемому преступлению.

Исследование цифровой информации может проводиться следователем, специалистом либо в рамках судебной экспертизы, а выбор формы зависит от сложности задачи. Если установление обстоятельств требует специальных знаний в области компьютерной техники, программного обеспечения или информационных систем, экспертиза даёт обоснованный результат с применением специальных методов.

Ученые криминалисты подчёркивают также ориентир Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37 [6]. Документ требует устанавливать обстоятельства, связанные с использованием электронных и информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступлений, и допускает привлечение специалистов для решения технических вопросов.

Для перехода к сетевым ресурсам важно ещё одно замечание. Информация нередко находится в облачных хранилищах, на удалённых серверах и в распределённых системах, и физическое изъятие устройства не обеспечивает получения всего объёма сведений. Поэтому необходимо развивать механизмы работы с информацией, расположенной за пределами изъятого устройства.

Говоря про фиксацию хода и его результатов то следует оговорить про требования к протоколу, который при сопоставлении образуют единый набор. Д. В. Бахтеев формулирует три положения.

В протоколе обязательно описываются содержимое и реквизиты электронно-цифровой информации, а при копировании к протоколу прилагается носитель. В протоколе отражаются все действия по обнаружению и фиксации, а также использованные технические устройства и программные продукты. Необходимо правильно установить связь между информацией, расследуемым событием и конкретным участником судопроизводства [5]. Следует также указывать в протоколе техническое средство и способ размещения данных в сети.

Резюмируя вышеизложенное, производство осмотра, выемки и обыска в цифровой среде должно строиться на разграничении трех категорий: материального электронного носителя, цифровой информации и технического средства доступа., ввиду этого следователь при работе с электронными носителями ограничен ст. 164.1 УПК РФ, определяющей случаи и условия изъятия носителей, участие специалиста и возможность копирования

Так же отмечено, что цифровая информация обладает свойствами (хрупкость, копируемость, зависимость от контекста), которые требуют особых мер обеспечения целостности: работа на копии, использование хеш-функций, фиксация контекста. Наличие информации на устройстве не доказывает авторства конкретного лица, поэтому вывод проверяется совокупностью доказательств.

Литература:

1. Паутов С. С. Основные тактические особенности и приемы изъятия средств вычислительной техники и электронных носителей информации при проведении следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 295.
2. Балашова А. А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. … канд. юрид. наук. М., 2020. С. 105.
3. Салимов Б. А. Особенности обнаружения и фиксации электронно-цифровых следов, содержащихся на ресурсах сети Интернет // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2022. № 4 (56). С. 162–171.
4. Соколова А. О., Мохоров Д. А. Изъятие и исследование цифровой информации при производстве следственных действий // Вестник науки. № 9 (102). Т. 3. С. 276.Антонов О. Ю. Принципы получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1.
5. Бахтеев Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3. С. 34.

6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 № 37 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/.

10

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.